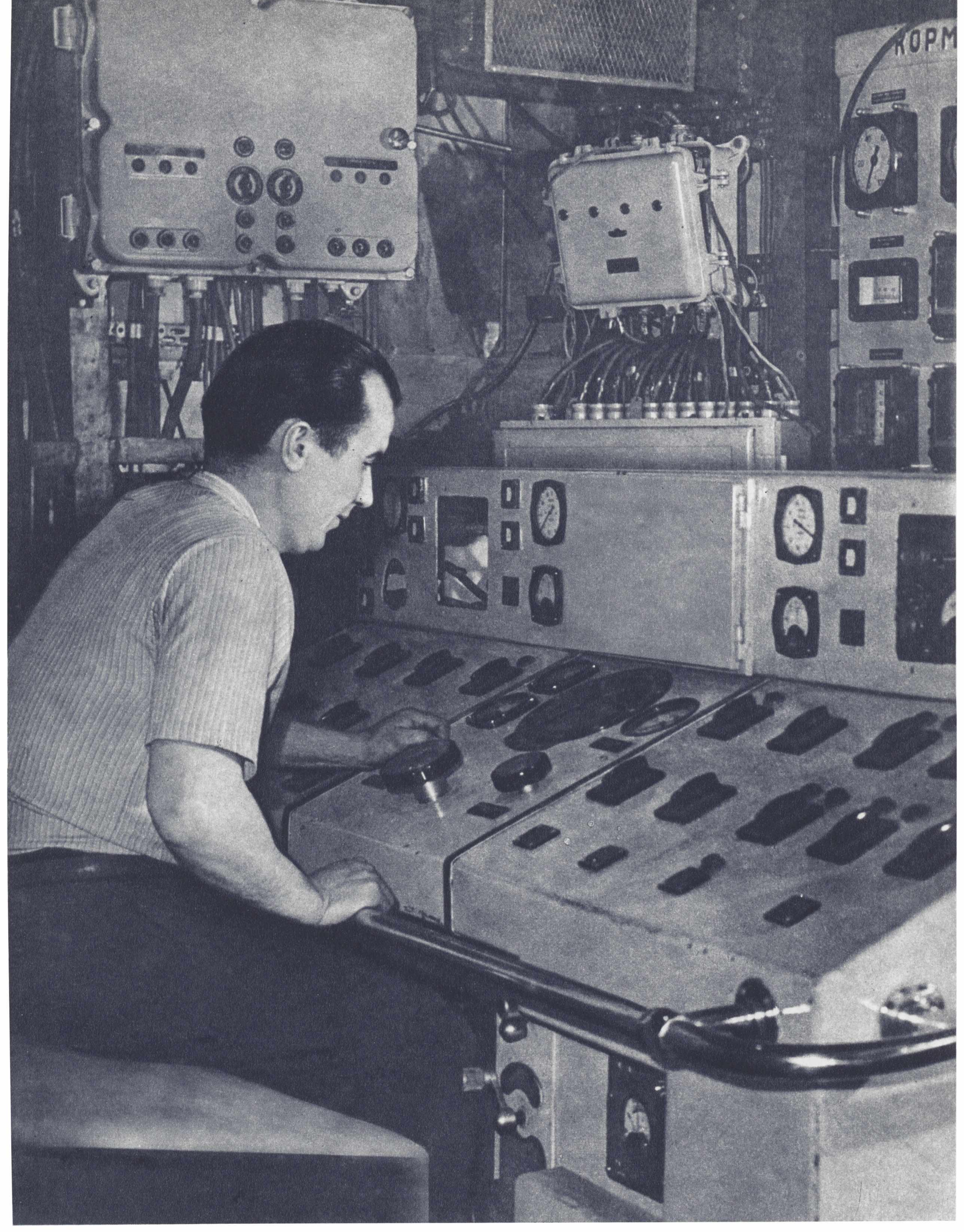

ОГОНЁК
№ 49 НОЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пульт управления атомного реактора ледокола «Ленин».

Фото М. Кухтарева.

На первой странице обложки: Нефтемаслозавод имени А. Джапаридзе в Баку. Старшая лаборантка заводской лаборатории Алима Джалилова.

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Новгород. Памятник «Тысячелетие России».

Фото Н. Козловского.

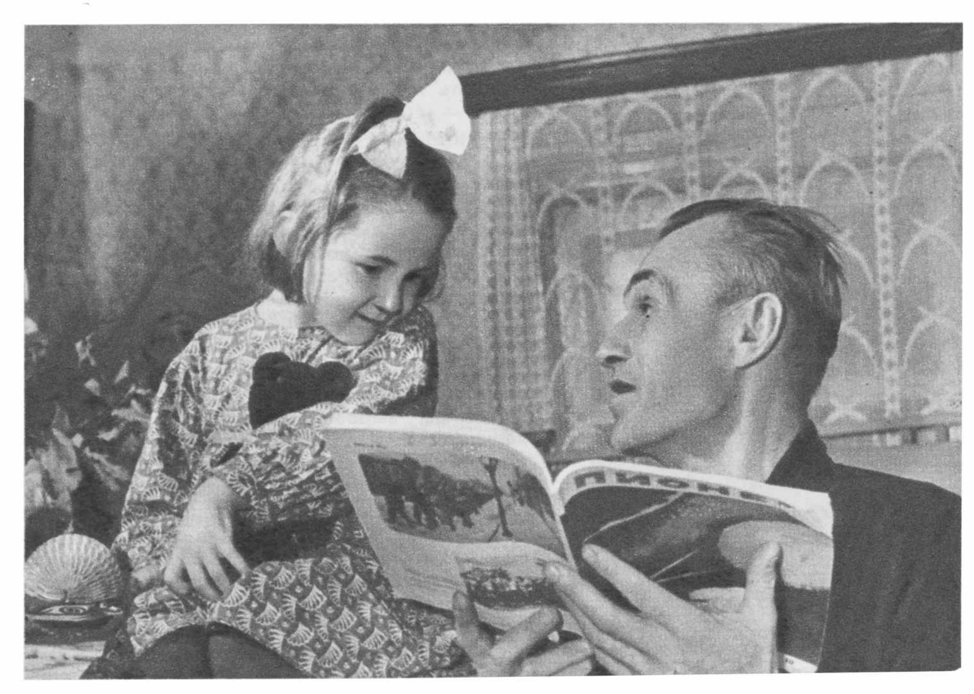
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

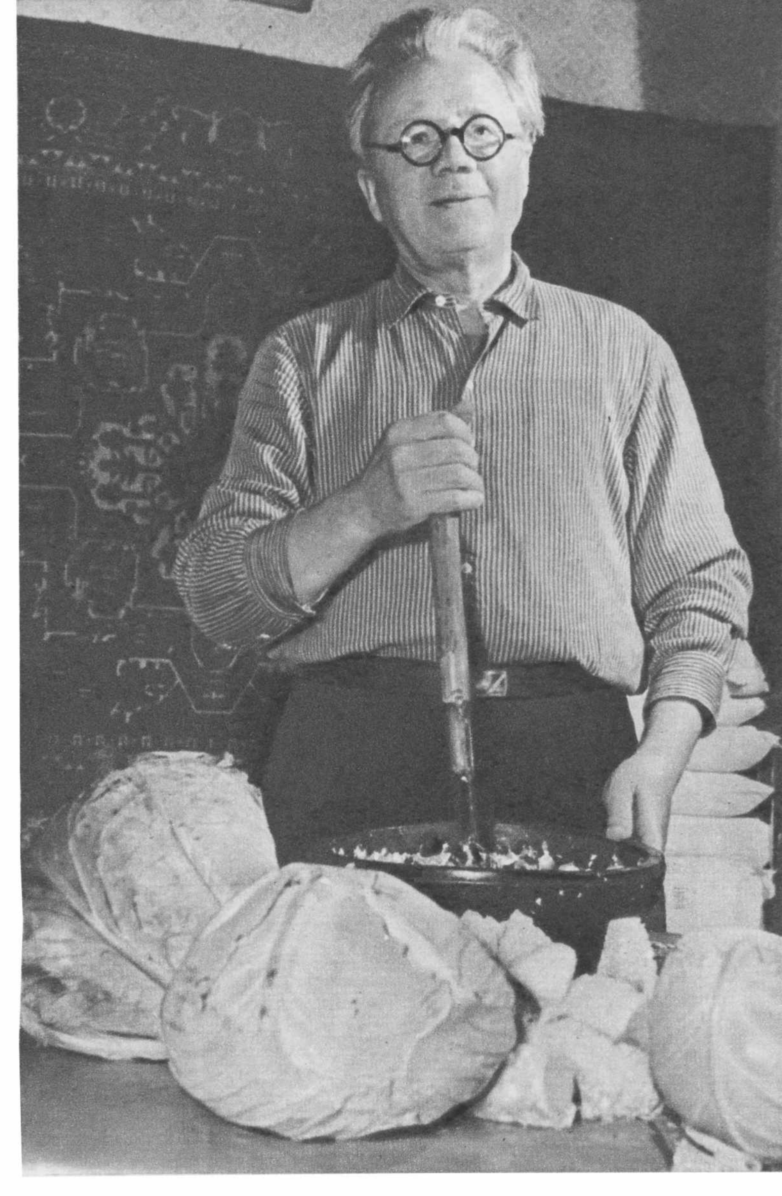
ОГОНЁК

36-й год издания

№ 49 (1642) 30 НОЯБРЯ 1958

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

5 декабря — праздничный день для каждого советского человека. Этот день еще раз напоминает о величественных победах социализма, кратко выраженных в статьях основного закона советского общества — Конституции Союза Советских Социалистических Республик.

Право на труд, на отдых, на образование, подлинное равноправие, великие права, завоеванные советским человеком, восхищают весь мир. Конституция раскрыла широчайшие возможности перед каждым гражданином нашей страны. Он твердо знает, что найдет применение своим силам и способностям, что, хорошо потрудившись на благо Родины, он будет иметь на склоне лет спокойный, обеспеченный отдых.

Об этом отдыхе и рассказывает наш репортаж из города Калинина, где ушедшие на отдых труженики каждый месяц получают свыше десяти миллионов рублей.

Шесть медалей — боевых и трудовых — отмечают долгий жизненный путь Николая Алексеевича Бордюкова — командира штурмового взвода в пору войны, почтового работника в дни мира. Вот уже второй год он на пенсии, 624 рубля получает в месяц.

— Сейчас вот с внучкой Любочкой досуг провожу...

Инженера-строителя Николая Петровича Малькова мы застали дома. Он помогал жене Вере Алексеевне шинковать капусту. На своем огороде выращенная и своего соления, что может быть лучше на зиму! Мальков предъявил почтальону пенсионные книжки — свою и жены — и на стол легла пачка денег — 1 156 рублей.

Всем на радость!

1 100 рублей почтальон М. П. Виноградова вручает сестрам Крыловым, Вере Арсеньевне — мастеру производственного обучения, и Екатерине Арсеньевне — технологу. У каждой из них за плечами сорок лет работы на фабрике имени Володарского.

Евдокия Кузьминична Матросова — опытная швея. Уходя на пенсию, она подготовила себе смену, обучив ремеслу десятиклассницу Аллу Весюкову.

— Пятьсот рублей в месяц получаю, — рассказывает Матросова. — Сын Николай — слесарь на механическом, женился недавно, комнату получил. Да что говорить, знай живи, — никому не в тягость, всем на радость!

Фото С. Фридлянда.

ЗНАМЕНОСЦЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО

В бригаде коммунистического труда, на 7-й домне Магнитогорского металлургического комбината, идет пятиминутное совещание перед началом смены. Слева направо: горновой Петр Гопцар, старший горновой Иван Душкин, горновые Борис Черномырдин и Валерий Мещеров, помощник машиниста вагона-весов Александр Тимофеев, мастер Константин Хабаров, газовщик Иван Лобай, горновой Нурмурат Ергашёв.

Фото И. Тюфякова.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОКОЛЕНИЙ

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

В газовой будке домны раздался продолжительный телефонный звонок.

— Тебя, Костя!

Газовщик Иван Лобай протянул трубку мастеру печи. Тот обеспокоенно прохаживался вдоль приборной панели. На широких плечах его куртки поблескивали кристаллы графита: мастер только что побывал у горна. Сегодня смена началась с неудачи: пришлось заменить одну из фурм. Правда, трудную эту операцию бригада провела в считанные минуты, но печь все еще не могла войти в режим.

— Сбросить давление,— сказал мастер.— Кто там? Скажи, пусть позвонят попозже.

— Ленинград вызывает.

— Ленинград? А кто у нас в Ленинграде?

Отдав необходимые распоряжения, мастер подсел к столу. Прижал к уху трубку.

— Хабаров слушает... Дела? Ничего идут дела... Нормально. Кто говорит? — Хабаров перестал хмуриться. Его моложавое лицо затеплилось доброй улыбкой. Тыльной стороной ладони он вытер со лба пот и сажу. Слушая то, что говорилось на другом конце провода, улыбался все светлее.

— Готовимся, как же,— говорил Хабаров, прикрывая трубку ладонью, опасаясь, чтобы Ленинград не пропустил ни одного слова его сообщения.— Подарочек хотим сделать съезду — две с половиной тысячи тонн чугуна. Что? Конечно, сверх! Сверх плана. Чистоту вот навели на домне. Всюду побелили, весь хлам убрали, выскребли каждый уголок. Приезжайте посмотреть. Учимся? Нет, еще не все. Не все еще учимся, но будем обязательно. Раз дали слово... Раз бригада коммунистического труда... Большое спасибо вам. За веру спасибо! Эстафету принимаем. До свидания!

Константин Хабаров положил трубку и несколько минут сидел, задумавшись. Потом снова подошел к приборам. Ход печи выравнивался. Когда через полчаса девушка из столовой принесла доменщикам ужин, потерянные минуты были уже наверстаны.

— С кем же ты разговаривал? — спросил Иван Лобай.

— Это, брат, такое... Это надо всей бригаде рассказать. Слушайте, ребята. Знаете, кто нас только что приветствовал? Старые ленинградские комсомолки, члены первой ударной бригады. Они на фабрике «Равенство» еще тридцать лет назад начали социалистическое соревнование. Мы, говорят, приветствуем вас, как продолжателей славных традиций Ленинского комсомола. Мы, говорят, вот здесь собрались вместе, ветераны соревнования, и решили вам позвонить в Магнитогорск — поздравить с вашим славным начинанием. Ефремова Евгения Викторовна говорила. От имени всех говорила. А вы, спрашиваю, еще работаете или уже на пенсию вышли? Нет, говорит, хоть мы и пожилые, но на пенсию не идем.

Значительные исторические события начинаются иногда с небольшого, на первый взгляд будничного. Утром 18 ноября 1958 года «Комсомольская правда» рассказала на своих страницах о возникшем в гуще советской молодежи новом трудовом патриотическом движении. Разгорелось оно от той искры, которую дали тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза.

Родники забили сразу в разных концах страны и бурливыми ключами комсомольской инициативы вырвались на поверхность. Вырвались они и здесь, в Магнитогорске, на седьмой домне, пущенной в 1952 году к XIX съезду партии.

...Вскоре после окончания войны редакционная командировка привела меня к пылающим печам Магнитки. Журналистов интересовали юные магнитогорцы, заменившие ушедших в армию доменщиков и сталеваров старшего поколения. И тогда нам рассказали о младшем сыне одного из первых строителей комбината, воспитаннике ремесленного училища, который на второй день войны, двадцать третьего июня сорок первого года, вышел на первую в своей жизни трудовую вахту — подручным горнового. Этот мальчик, Костя Хабаров, с трудом подымал пику, чтобы прочистить лёточное отверстие домны.

В 1947 году Костя был уже газовщиком на пятой домне. Я помню, как пришел к Хабарову домой. Жил он тогда еще в левобережной части города, недалеко от цехов, но уже не в бараке, а в каменном доме, в маленькой светлой квартирке. Там познакомил он меня со всем своим семейством—с матерью Варварой Артемьевной, с женой Аней, студенткой техникума, с годовалым сынишкой Юрой: тот спал в кроватке, причмокивая во сне губами. Мы говорили о будущем, и Костя делился своими планами: обязательно получить среднее, а затем и высшее образование, а главное — вместе со всеми комсомольцами сделать свою домну образцовой.

И вот новая встреча. Газовщик стал мастером на известной ныне всей стране седьмой домне — ударном участке семилетки.

Я в гостях у той же семьи. Хабаровы живут теперь на правом берегу Урала, в самой лучшей части города, в красивом, благоустроенном доме. Квартира побольше прежней, но ведь и семья выросла: кроме сына Юрия («Вот какой вымахал!»), растет и дочь Лариса. Аню теперь все зовут Анной Ивановной. Она справляется и с домашними хлопотами и со своей конструкторской работой в технологической группе доменного цеха.

— Один пункт я лично не выполнил,— строго говорит Хабаров, когда мы вспомнили о той нашей давнишней беседе.— Десятилетку, правда, окончил. Школу мастеров тоже. А вот институт... Прозанимался полтора курса и выдохся.

— Так ты ведь тогда совсем измотался,— мягко вставляет Анна Ивановна.— Вспомни, Костя, как трудно было на домне. Только придешь со смены — валишься на постель.

— Мало что! А вот Леня Рябцев сумел. Такой же сменный мастер, как и я. Такие же трудности, а побеждал...

Большая, чистая, по-юному суровая требовательность к себе и к своим товарищам, тре-

ТРУДА ПРИНИМАЮТ ЭСТАФЕТУ

бовательность не только к тому, что касается производства, но и ко всей духовной жизни человека,— вот характерная черта организаторов коммунистического соревнования наших дней.

На другой день я пришел на седьмую печь, когда несла вахту смена Леонида Рябцева.

Заглянул на домну один из руководителей комбината.

— Звонили сейчас из совнархоза,— сказал он Рябцеву.— Спрашивают насчет вашего обязательства по сере. Сумеете до января?

Речь шла о снижении процента серы в чугуне. Рябцев ответил не сразу. Его тонкое удлиненное смуглое лицо, задумчивые глаза под густыми темными бровями отражали напряженную работу мысли.

— Нет, до января не сумеем,— после долгой паузы ответил Рябцев.— Мы обещали добиться этого в течение тысяча девятьсот пятьдесят девятого года — и за год мы добьемся. А месяц — слишком маленький срок.

Не хотел он бросать слова на ветер, не хотел давать пустых, зряшных обещаний.

— По сере — самое трудное наше обязательство,— сказал мне Рябцев, когда ушел товарищ из дирекции.— По сере и... по воспитанию.

— По воспитанию?

Рябцев пояснил свою мысль. Вот так же, как сера ослабляет структуру металла, так и кое-что в человеческих отношениях часто мешает коллективу. Когда на домне обсуждали тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева, кто-то спросил, быть может, наивно, но искренне:

— А что, если завтра... коммунизм? Кто из нас может сказать, что он подготовлен к жизни при коммунизме?

И тут же раздались голоса:

— Нет, не все еще пока!

Вот горновой Иван Папуша, вчерашний солдат. В работу всю душу вкладывает, не боится огня, самый ловкий и расторопный на разливке металла. А знаний пока еще маловато, книгами не интересуется. Другой горновой, Василий Горьков, технически подготовлен основательней, чем Папуша, но у него другая «минусная» черта: чурается общественной жизни, на собрания его чуть ли не силком тащишь. Казалось бы, все хорошо у машиниста вагона-весов Василия Ворожбитова. Отлично изучил не только свое дело, но разбирается во всем технологическом процессе доменного производства. Много читает, выписывает несколько газет и журналов. Но товарищей задевает порой его резкость, несдержанность в словах.

«Выжигание серы» из людских характеров, облагораживание душ — это, пожалуй, посложнее, чем самая хитроумная техническая задача.

Мне рассказывали на домне о горновом Михаиле Сорокине. Случалось, выпивал, ронял свое рабочее достоинство. Вся бригада ополчилась на него. Сорокину не грозили, его не ругали в голос, но ему дали понять: или отказывайся от своей пагубной страстишки, или мы больше тебе не товарищи. Костя Хабаров, Иван Лобай несколько раз приходили к Сорокину домой, подолгу разговаривали с ним, приглашали к себе. И хорошее, настоящее, здоровое, что было заложено в натуре Сорокина, стало постепенно брать в нем верх. Он выправился. Сейчас Сорокин в армии. Вот письмо, которое получила от него бригада:

«Привет с далеких тихоокеанских берегов. Здравствуйте, дорогие товарищи! С большим солдатским приветом к вам Михаил Сорокин.

В настоящее время служба идет у меня нормально. Одним словом, доволен своей службой. Часто думаю: вернусь когда к домне, так буду работать по-настоящему, как следует. Я немного был неправ перед вами и сейчас виню себя за это.

Желаю вам занять первое место в социалистическом соревновании, добиться наилучшего качества. В свободное время пишу книгу о своих переживаниях. Написал уже 140 страниц. Кончу одну, начну другую. Пока еще не давал проверять. Еще раз желаю больших успехов в работе и внедрения всего нового в доменное производство. Передайте привет всей бригаде, а особенно Хабарову и Лобаю, а также Сергиенко и начальнику смены Крюкову».

...С одним из тех, кого упоминает в своем письме Сорокин, со старшим горновым Василием Ивановичем Сергиенко, я стоял на железном мостике у горна, наблюдая за очередной плавкой.

Василий Иванович уже не очень молод, хотя и не стар: четвертый десяток пошел. Профессиональный опыт его богат. По всему заводу расклеены плакаты с наглядными рисунками и схемами, объясняющими, как Василий Иванович следит за исправным состоянием футляров, горновой канавы, перевала, инструмента, как он быстро и четко пробуривает с помощью бурмашины лёточное отверстие. Но вот образование у него всего шесть классов: не учился с сорокового года. Да и то сказать, семья немаленькая...

— Как ни тяжело,— говорит он мне,— а придется садиться за школьную парту вместе с молодежью. Иначе Костя Хабаров, Леня Рябцев, все комсомольцы заклюют меня.

А ему не хочется, ни за что не хочется уходить с седьмой домны. Не только потому, что она красавица, которой восхищаются все приезжающие на Магнитку, но и потому, что здесь, именно здесь Сергиенко воочию увидел ростки живого коммунизма.

— Василий Иванович, а как вы представляете себе жизнь человека в коммунистическом обществе?

Он долго смотрит на неукротимый поток белого огня и тихо отвечает:

— Как? А вот чтобы люди смотрели на меня и радовались. Смотрели и радовались!..

Ветераны первой ударной бригады с ленинградской фабрики «Равенство». Сидят (слева направо): Е. В. Васильева, А. Г. Слинько, Е. В. Ефремова, Ф. С. Вайншток, А. А. Малышева, А. К. Мусолин, Е. Г. Кожевникова, К. Ф. Чугунова, А. М. Заманский, С. А. Костина; стоят: Н. А. Резцова, А. П. Ганцев, З. Л. Тарасова, М. И. Мусницкая, В. К. Ильина, О. В. Некрасова, Н. К. Гольдовская, А. Н. Волкова.

Фото Б. Уткина.

Вот они, ветераны первой ударной!

По просьбе магнитогорского доменщика Константина Хабарова и его товарищей наш ленинградский корреспондент сообщает о судьбе первой ударной комсомольской бригады, созданной в 1928 году на фабрике «Равенство».

На одной из улиц Нарвской заставы высился старый корпус бумагопрядильной фабрики «Равенство». После длительной консервации производство здесь налаживалось с большим трудом. Качество пряжи оставалось очень низким. Поступали жалобы от потребителей.

И вот у коммунистов и комсомольцев возникла мысль создать опытно-показательные группы молодежи во всех цехах. Загудели комсомольские веретена. Фабричная партийная организация изо дня в день помогала первой в Ленинграде и стране ударной бригаде, по примеру которой затем встали на вахту сотни и тысячи других рабочих.

С тех пор прошло более тридцати лет. Какова судьба ветеранов первой ударной?

Бывшая работница Елена Георгиевна Кожевникова, инженер, руководит сейчас большим ленточно-ровничным цехом комбината «Красная нить». Инженером работает на гардинно-кружевной фабрике Евгения Викторовна Ефремова. Она училась в промакадемии вместе с Кожевниковой. Е. Ефремова — секретарь партийной организации. Клавдия Федоровна Чугунова — контрольный мастер на заводе. Бывший мюльщик А. М. Заманский по путевке комсомола окончил без отрыва от производства Политехнический институт и сейчас руководит группой инженеров в Центральном котлотурбинном институте. Алексей Константинович Мусолин — инженер-полковник, преподает в Военно-воздушной академии имени Можайского. Екатерина Васильевна Васильева — помощник директора ФЗУ на фабрике «Веретено», воспитывает молодежь. Серафима Акимовна Костина сейчас руководит обкомом Союза госторговли и потребкооперации. Варвара Ивановна Страшкевич трудится сменным мастером на прядильно-ниточном комбинате «Советская Звезда».

Ветераны первой ударной бригады по-прежнему в дружбе, часто встречаются. С интересом слушают они рассказ Евгении Викторовны Ефремовой о телефонном разговоре с «Магниткой».

— Эстафету передала? — спрашивает кто-то.

— Передала! И в гости к нам пригласила.

К. ЧЕРЕВКОВ

Три песни о жизни

Вл. РУДИМ

Фото И. Ганюшкина и А. Соловьева

Нас познакомила песня

В одной из аудиторий пели негромко и очень старательно. Мелодию я узнал еще издали, но слов разобрать не мог, даже подойдя вплотную к двери.

На перемене студенты сказали:

— Мы пели «Во поле березонька стояла» на эвенском языке.

— А кто же ее перевел?

— Мы сами с Ульяной Михайловной.

Ульяна Михайловна Назарова, преподаватель эвенского языка, пригласила меня на следующий урок:

— Заходите, послушайте, будем продолжать работу над переводом.

Так началось мое знакомство со студентами эвенской группы Магаданского педагогического училища.

За партами сидели два парня и семнадцать девушек.

После урока — он был последним в этот день — мы долго беседовали с ними. Интересы у моих новых друзей оказались различными. Маше Кобельковой по душе литература, Лина Слепцова больше всего любит математику и шитье («Я уже умею шить платья»), Маша Дьячкова — географию и народные сказки, Майя Слепцова—музыку («Только пианино меня еще не всегда слушается»), Таня Слепцова — песни. Впрочем, песни любят все, и все охотно поют, особенно по вечерам, после того, как выполнены домашние задания.

Я попросил девушек познакомить меня с эвенскими песнями.

— Приходите к нам завтра в общежитие. И Ульяна Михайловна тоже будет у нас, она знает много эвенских песен и сказок.

В тот вечер мне больше других запомнились три песни. О них и хочется рассказать.

Преподаватель эвенского языка Ульяна Михайловна Назарова.

Анино наследство

Удобно устроившись на стульях и маленьких скамеечках, девушки рукодельничали и тихо, вполголоса напевали.

— Чья это песня? О чем? — спросил я Аню, склонившуюся над вышивкой.

— Моя песня,— ответила она и, видимо, прочтя на моем лице некоторое недоумение, добавила: — У каждого есть своя песня. Даже у куличана — так у нас комар называется. А у человека обязательно! И у меня тоже своя песня. О чем? О моей жизни.

И Аня снова тихонько повела простой, сердечный и бесхитростный напев, который, возможно, сочинила сама, а может быть, слышала от родителей.

Стараясь не помешать Ане, Ульяна Михайловна шепотом переводила мне.

Это была песня о жизни Ани, о жизни ее родителей, это была песня-сказание, и поэтому Аня то прерывала пение и начинала рассказывать, то рассказ заканчивала песней.

...Ане досталось в наследство от предков немногое — только фамилия. Но фамилия говорила о многом.

Дед Ани был известен в кочевье большой семьей. Жили впроголодь («Хуже, чем ездовые собаки»,—пела Аня), одевались в лохмотья. Так и говорили про них: драные. Крепко присосалась эта кличка, так крепко, что в конце концов стала фамилией.

Бедняком, с хилым здоровьем вышел в жизнь Дмитрий Драный — отец Ани. И хотя с годами, особенно в колхозе, дела его поправились, но сил уже оставалось мало, и умер Дмитрий Драный прежде времени. Вслед за ним болезнь унесла и мать Ани.

Остались в далеком Анюйске сиротами Аня, ее младший брат, Сеня, и старший, Иван.

Случись это раньше, горько было бы сиротам.

Воспоминания увлажнили черные глаза девушки, маленькие проворные пальцы, державшие иглу с ярко-желтой ниткой, застыли. Аня умолкла и, вздохнув, сказала:

— Пришлось бы нам перебиваться по-сиротски.

Аня рассказала, что это значит: если взрослым попадалась крупная добыча на охоте и они ее разделывали сообща, то сиротам разрешалось пользоваться остатками.

Но не пришлось сиротам испытать горькой доли. Их семьей стал интернат, где дети эвенов жили на полном государственном обеспечении и учились. Иван, Аня и Сеня первыми в старом и бедном роду Драных овладели грамотой, стали комсомольцами.

Аня окончила семь классов. И когда сказала, что хочет учиться дальше, ей купили билет для поездки в неведомый большой город, где нет ни одного чума, где поднимаются высокие каменные жилища, называемые домами. Из Анюйска сперва плыла на катере, потом полетела на самолете впервые в жизни.

— Я поняла, что настал важный переезд. А все прежние, на собаках, оленях,— это были второстепенные переезды.

В Магадане Аня и ее подруги тоже всем обеспечены от государства, вплоть до карманных денег. В городском ателье им уже пошили бесплатно осенние и зимние пальто. Сегодня эвенки ходили туда заказывать платья.

Из ателье я шел по городу с Аней, и она оживленно говорила:

— Такие высокие дома я увидела здесь впервые. И этот театр! До Магадана я в театре не бывала, только кино смотрела. Но самое главное, с чем я впервые познакомилась в Магадане, — это новые знания. Ой, как много интересного я узнала на уроках, из книг! Будто открыла для себя новый мир. Открытие нового началось даже раньше — в самолете. Наверное, там, в воздухе, я и полюбила географию. Мне так захотелось всюду побывать, хотя бы всю нашу область объехать, ведь она очень большая и лежит в двух полушариях... А мой брат Сеня увидит еще больше, чем я.

— Почему же больше?

Аня достает из кармана письмо.

— От Сени. Он в седьмом классе учится. Я его зову сюда, в училище, а он не хочет! Пишет, что окончит десять классов (теперь в Анюйске уже десятилетка) и пойдет в институт.

Самолет повезет его еще дальше, чем меня, в еще больший город, чем Магадан. Ведь институт выше училища, значит, и город должен быть крупнее.

Видите, какая теперь жизнь у семьи Драных!

От всей души

У Маши Кобельковой тоже была своя песня о жизни. Вот ее начало: «Мои родители умели крепко держать в руках чёрами — палку, которой погоняют оленей,— но никогда не держали карандаша. А их дочь, юная эвенка Маша, овладела тем и другим. Карандаш она держит даже лучше, чем длинную чёрами».

Маша сделала паузу, и я спросил Кобелькову, как она проводит свободное время.

— А у меня нет свободного времени,— ответила она и пояснила: — Занятия, уроки музыки, чтение, археологический кружок, каток, танцы, хор, кино...

Нужно еще добавить, что увлекательную книгу Маша читает раза два — три, а понравившийся кинофильм смотрит раз пять. Где же тут быть свободному времени!

— Я хочу много-много знать!— восклицает эвенка и делает широкий жест, будто хочет обнять что-то большое. — Это ведь так интересно—все время что-то узнавать! У нас тут с первого же дня были новости, когда мы только знакомились друг с другом.

В краях, где выросла Маша, заведено: если встречаются незнакомые люди, сразу же говорят, кто такие, откуда прибыли, куда направляются, с каким делом. Так произошло и в общежитии: девушки охотно рассказывали о себе, даже комсомольские билеты и паспорта показали. У Маши Кобельковой в паспорте, в графе «национальность», стояло: орочелка, у Ани Драной — эвенка, у Лены Дьячковой — ламутка, у Зои Санниковой — камчадалка. Столько разных национальностей!

В училище Ульяна Михайловна разъяснила: все они одной национальности — эвенской. Это их «подвели» в паспортных столах: написали наименования, по которым эвены отличаются на севере каким-либо признаком. Так, ламут означает «приморский», «прибрежный», ороч — «оленный», камчадал—«оседлый», «обруселый».

С того часа каждый день был щедр на новости.

— Вот сколько мы узнали! — показывает Маша на этажерку, до отказа забитую книгами.

Однажды, порывшись в книгах мальчиков, Маша с удивлением обнаружила, что один том был почти наполовину перечеркнут карандашом.

— Это кто же так сделал?

— Я.

— Зачем испортил книгу?

— Почему испортил? Что не

Вот каков он, бубен шамана! Маша Дьячкова (слева) и Маша Кобелькова в краеведческом музее.

понравилось, вычеркнул, что хорошо, оставил.

О «книжном вредителе» Маша поместила заметку в сатирической стенгазете «Еж». Паренек перестал перечеркивать страницы, но все же продолжал сомневаться: правильно ли оставлять в книгах без последствий то, что нехорошо написано.

Как-то Маша сказала мне:

— Сейчас учиться легко, а раньше трудно было. Пешком нужно было далеко ходить, на оленях ехать, на катере плыть.

...В селении Таватум, где жила семья охотника, члена артели «Путь Ленина» Николая Ильича Кобелькова, не было школы-интерната, и своих детей Николай Ильич отправлял в другое селение — Гарманда. Туда путь далекий: из Таватума до Эвенска плыть восемь часов на катере, а из Эвенска — сорок пять километров идти пешком.

— Мой отец малограмотный, но очень хотел, чтоб его дети учились. И он боялся, что я испугаюсь поездки в Гарманду. Но я сама рвалась в школу, да и мой старший брат, Петр, уже проторил туда дорожку. Осенью и я отправилась в Гарманду: половину пути на катере, половину — пешком. Когда мы учились в пятом классе, колхоз дал нам оленей — ездить от Эвенска до Гарманды. Но на олене сидеть верхом неудобно: седло у него на лопатках, ходит туда-сюда, равновесие нелегко держать. К тому же, если олень чувствует, что седок плохой, норовит сбросить.

Маша улыбается.

— Если б он знал, что везет эвенов учиться, наверное, не делал бы этого... Ну, и с катером тоже хлопоты: застигнет шторм — болтаешься в море целый день, покуда стихнет ветер, даже уроки не успеешь сделать.

Маша проводит пальцем по карте, соединяя невидимой линией Эвенск и Гарманду.

— Теперь там рейсовые машины ходят, теперь очень даже легко стало учиться!..

Во время каникул,— говорит Маша,— поеду домой, буду записывать у стариков эвенские песни и сказки. Я очень люблю песни и сказки. Хочу сама сочинить песню о том, как жила наша семья раньше и как живет теперь.

И я подумал: а ведь Маша уже сочинила песню. Может быть, не очень гладко, но зато правдиво и искренне, от всей души. Я уже слышал эту песню...

Попутный ветер

...Камлание продолжалось долго. Расшитой бисером колотушкой шаман колотил в бубен, кривлялся и заклинал духов, жег пучки какой-то травы, наполняя чум удушливым дымом.

Наконец он остановился и, тяжело дыша, сел на свое место, покрытое шкурой с головы оленя.

— К рассвету злые духи покинут твою дочь,— сказал он молчаливому, печальному эвену Михаилу Ильичу.

Получив плату — шкурки и вяленую рыбу,— шаман уехал. А к утру дочь эвена Анна умерла. В тот же день заболела вторая дочь, Татьяна. Снова эвен поехал за шаманом, сказал ему об Анне.

— Ты поздно тогда меня позвал к Анне! — рассердился шаман.— Злые духи очень крепко вцепились в ее тело. Но Татьяну я спасу, если ты не поскупишься.

Михаил не поскупился, однако и Татьяна не выжила.

Беда не оставила на этом эвенский чум, стоявший на берегу реки Элевзем: слегла и младшая дочь — шестилетняя Уля.

В то самое время среди кочевников появился русский человек, фельдшер Русанов.

Заглянул он и к Михаилу Ильичу, предложил свою помощь, но сначала получил отказ. И лишь потом эвен решил рискнуть: пусть русский попытается изгнать злых духов...

— Так я ушла от смерти,— рассказывает Ульяна Михайловна Назарова.— И мой отец сочинил песню о добром русском человеке Русанове. У каждого, кто заходил к нам, отец спрашивал, знает ли он Русанова. Если ответ был отрицательным, отец очень огорчался: русский фельдшер был для него самым большим человеком. Как же можно не знать его?

С тех пор шаман уже ни разу не бывал в нашем жилище.

А когда образовался колхоз и в колхозный поселок Таватум прислали русскую учительницу, отец первый отвел меня к ней в школу. Учительницу звали Елизавета Николаевна Рытикова. Сейчас ее уже нет у нас: она ушла на пенсию и уехала к себе, кажется, в Москву. Но эвены не забыли ее и часто вспоминают добрым словом, потому что Елизавета Николаевна была для эвенских детей матерью. И не удивительно, что эвены всегда выделяли учительнице лучшую рыбу, приносили ей из тайги глухаря или другую охотничью добычу.

Русские учителя открыли нам дорогу в жизнь, — продолжала Ульяна Михайловна. — Теперь среди эвенов есть свои учителя, свои агрономы, зоотехники.

Помню, в Таватуме был большой праздник, когда Рытикова провожала двух своих учеников в институт. Они были первыми эвенами из Таватума, получившими высшее образование.

За ними, подбодряемые Елизаветой Николаевной, потянулись другие. Вот и я, поверив в свои силы, поехала в хабаровский институт. А моя сестра Агаша поступила в техникум, брат Иван отправился дальше всех — в Улан-Удэ, очень хорошим агрономом будет.

Потом из Таватума сюда, в училище, приехали Маша Кобелькова и Вася Машанов. Как птицы устремляются к теплу, олени — к пастбищу, так потянулись эвены к знаниям. Из одного только нашего поселка Таватум сейчас в институтах и училищах занимаются одиннадцать человек. Все они ученики Елизаветы Николаевны.

Из соседней комнаты донеслась песня. Пели по-эвенски.

— Девушки готовятся к выступлению на вечере самодеятельности,— сказала Ульяна Михайловна.— Не успеешь оглянуться, как закончат занятия и возвратятся в родные места, будут учить эвенских детей наукам, будут учить шить, мастерить, гладить, играть на музыкальных инструментах. И песням тоже будут учить.

Ульяна Михайловна сузила заблестевшие глаза и как-то доверительно произнесла, дотронувшись до моего плеча:

— У каждого человека есть своя песня. Какая она, это зависит от того, кто передал ее. Нас научили очень хорошей песне. Она помогает, как попутный ветер, она, как каюр, который твердо знает верный путь.

«МАШИНЫ» ГОРНОГО ВОЗДУХА

Ярко блеснула молния. Самолет подбросило мощным воздушным потоком. Летчик резко изменил курс — этого требовала осторожность...

— Включайте ионный счетчик! — распорядилась начальник экспедиции Наталья Васильевна Красногорская и, обратившись к летчику, попросила: — Хотя бы еще несколько минут не уходите от грозы. Сейчас самые интересные условия для исследования...

Что же измерял счетчик? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к событиям сорокалетней давности...

В 1918 году профессор А. Л. Чижевский установил, что для нормального существования всего живого необходимо присутствие в воздухе мельчайших электрически заряженных частиц — отрицательных ионов. Повышенное содержание их в атмосфере благотворно действует на людей и животных. Здоровые чувствуют себя свежими, бодрыми. Больные гипертонией, астмой, склерозом, легочными болезнями выздоравливают.

Можно ли повысить содержание отрицательных ионов в воздухе? Да. Ученые сконструировали специальные приборы — ионизаторы воздуха, позволяющие создавать искусственный микроклимат, превосходящий по содержанию ионов лучшие курорты Крыма и Кавказа. Такие аппараты, основанные на различных принципах, разработаны как самим А. Л. Чижевским, так и А. Б. Вериго в Ленинградском институте мозга, сотрудниками Тартуского университета Я. Ю. Райнетом и П. К. Прюллером, академиком А. А. Микулиным.

Как известно, самое лучшее лекарство в большой дозе вредно. Точно так же необходимо строго дозировать содержание в воздухе отрицательных ионов. Следовательно, нужен счетчик ионов.

Полет, с которого мы начинали рассказ, проводился, чтобы исследовать состав земной атмосферы и одновременно закончить испытание ионного счетчика. Он создан кандидатом физико-математических наук Н. Н. Комаровым и старшим лаборантом А. А. Середкиным, сотрудниками лаборатории атмосферного электричества Института прикладной геофизики Академии наук СССР.

Н. Н. Комаров, Н. В. Красногорская и А. А. Середкин в кабине самолета.
Фото Б. Кузьмина.

Оказывается, на распределение отрицательных ионов в атмосфере влияет не только чистота воздуха. Их количество меняется в зависимости от влажности, температуры, атмосферного давления и электрического поля Земли. А в облаках плотность ионов достигает плотности, создаваемой прибором-ионизатором.

В будущем, 1959 году наша промышленность приступает к массовому производству ионизаторов. И вы не только увидите этот чудесный прибор в кабинете врача, но и сами сможете купить его в магазине.

А. ДЕНИСОВ

Голос

Встает народ Африки, поднимаются борцы за независимость, за свободу, за право быть человеком. И все мощнее звучит голос народа: «Вон колонизаторов из Африки!» Это негры из французского Того. Они несут по улицам города Ломе крест и гроб — символ смерти колониализма.

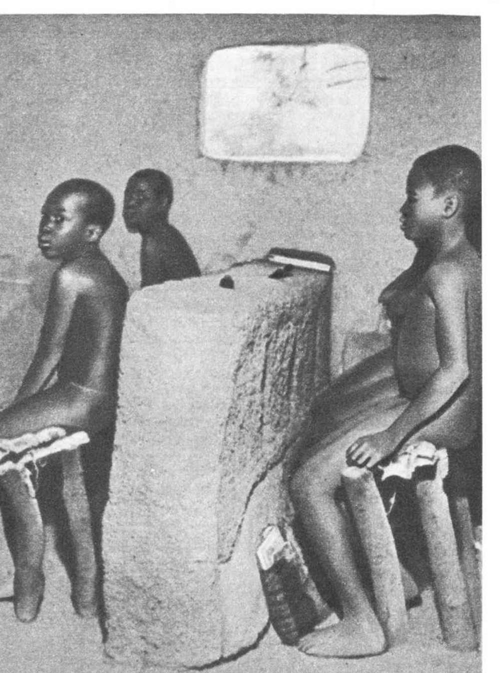
Два месяца назад семья независимых государств Африки пополнилась Гвинейской Республикой, страной огромных природных богатств: бокситов, железной руды, золота, алмазов, пальмового масла, кокосового ореха, кофе... А совсем на днях молодая республика объединилась с Ганой — другим независимым государством. Народы всего мира сердечно приветствуют союз, укрепляющий силы африканцев в борьбе против империализма.

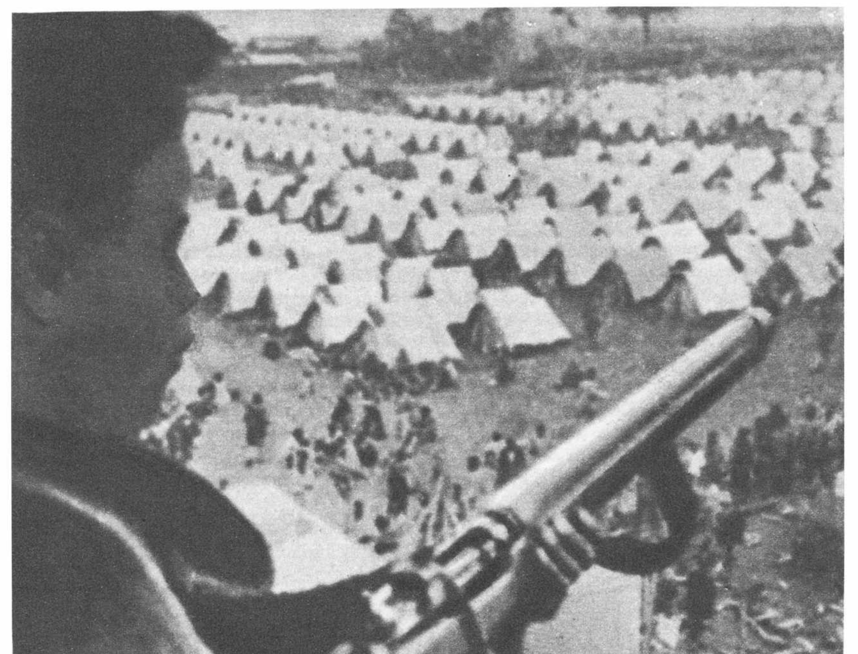
Сенегал
Французский Судан
Верхняя Вольта
Португальская Гвинея
Гвинейская Республика
Ямберинг
Дингирай
Боке
Канкан
Конакри
Сьерра-Леоне
Лола
Либерия
Берег Слоновой Кости
Тамале
Гана
Того
р. Вольта
Кумаси
Авасо
Каде
Аккра
Такоради
Гвинейский залив
Африка
Экватор
75 0 150 300 450 км

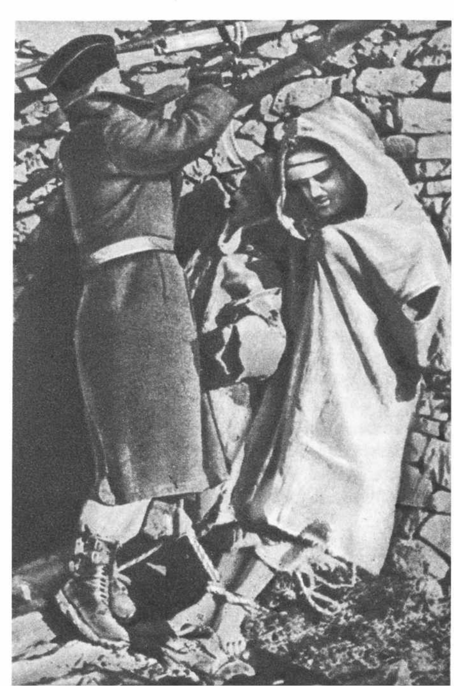
Там, где африканские народы не добились еще своей независимости, продолжают процветать голод, нищета, бесправие, безграмотность. Так выглядит школа для местных детей в одной из колоний в Центральной Африке. И это не исключение. В Родезии, например, на образование европейца расходуется 21 фунт стерлингов в год, а на африканца — 11 шиллингов, то есть в 40 раз меньше!
↓

Как огня боятся империалисты народного гнева. Поэтому переполнены тюрьмы и концентрационные лагеря в колониях Африки. Один такой концентрационный лагерь, в который согнаны борцы за независимость Кении, запечатлен на снимке.
↓

Английские, французские, бельгийские, португальские и иные колонизаторы не уходят без боя, они цепляются за каждый клочок земли, дерутся за каждый фунт стерлингов, за каждый франк своих прибылей. Они не брезгуют ничем. Взгляните на этот снимок, и наверняка вам вспомнятся фотографии времен гитлеровского нашествия. Так «умиротворители» в Алжире расправляются с патриотами.
↓

1 декабря — День борьбы за освобождение Африки от империализма

Африки

Прекрасна земля африканского континента. Несметны природные богатства, обильна растительность, неисчерпаемы водные ресурсы. Эти поля, возделанные трудолюбивыми руками древнего и талантливого африканского народа, дают все, что нужно человеку для безбедной жизни. Но плантации, которые вы видите на снимке, не принадлежат африканцам.

В единстве — победа

Гана — это название страны, которая стала независимой около двух лет тому назад. Она образовалась из союза бывшей колонии Золотой Берег и Того — в прошлом подопечной территории ООН, зависимой от Англии.

Борьба Ганы против британского империализма, за политическую свободу, начавшаяся в 1844 году, была долгой и изнурительной. Наиболее тяжелыми были восемь лет, с 1948 по 1955 год, предшествовавшие провозглашению независимости, когда сотни национальных патриотов, в том числе такие выдающиеся из них, как доктор Квами, доктор Данква, Дженкли Джеву и Гбедема, были брошены в тюрьмы и ссылки.

Но сегодня вместо империалистического английского флага над Ганой гордо реет собственный национальный флаг, символизируя начало освобождения всего африканского народа от политического и экономического рабства.

Недавно я узнал о великом событии в истории моей родины. Она объединилась в союз с Гвинейской Республикой. Тесная дружба наших независимых государств послужит ядром для создания Соединенных Штатов Западной Африки, а это залог крепнущей солидарности африканских народов в борьбе против колониализма.

Жители Ганы любят мир. Мы протягиваем руку дружбы народам всего мира. Наша внешняя политика — позитивный нейтралитет. Гана осуждает расовую дискриминацию, выступает против сегрегации в Южной Африке.

Новая Гана — против колониализма и империализма в любых формах. Гана призывает все народы:

— Пусть на нашей планете будет один мир, в котором все люди, будь то белые или черные, коричневые или желтые, могли бы жить вместе в дружбе и согласии! Пусть атомная энергия и человеческий разум будут поставлены на службу миру и прогрессу!

Гилли ОСЕЙ

Аппетиты США

«Одна из самых важных битв нашего времени происходит сейчас в Африке. Это очень сложная борьба. Потому что в ней участвуют не два, а три соперника: африканские народы, полные решимости добиться свободы, колониальные державы, защищающие остатки своего былого могущества, и, наконец, Соединенные Штаты, которые собираются поживиться в этой ситуации».

Дэрек КАРТЕН «Африка — пробуждающийся континент».

●

«Африканские территории нужны для строительства там военных баз, необходимых для современной войны».

Гарри Р. РУДИН, профессор Иельского университета (США).

●

«Этот сказочный, волнующий континент жизненно важен для западного мира не только с точки зрения стратегии и сырья, но также потому, что это наша последняя граница. Азия потеряна — остается Африка. И Африка открыта как незанятое, пустое пространство... самая богатая сокровищница земли».

Джон ГАНТЕР, американский журналист. Из книги «Внутри Африки».

●

Вице-президент США НИКСОН, посетив некоторые страны африканского континента, заявил у себя на родине, что Африке необходимо уделять гораздо больше внимания, «так как она в ближайшие двадцать пять лет станет ареной решительных битв между востоком и западом».

←

Африканские рабочие... Вот люди, которым принадлежит будущее этой многострадальной земли.

Я МАНГОВОЕ ДЕРЕВО...

Лилинью МИКАЙЯ

(Мозамбик)

Я манговое дерево
В неудержимом росте вверх!
Я так же, как оно,
Таю в себе мятежные мечты
О широчайших горизонтах...
Я манговое дерево,
Окрашенное в цвет
зелено-желтый.

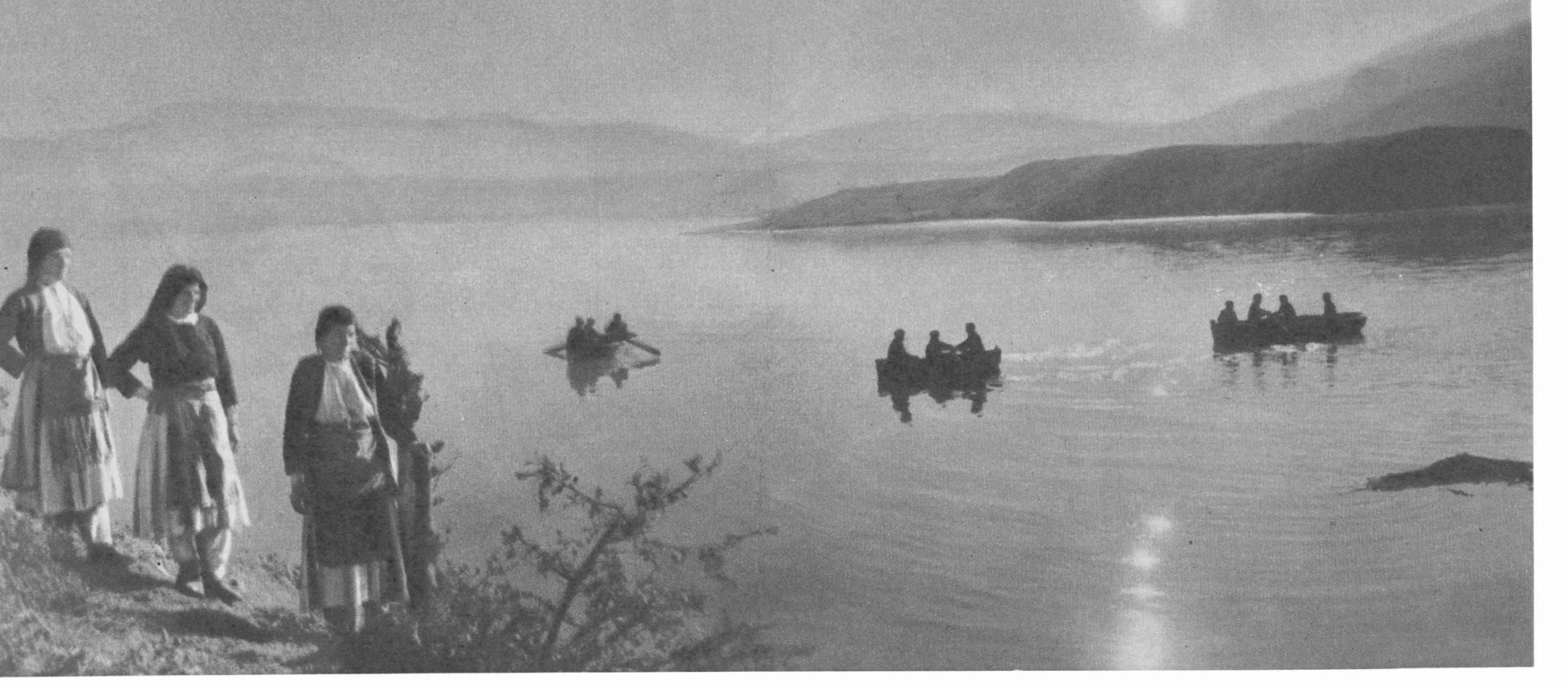
Я озеро под солнцем,
Я копье,
Которым размахнулись
над землею,
Где мы родились...

Я поднимаюсь
По раскидистым ветвям судьбы,
Чтоб жить,
Жить,
Жить...

Я не считаю
Ни мгновений,
Ни часов;
Свободно я пускаю свой
рассудок
Раскачиваться на волнах
Несдержанного чувства...

И если мне за эту радость
Назначена цена —
Все время жить
С кровоточащею душой,
С избитым телом
И голодным сердцем,
То это потому,
Что та судьба,
Которую себе мы воздвигаем,
Должна стать песней
Голоса земли...
И руки,
Погрузившиеся властно
И дерзко
В лоно влажное зари,
Сумеют посадить
И вырастить для мира
Еще невиданное манговое древо
С высокими и мощными
ветвями,
С зеленой,
Небывало пышной кроной!

Перевела
Лидия НЕКРАСОВА.

Водохранилище на реке Мати.

ВЕСНА АЛБАНИИ

Фадиль ПАЧРАМИ,
албанский публицист

Кажется, нельзя быть солнечней,
красивей,
Но еще прекрасней будешь ты!

Такими стихами поэт с любовью и верой воспел албанскую землю. Он прав. Прекрасна лазурная Адриатика, солнечные долины, где выращиваются хлеб и хлопчатник, виноград и апельсины. Несметные богатства таят в себе горы Албании. Щедрая природа одарила жителей всем необходимым для счастливой жизни.

Целые столетия албанцы не знали радости на своей земле. 500-летнее турецкое иго, частые набеги многих других захватчиков, превращение страны на долгие годы в поле войны — все это оставляло незаживающие раны на теле Албании. Но народ никогда не удавалось покорить, земля горела под ногами иноземных поработителей.

И лишь в 1944 году, когда были изгнаны захватчики и изменники, когда власть перешла в руки народа, открылись новые горизонты, светлые страницы в истории Албании. Страницы, полные творчества, созидания, строительства счастливой социалистической жизни.

Взглянем на старую карту Албании. Границы страны, ее географическое положение, горы, долины остались прежними, но изменилось многое: выросли новые города, которых не было раньше, осушены болота, разлились искусственные озера, реки изменили свое течение...

Возле города Корчи, на юге страны, на старой карте значилось «озеро Малик». По существу, оно было большим болотом. Теперь его нет. А на том месте на карте можно обозначить новый город Малики, который появился там после создания сахарного комбината. Зато в среднем течении реки Мати, в северной Албании, мы должны будем нанести на карту новое озеро. Оно образовалось там в прошлом году после сооружения гидроэлектростанции имени Карла Маркса. Исчезло Тэрбуфское болото, изменилось течение реки Дёдэр. Много других перемен произошло на карте нашей родины.

Если мы возьмем старый туристский путеводитель, в котором говорится об экономике, культуре, общественных отношениях, то он введет в заблуждение читателя. Мы прочитали бы в нем, что Албания импортирует почти все товары широкого потребления и экспортирует в основном сельскохозяйственную продукцию. Сегодня страна ввозит главным образом машины, необходимые для ее индустриализации, а вывозит нефть, железную руду, хромовую руду, черновую медь, фанеру, консервы, табачные изделия.

Мы прочли бы в старом справочнике, что земля в Албании находится в руках крупных феодалов, что в горных районах сохранились даже пережитки родового строя. Сегодня хозяином земли стал народ. В стране создано 2 000 сельскохозяйственных кооперативов, на полях работают тракторы, комбайны, выращиваются новые технические культуры — хлопчатник, сахарная свекла, табак. Это сырье теперь перерабатывается на отечественных фабриках и комбинатах, воздвигнутых руками нашего народа.

Мы прочитали бы в старом путеводителе, что в Албании нет университета, нет театров. А теперь существует университет, в котором учится больше студентов, чем до ноября 1944 года было учеников в средних школах. В Тиране теперь есть театр оперы и балета, театр драмы, эстрады и кукольный театр. В областях действуют четыре профессиональных театра драмы.

Нефтяные промыслы в Патосе.

Из старого путеводителя мы бы узнали, что столица Албании насчитывает 40 тысяч жителей, а сегодня их 130 тысяч. Мы прочли бы, что в стране нет железных дорог, а теперь по албанской земле пролегли стальные рельсы.

В Албании часто говорят: за день делается сейчас столько, сколько раньше не делалось и за десять лет. Наша промышленность выпускает за один год столько продукции, сколько до освобождения выпускала за 17 лет. За последние полтора десятилетия книг издано больше, чем за предшествующие 500 лет.

Сейчас разрабатывается перспективный план развития страны на ближайшие пятнадцать лет. Народ борется за то, чтобы превратить страну в цветущий сад.

Два фактора являются гарантией побед нашего народа: марксистско-ленинское руководство Албанской партии труда и тесная дружба со странами социалистического лагеря, с Советским Союзом, его крепкая поддержка и братская помощь.

Албанский народ никогда не забывает бескорыстной помощи Советского Союза. Поэтому, празднуя 14-ю годовщину своего освобождения, он с благодарностью шлет сердечные приветствия другу, брату, своему великому верному товарищу — советскому народу.

А. В. Овчаров (Московская область). В. И. ЛЕНИН БЕСЕДУЕТ С КРЕСТЬЯНАМИ.

Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

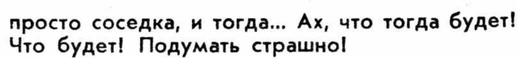

И. Г. Волынский,
А. М. Пономарев
(Сталинабад).

К ВЕЧЕРУ.

Машенька

Рассказ

Борис ЗУБАВИН

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

1

Половина восьмого утра. В темной без окон передней, заставленной сундуками, фанерными ящиками и чемоданами, горит тусклая, запыленная лампочка, освещая, кроме всего прочего, четыре корыта, висящие на стене: по корыту от каждой семьи. Пахнет жареной картошкой. Тишина. Машенька Белогорская подходит к двери и замирает, прислушиваясь. В замочную скважину с лестничной площадки тянет прохладный, как мята, сквознячок.

Проходит минута, другая... Машенька вся обратилась в слух. Но вот за дверью раздается мелодия веселой песенки, слышен скрип расшатанных лестничных перил, топот ног. Сердце Машеньки замирает, она спешит распахнуть дверь и выскочить в коридор. Так хитро, словно бы невзначай, она всякий раз встречается с Сашкой Березиным, живущим с дедом-пенсионером на втором этаже. Родителей у Сашки нет. В доме все, кроме Машеньки, считают Сашку человеком беспечным и легкомысленным.

— Привет работникам общественного питания! — всегда одно и то же, увидев Машеньку, кричит Сашка.

После десятилетки он пошел в техническое училище, насмешливо сказав одноклассникам: «А ну вас всех с вашими вузами!» Теперь он работает на заводе электромонтером пятого разряда и, к удивлению тех же одноклассников, второй год успешно учится на вечернем отделении Электротехнического института.

— Здравствуй, Саша,— тихо говорит девушка. Серые глаза ее при этом лучатся, сияют. Вся она такая свежая, сладко выспавшаяся, пахнущая земляничным мылом, с косою, толстым льняным канатом лежащей вдоль спины, полна счастья.

Но Сашка ничего не замечает. Машеньке от этого и больно и хорошо, потому что можно и дальше надеяться и мечтать, что он когда-нибудь прозреет, поймет, что она для него не просто соседка, и тогда... Ах, что тогда будет! Что будет! Подумать страшно!

Они идут по старому переулку мимо ветхих двухэтажных домиков и тесных двориков, где стоят высокие корявые ветлы. Сашка и Машенька родились и выросли на этой тихой московской окраине, здесь все им знакомо, мило и дорого. И хотя рядом с переулком высятся новые восьми- и одиннадцатиэтажные дома и вокруг лежат широкие шумные улицы, переулок, несмотря на такое окружение, продолжает оставаться старсеньким окраинным уголком Москвы.

Утреннее майское солнце освещает лишь один порядок домов, другой погружен в тень, и все люди, выходящие из ворот и подъездов, спешат перейти с прохладной стороны на залитый солнечной благодатью тротуар. Так поступают и Машенька с Сашкой.

— Как дела? Как дебет-кредит? — добродушно и бесцельно смеясь, спрашивает Сашка и щурится от солнца.

— Ничего.— Машенька робко смотрит на него.

Каждое утро она думает, что вот сейчас случится то значительное, чего она ждет с таким трепетом. Сашка взглянет на нее совсем иными, не равнодушными и не насмешливыми, как сейчас, глазами, ахнет от восторга, радости, удивления, воскликнет: «Милая Машенька, как же я раньше не замечал, что ты так меня любишь!» — или еще что-нибудь такое трогательное, — и вся ее жизнь после этого засверкает, заискрится, и все перед глазами пойдет кругом, так что даже голова опьянеет от счастья.

Но дни идут, а ничего такого не происходит.

Сашка по обыкновению беспечен и весел. И только. И если бы рядом с ним вместо Машеньки шагал, предположим, вздорный старичок-сапожник Кукушкин, приятель деда, или какой-нибудь мальчишка-школьник, ему было бы все равно.

На углу около серого, похожего на огромный ящик здания универмага они расстаются. Машеньке надо налево, к троллейбусной остановке, а Сашке—в другую сторону, к железнодорожному переезду, за которым сразу же начинаются закопченные заводские корпуса с разноцветно дымящими трубами мартена. Обернувшись, Машенька ласково смотрит ему вслед, он же, смешавшись возле переезда с толпою, здороваясь за руку и зубоскаля с заводскими парнями и девчатами, ни разу не оглянулся, не помахал ей рукой.

2

До столовой, где Машенька работала бухгалтером, надо было проехать пять остановок на троллейбусе. На это уходило всего двадцать минут, а поскольку работа в бухгалтерии начиналась лишь в девять, Машенька чуть ли не по целому часу просиживала в сквере и читала романы. Калькулятор Надя Потапова все время удивлялась, как это Машенька ухитряется читать в троллейбусе, и спрашивала:

— Стоя читаешь?

— Нет, зачем? Сидя,— отвечала Машенька.

— Не ври, пожалуйста! В троллейбусе всегда такая давка. Кто это тебе место уступит? — возражала Надя.— Можешь себе представить, я не умею стоя читать! Я привыкла лежа.

Надя была Машенькиной ровесницей, но заведующий столовой Ермаков Дмитрий Мокеич звал ее Надеждой Андреевной в насмешку за то, что она дерзка, непоседлива. Ей стоит огромных трудов полчаса просидеть, не вылезая из-за стола. Она обязательно должна куда-то сбегать и во что-нибудь вмешаться. Если, например, привезут новый шкаф для бумаг, она сразу же примется командовать грузчиками и, глядишь, ухватится сама нести вместе с ними шкаф на второй этаж. Ее не однажды видели в кладовке, где она помогала заведующему складом и шеф-повару рубить мясо, отвешивать морковь и макароны. Не проходило дня, чтобы она не сделала кому-нибудь замечания, даже самому товарищу Ермакову Дмитрию Мокеичу, которого Надя прозвала Ермаком Тимофеичем, человеку тучному, пожилому, с жидкими монгольскими усами на полном шлепоносом лице.

— Совкая мадамочка! — неодобрительно говорил про нее Ермак Тимофеич.

А Машенька была совсем не такая.

— Клад, а не девица! — говорил Ермак Тимофеич.

Машеньку еще с детства приучили быть рассудительной и ни в коем случае не делать того, чего не следует делать. Отец, кадровый работник министерства, говорил ей:

— Всюду в нашей жизни должна быть логичность и последовательность. Запомни, что после утра бывает полдень, потом вечер и никогда не наоборот.

Жил отец не спеша, делал все обдуманно и только так, как требует логика. Он то и дело снимал с пиджака пушинки, так осторожно прикасаясь к ним двумя пальцами, словно боялся причинить им вред.

Машеньке нравилось, что ее отец такой обстоятельный, рассудительный и на все вопросы, подумав, дает очень правильные, логичные ответы, словно философ. И она, подражая ему, старалась рассуждать так же обстоятельно и умно.

У нее, как у отца, всего было в меру. Она в меру была скромна, в меру весела, в меру почтительна, в меру трудолюбива и со всеми приветлива, обходительна, за что ее все звали Машенькой: и дома, и в школе, и в техникуме, и теперь на работе.

И все ее любят. Кроме Сашки Березина, в котором сама она души не чает. Ее любовь к нему началась давно, еще когда они учились в девятом классе.

В последнее время она уже не могла дня прожить, чтобы не повстречаться с ним. Но иногда ей не удавалось увидеть его утром на лестнице. То ли он уходил из дому раньше половины восьмого, то ли не свистел и не топал по ступенькам, но в такие дни она, опечалившись, возвращалась к себе в квартиру и до половины девятого помогала матери по хозяйству и уж не брала на работу никакого романа. До следующего утра она беспокоилась, что с Сашкой, наверное, случилось несчастье, и, работая, делала ошибку за ошибкой.

3

Десятилетку Машенька окончила с очень скромными отметками. В ее аттестате были тройки, больше всего было четверок, а пятерок только две: по поведению и прилежанию.

Отец, поздравив ее с окончанием школы, погладил свою лысину, подумал и сказал:

— Вот ты, Машенька, окончила десять классов, получила, так сказать, аттестат зрелости и среднее образование. Что же следует дальше? А дальше по логике следует получить высшее образование, ибо за средним, как известно, следует высшее и никогда не наоборот. И если бы ты не думала его получить, то не надо было бы и учиться в десятилетке, а вполне хватило бы семи классов. Какое же поприще ты изберешь себе?

Однажды школьники всем классом были на текстильной фабрике, и Машеньке очень понравилось там, особенно в прядильном цехе. Понравилось все: и кисловатый запах шерсти, и грохот станков, наполнявший весь корпус, так что даже стены тряслись, и сами прядильщицы, деловито сновавшие меж станками. Машенька зажмурилась, представила себя среди этих станков, представила, как она каждое утро будет ездить сюда на работу, и получилось просто отлично. Потом она часто вспоминала этот цех, а когда видела в газетах или журналах фотографии прядильщиц, особенно если их снимали возле станков, сердце ее радостно замирало, будто она встречала своих старых знакомых.

Теперь надо было рассказать отцу об этом и еще о том, что она хотела бы пойти работать именно сюда, но получалась какая-то странная неувязка: ее желание не совпадало с логикой; чтобы стать прядильщицей, говорил отец, нечего было учиться в десятилетке.

Решено было устраиваться в институт, а так как Машеньке было все равно, в какой, сошлись на том, что она пойдет в медицинский и станет врачом-терапевтом.

Но в институт ее не приняли: не прошла по конкурсу. Сдавать экзамены в другие институты было уже поздно, и Машенька, пометавшись по Москве, едва успела попасть в финансово-экономический техникум, хотя к счетной работе была так же равнодушна, как и к врачебной.

В техникуме она училась, как говорят, ни шатко ни валко, едва сводила концы с концами, только чтобы не отчислили за неуспеваемость, и теперь так же равнодушно, хотя и прилежно, гоняла взад-вперед костяшки счетов, крутила ручку трескучего арифмометра, выписывала счета, накладные, вела книги и лишь про себя удивлялась, как это другие, та же Надя Потапова, работают с воодушевлением, словно создают материальные ценности.

И вдруг выяснилось, что Надя тоже работает без всякого воодушевления. Однажды она бросила на стол карандаш и, откинувшись на спинку стула, сказала на всю контору:

— Чертова работа! Сидим, как жуки навозные, корпим над столами день-деньской, а нет никакой радости. Что толку, если я даже раньше времени скалькулирую первые блюда, вторые блюда, закуски?

Все перестали работать, подняли головы. Машенька взглянула на злое, решительное лицо Нади и испугалась за нее.

— Что ты, Надя! — рассудительно сказала Машенька.— Наша работа очень нужная...

— Встретила я вчера подругу — она на фабрике работает,— даже не взглянув на Машеньку, продолжала Надя, заложив руки за голову и уставясь глазами в потолок.—Я, говорит, к празднику обязательство взяла и даже перевыполнила его. Ты, говорит, разве не читала про меня в «Московском комсомольце»? — Надя разжала руки, презрительно посмотрела на Машеньку и зло спросила: — А мне можно перевыполнить обязательство? Про меня напишут в газете?—И, уже снова принимаясь за работу, добавила: — Нигде что-то не читала я про бухгалтеров или счетоводов.

Машенька в душе часто осуждала Надины поступки, осудила и сейчас, хотя та, напомнив про фабрику, сделала Машеньке очень больно, и всю дорогу домой ей пришлось убеждать себя, что бухгалтеры ведут счет государственной копейке, работа их очень нужна и не менее почетна, чем работа тех же прядильщиц.

Рассуждая так, Машенька сошла с троллейбуса возле своего переулка, совсем не подозревая, какое страшное испытание приготовлено ей судьбою.

На углу, под часами, стоял Сашка Березин. Машенька, увидев его, не сразу догадалась, почему он тут стоит такой расфранченный и озабоченно поглядывает по сторонам. Она обрадовалась ему, сразу забыла все печали и горести, щеки ее разгорелись, словно на морозе, улыбка тронула ее полные, яркие губы, и ей уже стало казаться, что Сашка пришел сюда специально для того, чтобы встретиться с нею. И, взяв его за локоть, она вкрадчиво и нежно произнесла:

— Саша!

Он рассеянно поглядел на нее и безучастно сказал:

— А, это ты? Здорово!

— Да мы уже утром здоровались, — произнесла Машенька, глядя на него влюбленными глазами.

— Верно, — все тем же голосом согласился Сашка. — Я забыл.

— Какой ты нарядный!.. Ты ждешь кого-нибудь?

Ах, если бы он сказал: «Тебя жду, тебя. Неужели ты не догадываешься, что я жду тебя, и волнуюсь, и все думаю, не случилось ли что с тобою!..»

— Ну, наконец-то! — с облегчением и радостью сказал он, глядя через Машенькино плечо.

Машенька оглянулась. Подле нее стояла девушка, очень нарядно одетая и подстриженная под мальчишку. Лишь взглянув на нее, Машенька поняла, что это стоит соперница, и побледнела.

— Ну, до свидания, Саша! — суетливо заговорила она. — До свидания!—И быстро пошла от них прочь, чувствуя, что не в силах вынести эту обиду, это унижение, что горькие слезы вот-вот готовы брызнуть из ее глаз. Никогда не приходило ей в голову, что Сашка тоже может влюбиться в кого-нибудь.

4

Всю ночь она пролежала без сна и, глядя в потолок, все думала о том, как ей теперь быть, если на пути ее встала соперница, и за что, почему Сашка полюбил не ее, а эту девчонку.

К утру Машенька сделала вывод, что надо бороться. Прежде всего она должна остричь волосы. Как она не додумалась раньше, что Сашке нравится такая прическа, как у мальчишки!

Придя на работу, она сказала Наде Потаповой:

— Сейчас модно носить короткие волосы. Ты заметила?

— Давно заметила, — сказала Надя. — Можешь представить себе, вот выберусь в парикмахерскую и подстригусь. — Она потрогала свои темные густые волосы, красиво спадавшие на плечи. — Обязательно подстригусь!

А Машенька вдруг задумалась. Правильно ли она поступит, если срежет косу? Что в таком случае люди скажут про нее? Все привыкли видеть ее с косою, и логично ли нарушать то, к чему все привыкли?

Эти мысли вконец расстроили ее, она не смогла сообразить, как же сделать, чтобы все было хорошо, и, промучившись два дня, вынуждена была обратиться за советом к родителям.

Мать в таких случаях обычно только всплескивала руками и что-нибудь восклицала удивленно и с ужасом. Воскликнула она и сейчас:

— Такую-то косу!

А отец сказал после того, как погладил лысину, основательно подумал и все взвесил:

— Дело не только в том, хороша или плоха коса, которую ты хочешь срезать. Я не вижу в этом никакой логики, вот что важно. Серьезные люди никогда не гоняются за модами, ибо кто знает, что будет завтра? Дело не в том, что у тебя на голове, а что в голове. — И он постучал пальцем по лбу.

Отец, как всегда, был прав.

А Надя Потапова подстриглась. Ермак Тимофеич, поглядев на нее поверх очков, сказал:

— Поздравляю вас, Надежда Андреевна! Вы теперь похожи на футболиста.

— Вам не нравится? — вызывающе сощурясь, спросила Надя.

— А как вы думали? — еще больше избычась на нее, поинтересовался Ермак Тимофеич.

— Можете себе представить, я никак не думала, потому что подстригалась не для вас. Захотела — и баста!

— Пожалуйста, не возражаю, — пожал плечами Ермак Тимофеич. — Можете даже наголо побриться.

— А это вы своей жене посоветуйте! — огрызнулась Надя.

Машенька смотрела на нее с испугом и осуждением. Как это она так могла, не подумав, не взвесив все «за» и «против», взять да и обкорнать чудесные локоны, а теперь еще дерзит человеку, который, наверное, вдвое старше ее и к тому же является непосредственным начальником!

— И тебе нисколько не жалко было обрезать волосы? — спросила она, оставшись с подругой наедине.

— Вот еще вздумала что! — пренебрежительно сказала та. — Захотела и подстригла. Раз мне нравится,— значит, баста!

5

Машенька решила разузнать про свою соперницу, и скоро ей стало известно, что эта девушка нехорошо ведет себя с Сашкой, потому что встречается еще с другими парнями, совсем не заводскими, и ее несколько раз видели вместе с ними в ресторане. Все это Машеньке рассказали люди серьезные, которые жалели, что Сашка связался с такой, ничего не стоящей девушкой. Жалела его и Машенька и несколько раз порывалась рассказать ему все как есть, раскрыть ему глаза, чтобы мог увидеть, кого он любит, что человека надо любить не за модное платье или за прическу и что есть люди, которые могут быть по-настоящему, на всю жизнь ему преданными, неужели он и этого не замечает? Пусть тогда оглянется повнимательнее.

Однако при встрече с ним она ничего не могла произнести и лишь смотрела на него глазами, полными муки и слез. А он, как всегда, был беспечен и весел и, увидев Машеньку, кричал:

— Привет работникам общественного питания!

Машенька понимала, что теперь Сашка потерян для нее навсегда, что даже и надеяться ей уже не на что и чем скорее она забудет

про него, тем лучше. Понимала, а поделать ничего не могла и продолжала каждое утро в половине восьмого поджидать его возле двери, чтобы только увидеть его, услышать насмешливое приветствие, узнать, что он жив и здоров.

Без этих встреч, приносивших ей вместе с радостью мучения, она не могла и дня прожить.

А время шло. Вот уже и лето близилось к концу. Машенька похудела, осунулась, как говорят, вся извелась. Начались головные боли, нехорошо было и на душе, а как ей быть, что делать, она не знала. Не знала и того, чем все эти напрасные встречи окончатся для нее. Вот если бы уехать из Москвы, например, завербоваться куда-нибудь на Север, в Норильск или Воркуту, сразу покончить со всем, что такой тяжестью лежит на сердце, и начать новую жизнь среди новых людей, в новых условиях. К тому же она молода, у нее все впереди, а сколько молодежи сейчас едет из Москвы осваивать Север! Ах, как это было бы здорово — уехать и начать новую жизнь!

Но стоило ей заикнуться дома о своем намерении, как мать замахала руками и с ужасом воскликнула:

— Тебе в Москве жить негде? Люди в Москву не знают, как прорваться, а ты из Москвы бежишь!

— Да, это не логично, — сказал отец, как всегда подумав и погладив лысину. — К тому же мы с матерью уже в годах, ты у нас старшая и должна помогать нам воспитывать твоих братьев, ибо, кроме тебя, помогать нам некому. Я не вижу никакой закономерности в том, что ты выдумала бросить все призычное и уехать туда, где тебя ждет неизвестно что.

И Машенька согласилась с ним. Ей даже сделалось неловко оттого, что подумала только о себе и не подумала о родителях и братишках, которым обязана помогать.

6

И все потекло, как прежде.

Наступила осень, скамейки в скверике стали мокрыми от дождя, деревья оголились, всюду под ногами были лужи, желтые листья, и читать, как летом, романы по утрам стало невозможно: зябли пальцы.

В одно прекрасное утро, это было уже после праздника Великого Октября, когда землю стало прихватывать морозцем и уже несколько раз с серого, однотонного неба пытался нехотя лететь задумчивый снежок, Сашка вдруг пригласил Машеньку в театр. Это было так неожиданно, что у нее даже голова пошла кругом.

— В театр?! — воскликнула она, вся зардевшись. — С тобой?

— Со мной, — сказал Сашка. — А что тут такого? Свободна вечером?

— Конечно! — Она помолчала и нерешительно, недоверчиво спросила: — А как же...

— А так же, — перебил ее Сашка. — Все кончено. Ясно? Разные люди. У нее танцы да пирушки на уме. А это не для меня. Ну, и все к черту! Разом. Отрубил. Вчера. Понятно? Ну, и не пропадать же билетам, верно?

— Я так и знала! — Она не придала значения последним его словам, потому что не это было сейчас важно, приложила руки к груди и заторопилась, заспешила все высказать, объяснить ему: — Саша! Я ведь все про нее знала, и что она недостойна тебя...

— Ну, ладно! — оборвал он ее, нахмурясь. — Хватит.

— Хорошо, — покорно вздохнув, согласилась она и потом, на работе, весь день была сама не своя от такого счастья. И все смотрели на нее и тоже улыбались. Ермак Тимофеич сказал:

— Сегодня наша Машенька такая праздничная, не именинница ли?

А вечером она была с Сашкой в театре и, уже смело взяв его под руку, прогуливалась с ним по фойе, и ей казалось, что все эти нарядные люди, идущие навстречу, стоящие возле колонн, толпящиеся в буфете, только и думают про них с Сашкой. А когда в зале медленно погасла огромная люстра, дирижер взмахнул руками и откуда-то из-под ног его рванулась, грянула бравурная музыка увертюры, Машенька окончательно поверила, что все теперь будет так, как она хочет, и это пришло к ней в награду за то, что она так терпелива и рассудительна.

Весь вечер Машенька была во власти этого счастливого чувства, и когда дома, в подъезде, они прощались, она даже не сразу поняла, что втолковывает ей Сашка. Когда же до ее сознания дошло, что завтра утром он уезжает на строительство Братской ГЭС, совсем уезжает из Москвы, у нее похолодело внутри.

— Ты не думай, что я, в общем, уезжаю из-за нее, — слышала она Сашкин голос. — Чепуха все! Совсем не из-за нее. Я ведь давно мечтал и собирался уехать на какую-нибудь большую стройку, чтобы, понимаешь, самому участвовать, своими руками... Ты меня понимаешь?

— А как же учеба? — тихо, умоляюще произнесла она. — Неужели ты бросаешь институт? Где же тут закономерность? Разве разумно уходить со второго курса?

— Эх, Машенька! Надо, чтобы у человека крылья были, а ты — «закономерность»! И вовсе я ничего не бросаю, а просто перейду с вечернего на заочное, вот и все. Ну, бывай здорова, Машенька, добрый ты человек!

— Погоди!.. А как же твой дедушка? Ты бросаешь его, такого старенького?

— Так я же ему буду помогать! А потом, может, он переедет ко мне совсем. Не в одной Москве жить можно. Страна-то у нас вон какая огромная! — И Сашка взмахнул руками, как бы желая показать, насколько огромна наша страна. — Ну, бывай здорова! — Он крепко пожал Машенькину руку, не придав значения тому, что Машенька так грустно смотрит на него, так бледна, говорит с ним дрожащим голосом, а рука ее такая вялая и безвольная, словно неживая.

И они расстались. Теперь уже навсегда.

7

С отъездом Сашки в Машенькиной жизни стало чего-то недоставать, и у нее появилось такое чувство, будто она вдруг постарела на много лет, и теперь уж ничто не могло ее удивить, обрадовать, вызвать ее восхищение. Все казалось давно известным, скучным, не представляющим интереса. Особенно скучно было на работе. Сейчас Машенька невзлюбила свою профессию пуще прежнего. Правда, она делала все старательно и аккуратно, и со стороны могло казаться, что все это ей очень по душе.

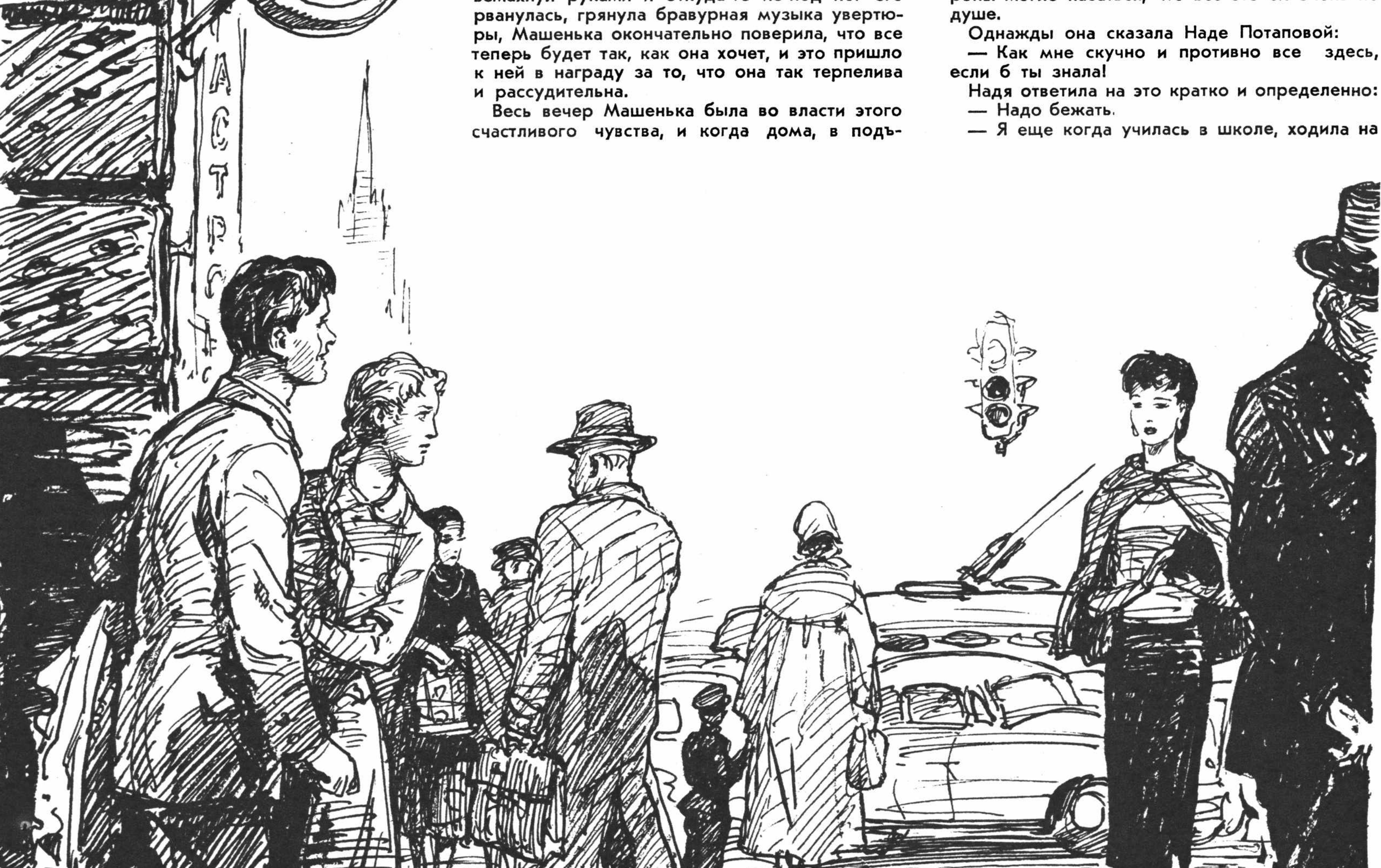
Однажды она сказала Наде Потаповой:

— Как мне скучно и противно все здесь, если б ты знала!

Надя ответила на это кратко и определенно:

— Надо бежать.

— Я еще когда училась в школе, ходила на

экскурсию на текстильную фабрику. Милая Надя, как там хорошо!

— Знаю, у меня мать — ткачиха.

— Милая Надя, давай пойдем туда работать!

— Пойдем. Мне здесь самой все давно опостылело. Вот узнаю насчет фабрики, и подадим заявления об уходе. Там хоть видно, как ты работаешь, там про тебя и в газете напишут, фото напечатают.

— Да, да! — восторженно поддержала ее Машенька.— Все, все будет, и фотографии, само собой.

В тот же вечер она рассказала родителям о своем намерении. Мать лишь всплеснула руками, а отец подумал, погладил лысину и сказал:

— Насколько я понял тебя, ты хочешь совершенно бросить свою профессию?

— Да, папа.

— Но где же тут логика? Государство несколько лет учило тебя в техникуме, тратило на тебя средства, и для чего? Для чего, спрашивается, ты училась в этом техникуме? Нет, Машенька. Тебе надо думать не о том, чтобы уйти, а о повышении квалификации, о совершенствовании навыков, полученных тобою в результате учебы в техникуме и двухлетней практики в бухгалтерии. Вот в чем заключается закономерность.

Отец и на этот раз оказался на высоте. В самом деле, как она раньше не подумала о том, что ее ведь учили, тратили средства, возлагали на нее надежды? Что будет, если все начнут так вот, как она, бросаться профессиями?

А Надя, которая все задуманное выполняла быстро и без разговоров, на другой же день подала Ермаку Тимофеичу заявление об уходе и очень удивилась, когда Машенька сказала ей:

— Взвесив все, я пришла к выводу, что не имею никакого права бросать работу. Милая Надя, пойми, зачем же нас учили, тратили средства! В конце концов любая работа, если ее делать старательно и добросовестно, может когда-нибудь принести удовлетворение.

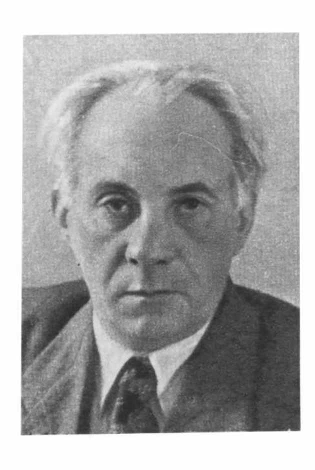
— Эх ты, праведница! — сказала Надя и укоризненно, с осуждением покачала головой, будто не она, а Машенька поступила неблагоразумно и нелогично. — По течению все хочешь проплыть, барахтаться даже не умеешь. Жалко смотреть на тебя, такую!

И неделю спустя Надя уже работала на фабрике, в том самом прядильном цехе, который так нравился Машеньке.

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

Максим РЫЛЬСКИЙ

Летом этого года автору довелось принять участие в 47-й конференции Межпарламентского союза в Рио-де-Жанейро. В результате пребывания в столице Бразилии появился цикл стихов, часть которых публикуется здесь.

* * *

Землисто-темный, одинокий,
В рванине, в пестроте заплат,
Нам, прилетевшим издалёка,
Ты улыбаешься, мулат.

Приплелся в Рио-де-Жанейро
Изголодавшийся батрак,
Чтоб выстрадать свое крузейро
И подкрепиться кое-как.

Усталый человек с лопатой,
О чем ты думаешь, мулат?
...Я знаю, из-под шляпы мятой
Глядит мой темнокожий брат.

* * *

У нас на огородах все укропом
Сейчас пропахло. Конопляный дух
Аж голову туманит. А вокруг
Сады зеленым разлились потопом.

Лимонка вызревает и налив,
И радугой роса горит в отаве,
И голоса девичьи, землю славя,
Летят, как чайки, над волнами нив.

Там неумолчно тракторы стрекочут,
Как мощные кузнечики. На ток
Течет пшеницы праздничный поток,
Закат алеет, ясный день пророча.

А в Рио все — экзотика для нас.
Мы в Ботаническом саду, где пальмы
Стоят, качаясь в ритме музыкальном,
В извечных чащах [1], радующих глаз.

Гнездятся сапрофиты, эпифиты [2],
Как некие химеры средь ветвей.
Здесь пиршество хмельное орхидей,
Азалии пышны и глянцевиты.

В саду полно тропических чудес,
А ге́вея [3] не блещет красотою.
Но струйкой брызнет молоко густое
Лишь стоит сделать на коре надрез.

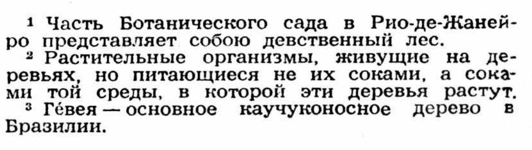
Потоки каучукового сока
Влекли людей. Веками шла война.
Ее вели народы, племена,
Сжигаемые жаждою жестокой.

Тут ге́вея была в большой цене.
Добыча золотым считалась кладом,
И, топоры свои роняя рядом,
Легло людей немало в той войне.

Сок дерева... Людская кровь... Пути
Голодных, что искали Эльдорадо.
Понятно все. Но для меня отрада —
К родным березам поскорей уйти.

Перевел с украинского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

[1] Часть Ботанического сада в Рио-де-Жанейро представляет собою девственный лес.
[2] Растительные организмы, живущие на деревьях, но питающиеся не их соками, а соками той среды, в которой эти деревья растут.
[3] Ге́вея — основное каучуконосное дерево в Бразилии.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИНДИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ

30 ноября исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося индийского ученого Джагадиса Чандра Бозе, прославившегося своими замечательными исследованиями в области радиофизики и физиологии растений.

Джагадис Чандра Бозе родился в деревне Рарикхал в Бенгалии. Начальное образование он получил в местной индийской, а затем в английской школе. Шестнадцати лет юноша поступил в английский колледж в Калькутте, где особый интерес проявил к естественным наукам. Не имея возможности углубить свои познания в родной стране, он вынужден был отправиться в Англию. Там в 1884 году Бозе успешно окончил университет и получил степень бакалавра естественных наук с отличием.

На родине молодого ученого ждали серьезные разочарования. Его дипломы и отличия мало что значили в глазах местной английской администрации, всячески ограничивавшей доступ индийцев к высоким постам. Вернувшись в Калькутту, Бозе с большим трудом смог получить лишь временную работу — должность профессора физики. Здесь и началась его научно-исследовательская деятельность.

Особый интерес вызвали у Бозе научные эксперименты немецкого физика Генриха Герца, впервые практически получившего в своей лаборатории электромагнитные волны. Так же, как и русский изобретатель радио А. С. Попов, Бозе в далекой Индии занялся воспроизведением опытов Герца и изучением совершенно новых для того времени физических явлений. Ему удалось существенно улучшить генератор и приемник электромагнитных колебаний и получить весьма короткие волны, длиной около 6 миллиметров. Во время одной из своих лекций он наглядно показал, какие большие практические возможности открывают эти волны перед человеком. Во время опыта электрические лучи проникли из лекционного зала в другую комнату, расположенную на расстоянии 75 футов, и, воздействуя на приемное устройство, позволяли замыкать цепь электрического звонка, производить выстрелы из пистолета и взрывать миниатюрную мину.

Потом исследователя заинтересовало, как электромагнитные волны воздействуют на растения, какие они вызывают в них реакции и как эти реакции можно обнаружить и записать.

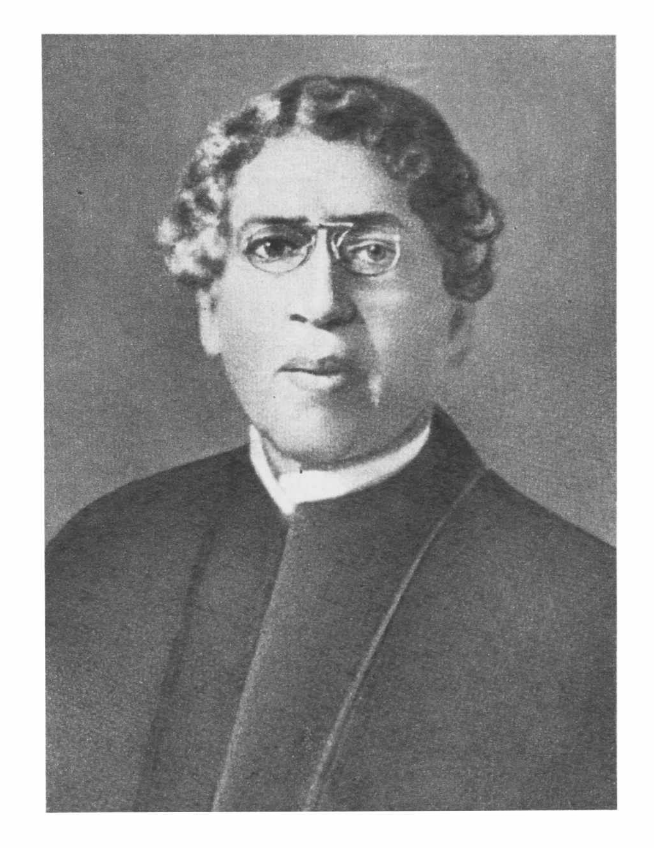
Бозе сконструировал весьма чувствительные приборы, с помощью которых сумел заглянуть в совершенно новый мир явлений.

Ученый много времени уделял и вопросам общественного развития. Предметом его особой заботы было народное образование и организация самостоятельной научно-исследовательской работы в Индии. Бозе глубоко возмущала существовавшая в индийских колледжах дискриминация. «...Я не вижу за правительством права,— заявил он,— назначать минимальную плату индийскому профессору и исключительно высокую — его европейскому коллеге за ту же самую работу...»

Бозе мечтал о развитии науки в родной стране, о создании университетских лабораторий и специальных институтов. Не встретив поддержки английских властей, он создал научно-исследовательский институт на собственные сбережения. Этот институт существует и по сей день и с честью носит имя своего основателя.

Выдающийся индийский ученый умер 23 ноября 1937 года. Его научные труды и открытия получили широкое признание во всем мире. Большой интерес к работам Бозе проявляли русские ученые. С его достижениями в области электромагнитных излучений был хорошо знаком А. С. Попов, а К. А. Тимирязев считал, что имя Бозе «...знаменует новую эпоху в развитии мировой науки».

В. ТИТОВА,
научный сотрудник Института истории естествознания и техники Академии наук СССР

* * *

В густой и ровной темноте чужбинной
Проснулся я. Что это? Вот опять...
Мой край? Мое село? Крик петушиный!
Нет, жизнь еще умеет удивлять!

Я вспомнил юность: в полумраке сонном
На огородах пó пояс роса,
Я на охоту вместе с Родионом
Иду и слышу те же голоса...

Здесь все иное: город, рынок, дети
И птицы «не из нашего села» [1],
А петуха — часы живые эти —
Какая сила в Рио занесла?

Про то ученым думалось немало:
Откуда куры здесь, чем кормят их?..
Но так тепло, тепло на сердце стало
От этих звуков здесь, в краях чужих.

* * *

Вчера я видел в небе Южный Крест —
У нас не видно этого созвездья —
И, странно, ничего не ощутил.
Пошли астрономические споры
С участием моим, весьма пассивным
(Хоть про галактику пробормотал
Я что-то глухо), — только сердце сжалось
При мысли об огромном расстоянье,
Что мы так запросто перемахнули...
Припомнилось, что мой отец, когда
К Юркевичу в Кривое в гости ездил

[1] Микола в «Наталке Полтавке» говорит про Петра: «Это не из нашего села и вовсе мне не знакомый».

Всего-то лишь за двадцать километров
Иль верст, обычно делал передышку
В деревне Белки, в хате корчмаря:
Передохнуть ведь надобно коням,
А путникам по доброй чарке выпить
И щукой закусить. Как мастерски
Готовила хозяюшка там щуку!

А вдруг молоденькая стюардесса,
Что в самолете угощала нас
Любезно сандвичами и портвейном
(Входило это в плату за билет,
Как всякое обслуживанье в целом,
Как даже та улыбка стюардессы),
А вдруг девчурка—правнучка, ну, скажем,
Того седого Юдки-корчмаря?
Не так оно, ей-богу, невозможно!

Над океаном передышки нет,
И океана самого не видно
С огромной высоты — лишь горы туч,
То снеговых, то голубых, то серых.
А вообще, лети себе, лети,
Пока не вспыхнут огненные буквы:
«Курить запрещено» и «Привяжись»,—
Предупреждая нас о приземленье.

Отец мой даже слов таких не знал,
Как «стюардесса», а дорога наша
Ему вовек во сне бы не приснилась,
Хоть Жюля Верна, знаю, он читал.

Но не об этом речь моя идет.
На тот далекий Южный Крест смотрел я,
На воду, на поток ночных авто,
Летящий бурею вдоль побережья,

И думал я: хотя далёко, правда,
Мой край родной, родные сердцу люди,
И дети, и привычная работа,
И сад, который я с женой сажал,
А все же это на одной планете,
Иметь бы только голос — долетел бы
Он до Романовки, Кривого, Белок...
Так! Мы живем все на одной земле!

* * *

Благословен придумавший маяк —
Луч, вспыхивающий для тех, кто в море,
Мерцание надежды, веры знак,
Бессмертный вызов бурям на просторе!

От ласкового света маяка
В час шторма, в угрожающем тумане
Упрямо крепнет кормчего рука,
Становится короче расстоянье.

Огонь пророчит, что невдалеке
Единство всех людей, хоть ночью скрыто,
И подвиг сторожа на маяке
Достоин песни, мрамора, гранита.

Герои не смогли бы никогда
Даль сократить, моря смирить сурово,
Когда б не эта светлая звезда —
Подобие рассвета мирового!

Перевела Вера **ЗВЯГИНЦЕВА.**

„Шлейф" атомной частицы

Л. ЗУБКОВ

Неожиданный эффект

Попробуем представить это наглядно.

Бывалые солдаты знают, что если слышен свист пули, эта пуля вас уже не убьет.

Бесшумно проносится над вами сверхзвуковой самолет. Через какие-то мгновения он начинает таять в дымчатой глубине небосвода, и только тогда ушей достигает свистящий, раскатистый грохот.

В чем тут дело? Скорость полета пули, самолета больше скорости вызванных ими звуковых волн. Возбудив волну в какой-либо точке своего пути, они несутся дальше, а волны, двигаясь медленнее, не поспевают за ними, отрываются, отстают от них и движутся позади них в виде некоего конусовидного «шлейфа».

Нечто подобное ученые наблюдают и в мире ускользающе малых атомных частиц высоких энергий. Пронизывая прозрачное вещество, они как бы светятся, и их свечение при благоприятных условиях различимо даже невооруженным глазом. На самом деле «механизм» свечения таков: в каждой точке своего пути микрочастица излучает световую волну, которая, двигаясь медленнее самой частицы, тут же отстает от нее. В результате за микрочастицей следует конусовидный «шлейф» световых волн. Это явление известно в мировой научной литературе как эффект Черенкова. Обнаружено оно было, когда искали совсем другое...

Учитель и ученик

На дворе яркий день, а в лаборатории шторы задернуты, темно — хоть глаз выколи. Проходит тридцать, сорок, пятьдесят минут, пока глаза привыкают к этой кромешной тьме. На столе сосуд с водой, серной кислотой или глицерином. И рядом, в свинцовом футляре, крупинка драгоценного радия, посылающая в направлении сосуда пучок невидимых гамма-лучей.

Первоначально академик Сергей Иванович Вавилов поставил перед своим учеником Павлом Черенковым задачу изучить обычное люминесцентное свечение растворов под действием гамма-лучей. Как известно, многие вещества — люминофоры (носители света) — при некоторых условиях, в частности под действием гамма-лучей, начинают светиться. При этом гамма-лучи, сообщая дополнительную энергию встречающимся у них на пути атомам и молекулам веществ, растворенных в жидкости, «возбуждают» эти частицы,— они оказываются

своеобразными «светляками», люминесцируя свет.

Но вот однажды слабый голубоватый свет появился и в совершенно химически чистых, прозрачных жидкостях. Его можно было увидеть, например, в дважды дистиллированной воде, неспособной люминесцировать. Обнаружились и другие удивительные обстоятельства.

Обычную люминесценцию легко «погасить». Добавьте в воду химическое вещество — «тушитель», активно соединяющийся с люминофором, и атомы люминофора, войдя в состав молекул нового соединения, сразу же потеряют способность светиться. Но загадочный голубоватый «огонек», подмеченный Черенковым, невозможно было «задуть».

Так, пытаясь углубиться в изучение люминесценции, ученые столкнулись с новым явлением, о существовании которого до тех пор никто и не подозревал.

Долгие часы, дни и недели проводил Павел Алексеевич Черенков, нередко вместе с академиком Вавиловым, в лаборатории. Сложные исследования, трудные измерения следовали одно за другим. И постепенно новое явление становилось более понятным. Дело, конечно, не в гамма-лучах, а в быстрых электронах, которые они создают в веществе. Академик С. И. Вавилов понял: именно сам электрон и «светится» в прозрачной среде!

Удалось подметить еще одну поразительную вещь. Новое излучение распространялось не во все стороны, как люминесценция, а только по конусу, в направлении движения электронов.

П. А. Черенков (в центре) в лаборатории ускорителей и фотоядерных реакций Физического института Академии наук СССР имени П. Н. Лебедева. Слева — главный инженер синхротрона А. Я. Беляк, справа — воспитанник Черенкова, научный сотрудник Юрий Адо.

Фото А. Кричевского.

Теория, объяснившая эксперимент

Неясным оставалось главное: каким образом быстрая микрочастица может светиться? Тогда на помощь экспериментаторам пришли двое других советских ученых — Игорь Евгеньевич Тамм и Илья Михайлович Франк. Известно, что в природе нет скоростей, превышающих скорость электромагнитных волн, скорость света.

Но своей предельной скорости в 300 тысяч километров в секунду свет достигает в пустоте. А ведь если световые волны бегут в какой-либо среде — жидкой, твердой или газообразной,— то их скорость во всех случаях становится меньше предельной. В стекле она, например, составляет «всего» около 200 тысяч километров в секунду.

Это значит, что в определенных условиях быстрая атомная частица вполне может обогнать свет. Теперь становится понятным и «механизм» «эффекта Черенкова». Несущийся через вещество заряженный «сверхсветовой» электрон как раз и порождает отстающую от него световую волну. Во многих отношениях она напоминает звуковые волны, следующие за пулей или реактивным самолетом.

В 1937 году, через три года после того, как П. А. Черенков впервые заметил слабый голубоватый луч нового свечения, И. Е. Тамм и И. М. Франк дали законченную математическую теорию явления в рамках классической электродинамики. А затем следует длинный ряд опытов, в которые к тому времени включаются ученые многих стран,— опытов, дающих все новые и новые подтверждения глубины и ценности открытия советских ученых.

Вездесущие счетчики

Перед нами так называемый «излучатель» — прозрачный цилиндрик из пластмассы, заканчивающийся конусным раструбом, по форме (но не по размерам!) он напоминает рупор мегафона. Прибор соединен с несложной оптической системой и фотоумножителем — электронной лампой, способной превращать в электрические импульсы даже ничтожные порции падающей на нее световой энергии. Так выглядит ныне знаменитый черенковский счетчик. Через прозрачную пластмассу быстро проносится атомная частица — электрон, мезон или протон. Едва заметная вспышка «светового шлейфа» концентрируется оптической линзой на фотоумножителе. И сразу же вы слышите щелчок, видите, как в окошечке прибора меняется очередная цифра. Прибор зарегистрировал пролет еще одной, непосредственно невидимой и неощутимой для нас атомной частицы.

Черенковские счетчики бывают разных типов. В качестве материала для них вместо плексигласа можно использовать, например, хорошо дистиллированную воду. Есть счетчики, позволяющие не только считать частицы, но и определять их свойства: направление и скорость движения, величину электрического заряда. Можно фотографировать «светящийся шлейф» частиц, получая эффектные, в том числе цветные, фотографии.

Илья Михайлович Франк.

В лаборатории, где работает П. А. Черенков, я видел «излучатель», предназначенный для определения так называемой «полной энергии» влетавшей в него частицы. Прозрачный стеклянный отполированный цилиндр сверкал, словно фантастический драгоценный алмаз.

Ныне черенковские счетчики можно найти в каждой лаборатории, где проводятся опыты с пучками микрочастиц высоких энергий, создаваемых на громадных ускорительных машинах. Недавно, например, эти приборы помогли ученым открыть антипротон — новую замечательную частицу материи, отрицательно заряженный «антипод» протона. Ими пользуются и физики, занятые изучением частиц больших энергий в потоках неощутимых человеком космических лучей, днем и ночью летящих на Землю из мирового пространства. Черенковский счетчик — и в ансамбле приборов, путешествующих вокруг Земли на искусственных спутниках.

В современной физике границы удачного исследования всегда имеют тенденцию расти, расширяться со временем. Именно так обстоит дело и с «эффектом Черенкова».

Существуют, например, предположения, объясняющие «черенковским излучением» доходящие до Земли радиоизлучения Солнца, звезд и галактик. На проходившей в Женеве Второй международной конференции по использованию атомной энергии в мирных целях советские физики указывали, что «эффект Черенкова» может быть применен в работах по управляемым термоядерным реакциям.

* * *

...С тех пор, как было обнаружено «черенковское излучение», прошло без малого четверть века. Чем заняты сейчас ученые, которыми сделано открытие, недавно отмеченное Нобелевской премией?

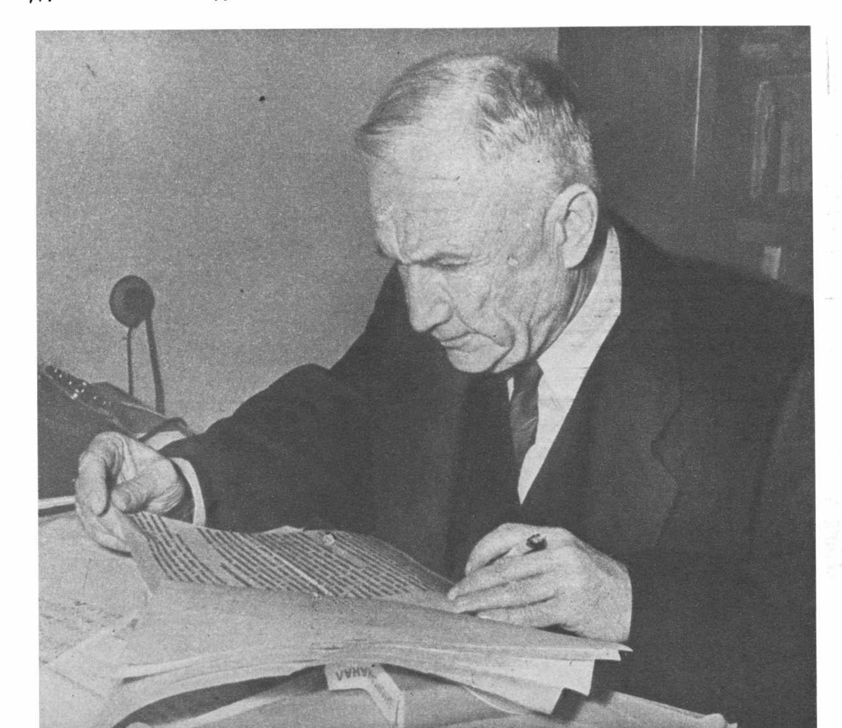
Седовласый, юношески подвижный академик Тамм—непременный участник всех советских и международных научных дискуссий по физике, глава большой научной школы в области ядра и элементарных частиц. Сейчас, как и всегда, Игорь Евгеньевич занят проблемами «переднего края» современной физики. Он активно участвует в усилиях ученых многих стран, занятых созданием новой обобщающей теории «физических полей» и элементарных частиц материи.

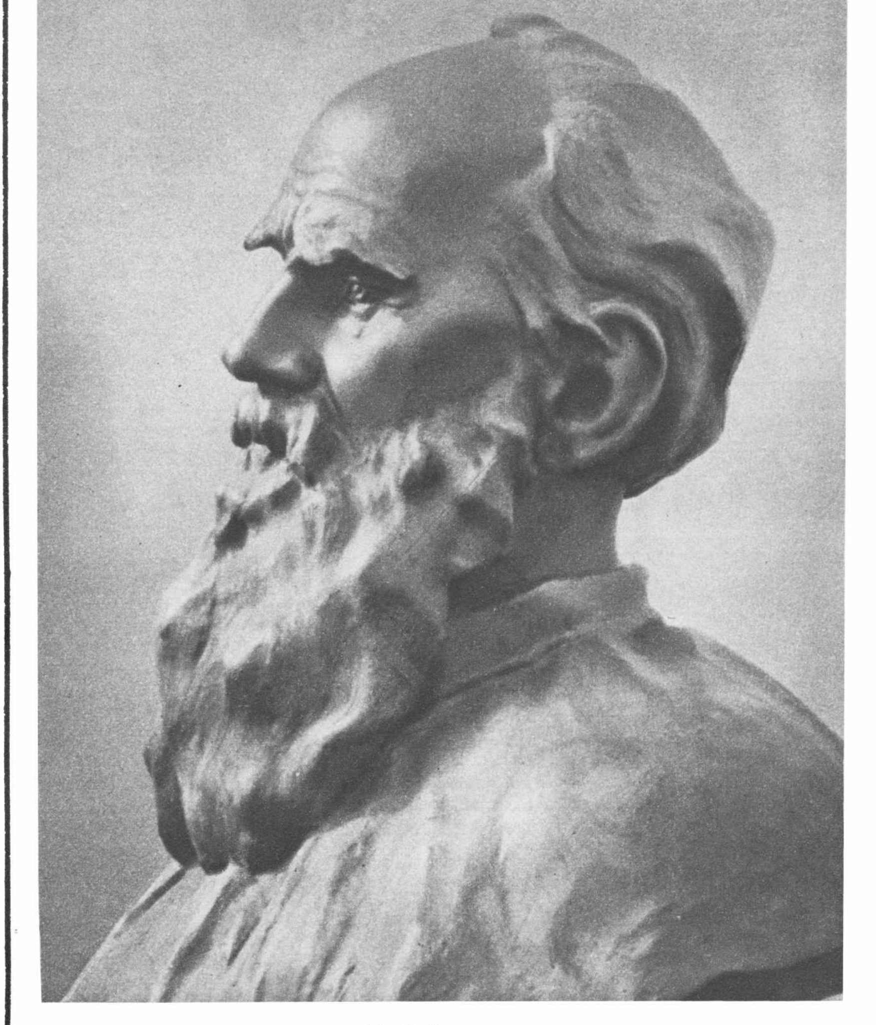
Многие насущные вопросы ядерной физики решает член-корреспондент Академии наук СССР Илья Михайлович Франк, который среди других своих работ продолжает и дальнейшие исследования в области «эффекта Черенкова».

Предметом исследований Павла Алексеевича Черенкова являются сейчас так называемые фотоядерные реакции, или, иначе говоря, реакции в атомном ядре под воздействием очень энергичных фотонов — частиц света.

Открытие советских ученых получило международное признание.

Игорь Евгеньевич Тамм.
Фото Б. Кузьмина.

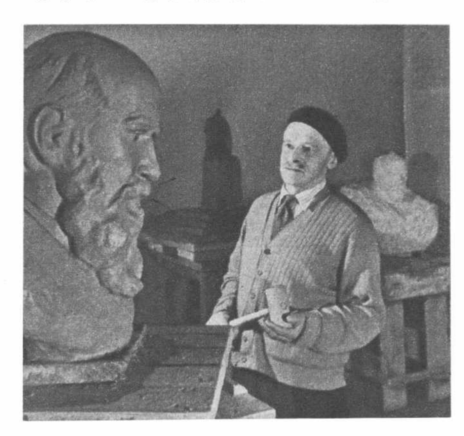

Л. Н. Толстой.

В МАСТЕРСКОЙ СКУЛЬПТОРА

Скульптор В. А. Павлов — активный участник гражданской войны и один из тех, кто организовывал тогда художественную работу в Красной Армии. Тяготение к искусству, чему способствовала окружавшая с детства среда, обнаружилось у него рано. Отец его, ученый-геолог, поощрявший увлечение сына скульптурой, постарался дать ему хорошее общее и художественное образование. Юноша учился у В. Д. Поленова, в 1919 году окончил Московский университет.

В. А. Павлов.
Фото О. Кнорринга.

В мае 1919 года в Москве проходил I Всероссийский съезд по внешкольному образованию, в работе которого, как известно, деятельное участие принимал В. И. Ленин. Среди делегатов этого съезда был и юноша из Киева, начальник секции изобразительного искусства при политуправлении Киевского военного округа Владимир Павлов.

После одного из пленарных заседаний съезда В. А. Павлов шел по лестнице Дома союзов в вестибюль. Там, окруженные делегатами съезда, стояли Владимир Ильич и Надежда Константиновна, отвечавшие на вопросы делегатов. Юноша обратился к Ленину:

— Владимир Ильич, нельзя ли повидаться с вами, поговорить о культработе на Украине?

— Конечно, пожалуйста,— ответил Ленин.

— Когда же можно?

— А это уж как вам удобно: вы ведь делегат съезда и человек приезжий,— добродушно сказал Ленин.

Юноша смутился. Тогда Владимир Ильич предложил один из ближайших дней. И вот Павлов в Кремле. Из большой приемной к Ленину его пригласили быстро. Все волнение прошло разом.

Ленин сел рядом. Завязался разговор. Живо интересовался Владимир Ильич культурно-воспитательной работой в Красной Армии. Перешли к «левым» течениям в искусстве. О них говорил Ленин, посмеиваясь. Посоветовал обязательно зайти и к А. В. Луначарскому: «Он все знает, с ним вы непременно поговорите».

С тех пор прошло без малого сорок лет...

Работы скульптора ныне можно встретить во многих наших художественных музеях, в том числе в сокровищнице русского искусства — Государственной Третьяковской галерее. Талантливый художник занимался и декоративной скульптурой. Широко известно его декоративное оформление «Артека», к сожалению, разрушенное во время войны.

Для его портретных работ характерно умение увидеть и передать главное в человеке. «Портретное сходство,— говорит скульптор,— это, конечно, важно, но этого еще мало, необходимо заставить портрет «смотреть», добиваться того, чтобы в пластических формах передать трепет жизни и мысли».

...Мы в его большой светлой мастерской, где множество стеллажей и станков с начатыми и завершаемыми уже работами. Здесь портрет академика Л. А. Орбели, который ваятель заканчивает в мраморе; один из вариантов портрета знатного летчика А. И. Покрышкина и многие другие. Но, пожалуй, больше всего сейчас занимает Павлова работа над проектом памятника и портретом Н. Е. Жуковского и эскизом большого фонтана «Миру — мир».

В будущем году скульптор В. А. Павлов отмечает свое шестидесятилетие. Ему есть с чем прийти к этой дате.

А. ВАСИЛЬЕВА

Путешествие по русской земле подходит к концу. Окинув взором Тихий океан, читатель отправился в далекий путь по Советской России вослед солнцу. Много людей встретилось ему, много увидел он интересного. В одних местах он задерживался надолго: чтобы пристальнее рассмотреть, как живет и трудится советский человек; иные края проходили чередой, как панорама из окна поезда или с борта самолета: слишком огромны были пространства. Дорога все время звала вперед, к новым городам и селам.

И вот последний этап этой стремительной эстафеты — мы на берегу Невы.

ЛЕНИНГРАД И ЛЕНИНГРАДЦЫ

М. ДУДИН — **Фото А. НОВИКОВА и Б. УТКИНА.**

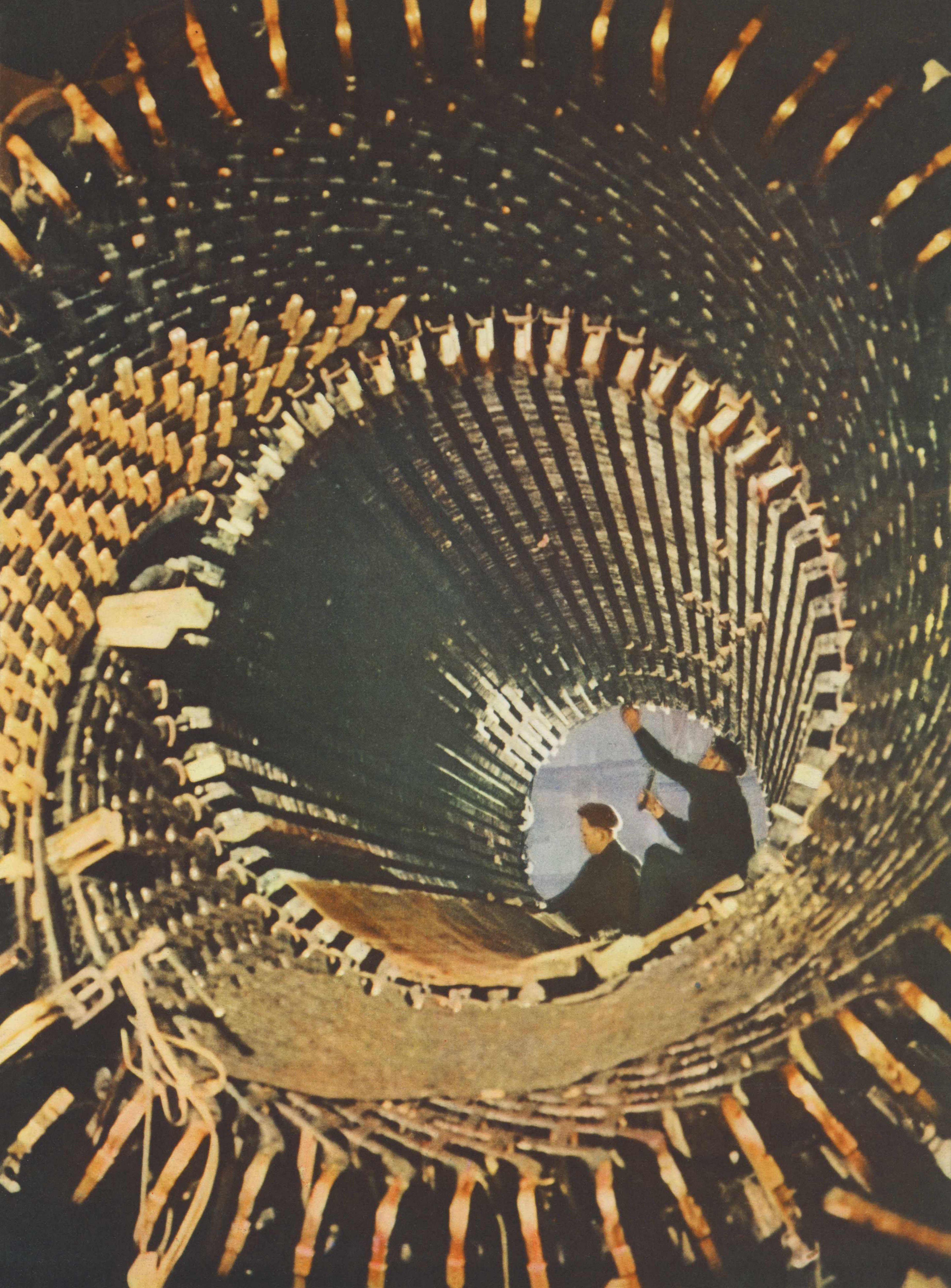
«Ленинград мой, милый брат мой, родина моя!» Так поют о Ленинграде ленинградцы, так трогательно и нежно зовут они свой город, город мужества и славы, город пытливого ума и умелых рук... Быстро, заботой всего советского народа залечил он тяжелые раны войны, стал еще прекраснее, обрел новую красоту, гармонирующую с дворцами и проспектами, с необозримой панорамой Невы, с зеленью парков и садов.

Любит свой город потомственный рабочий ленинградец Николай Иванович Першин. Здесь он родился, здесь он начал работать грузчиком, здесь, на заводе «Электросила» имени Сергея Мироновича Кирова, стал знаменитым токарем-карусельщиком. Вместе с товарищами строил он гидрогенераторы для Днепра и Свири, для Рыбинской и Усть-Каменогорской ГЭС, для Мингечаура и Горького, для Нарвы и Куйбышева.

В прошлом году Никита Сергеевич Хрущев вручил Першину Золотую медаль Героя Социалистического Труда, а ленинградцы выбрали своего земляка депутатом в Верховный Совет СССР.

↓

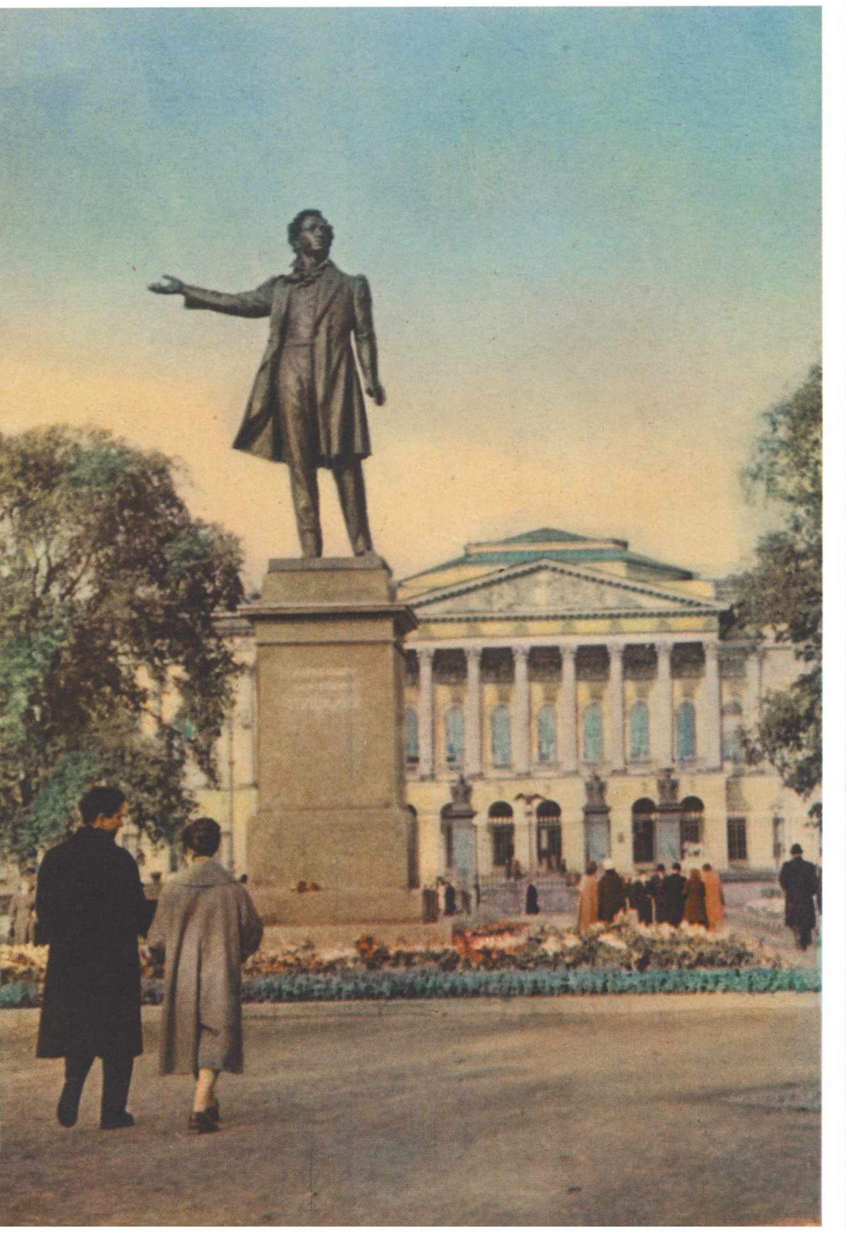
→ Завод «Электросила» имени С. М. Кирова. Укладка обмотки статора турбогенератора мощностью в 150 тысяч киловатт.

Если глянуть из-под купола Исаакия на Адмиралтейство, на Петропавловскую крепость, глазу откроется величественная панорама. Таковы центральные, старейшие по возрасту городские кварталы, заложенные еще Петром. Не менее красив и просторен Московский проспект — новая магистраль, отстроенная в наши дни.

Лес корабельных мачт, силуэты кранов — отсюда недалеко и до моря. Так выглядит Нева с Васильевского острова.

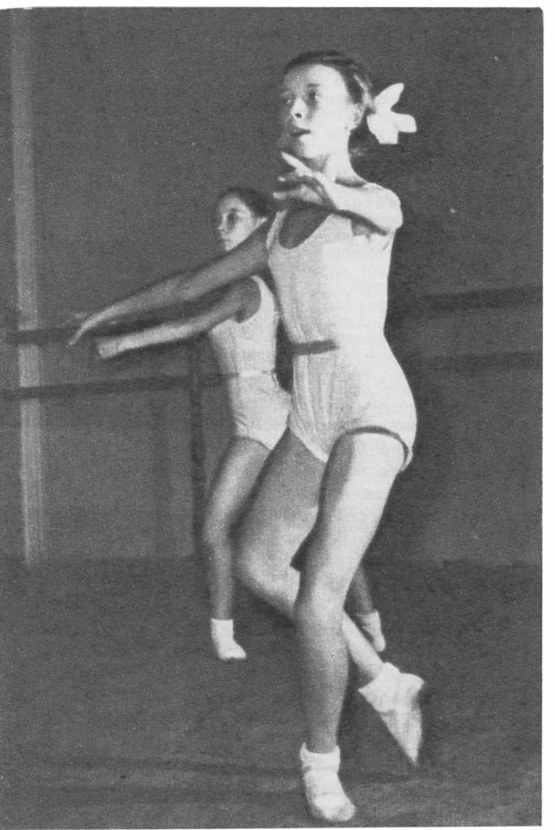

Памятник А. С. Пушкину работы Михаила Аникушина как нельзя лучше вписывается в ансамбль площади Искусств.

Одно слово — Невский! Он всегда интересен.

Смотрите, какое маленькое, совсем игрушечное море! Но на берегах его мы встречаем отнюдь не ребятишек, а солидных, взрослых людей. Это одна из лабораторий Научно-исследовательского института гидротехники имени Б. Е. Веденеева. На этом «море» бывают свои штормы и бури, создаваемые по воле исследователей.

«Ленинградская школа»... Есть такое понятие в истории мирового балетного искусства. Питомцы этой школы пленяли и пленяют своим мастерством самых строгих ценителей балета во всем мире. Хочется верить, что и эти, пока еще робкие питомцы хореографической школы имени А. Я. Вагановой станут со временем «звездами первой величины» на театральном небосводе.

Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина — поистине колыбель талантов. Никогда не утихают тут жаркие споры, непрестанно оттачивается мастерство, рождается творческая дружба... У студента Вениамина Гончаренко—родом из Донбасса—и у Линь Гена — уроженца китайской провинции Хубэй — много общих тем для беседы.

ЛЕНИНГРАД И ЛЕНИНГРАДЦЫ

←

Пока это еще только план, выполненный в архитектурной мастерской Ленпроекта, но вскоре таким будет въезд в Ленинград со стороны Москвы, так будет выглядеть южная магистраль города.

Ленинградцы уверенно смотрят в коммунистическое завтра. Деловито обсуждают они цифры семилетки.

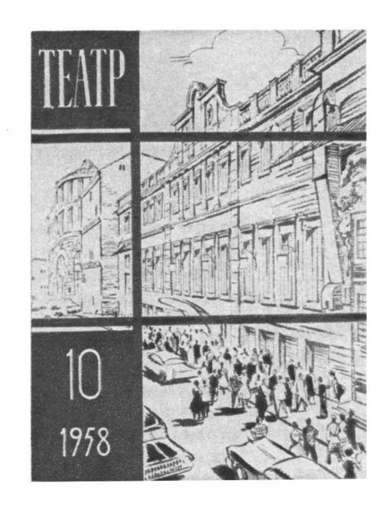
Ленинград, как и в прежние годы, остается могучим арсеналом индустриализации страны. Турбостроители создадут наиболее экономичные, мощные и совершенные паровые турбины в 300, 400 и 600 тысяч киловатт. Чтобы представить значение этих крупных агрегатов, сошлемся хотя бы на такой пример: только четыре машины по 300 тысяч киловатт, технический проект которых уже разработан, с успехом смогли бы заменить все электростанции дореволюционной России. Новые паровые турбины, которые будут изготовлены за семилетие на заводах Ленинградского экономического района, сэкономят стране 20 миллионов тонн топлива. Завод «Электросила» за одно семилетие выпустит гидрогенераторов больше, чем за все 33 предшествующих года, с тех пор как он начал их изготовлять.

Ленинградцы знают: все задуманное ими будет сделано. Потому что цифры плана основаны на точных подсчетах, за ними стоит коллективное творчество многих тысяч ленинградских рабочих, ученых, инженеров, которые детально обсуждали возможности развития своего экономического района. Они реальны, эти цифры, потому что все задуманное ленинградцы всегда воплощали в жизнь. Недаром их город носит имя вечно живого Ленина!

Песня жизни моей — Ленинград!
Над тобою Октябрьские зори горят,
О тебе все народы земли говорят,
На тебя все народы с надеждой глядят,
Над тобою салюты победы гремят —
Вот какой ты, мой город родной Ленинград!
На лазурных морях, у иных берегов
Я немало видал на земле городов,
Самых старых обрядов и древних родов,—
Ты поспорить с любым красотою готов,
Здесь — начало истории новых годов!
Вот какой ты, мой город из всех городов!
Имя Ленина светится в сердце твоем
Негасимым огнем и открытым огнем
Над свободным путем, над открытым путем,
По которому мы к коммунизму идем.
И вселенная смотрится в твой водоем.
Имя Ленина светится в сердце твоем!

ЖИЗНЬ ТРЕБУЕТ

Последнее время редакция журнала «Театр» стремится расширить круг своих читателей, сделать журнал более оперативным, злободневным, массовым. В публикуемой статье главный редактор «Театра» Николай Погодин рассказывает о новых задачах, которые встали перед работниками театрального журнала.

Журнал «Театр» принадлежит к разряду так называемых толстых журналов, в нем без малого двести страниц большого формата, множество литературного и информационного материала, сотни иллюстраций; и все же он по-настоящему известен только в театральной среде.

Развитие советского театра и требования нашей общественности заставили задуматься нас, делающих журнал: не слишком ли мы сузили круг наших читателей? Цифры зрителей, посещающих наш театр, приблизились к ста миллионам в год. Гигантская цифра! Художники капиталистических стран нередко сами признают, что мечтать о подобной аудитории они не могут.

Поэтому в своих раздумьях о том, как делать журнал, чтоб не отстать от нового в культурной жизни страны, мы пришли к выводу, что такая сказочно громадная аудитория должна выделить из себя множество высококвалифицированных зрителей, знатоков сценического искусства.

Театральный журнал! Мы стремимся сегодня к тому, чтобы журнал соответствовал месту советского театра в жизни.

Журнал о театре должен быть для тех, кто его создает, и для тех, кто в него ходит, кто сидит каждый день в зрительном зале и уж не просто хочет «провести вечерок», но желает знать, а что там, дальше этой заманчивой рампы, чем живут там, за кулисами, что будет завтра, и вообще войти в ту огромную сферу жизни, которая именуется искусством. А с другой стороны, мы хотим, чтобы художники театра не замыкались в своих профессиональных интересах, чтобы они знали, что делается в других искусствах, в литературе, в науке, технике. Из всего сказанного и возникает тот тип журнала, к которому нам хочется приблизиться: красиво, отлично составленная ежемесячная энциклопедия театра, искусства, культуры, отражающая неисчерпаемую духовную жизнь нашего общества и дающая читателю представление о том, что происходит за рубежом, в странах народной демократии и в странах капитализма.

Мы по-прежнему будем печатать пьесы, проводя широкий поиск новых драматургических талантов и стремясь к тому, чтобы виднейшие драматурги были нашими авторами. Мы уже начали и будем продолжать публикацию творческих портретов наиболее известных наших драматических писателей, создавая таким образом летопись советской драматургии. В этом году мы напечатали портреты Л. Леонова, В. Шкваркина, Б. Лавренева.

Мы начали печатать мемуары театральных деятелей. Это необыкновенно интересно. В подобных записках раскрывается та самая живая история театра, которая заменяет для широкого читателя специальные статьи, посвященные прошлому нашего искусства. Мы начали с мемуаров Игоря Ильинского «Сам о себе». Публикация его мемуаров будет продолжаться и в будущем году.

Мы решительно вводим на страницы журнала театральный репортаж. Это труднейший жанр, он еще только вырабатывается, но это — то самое сочинение о театре, которое вберет в себя максимум окружающей жизни. В репортаже можно рассказать и о зрителе, и о городе, о многом в его жизни, о тысяче разных вещей, составляющих нашу повседневность. Театр сегодня — это не замкнутая организация, это фокус, в котором, если вглядеться, все отражается через зрителя, его настроение, через биографии актеров, не говоря уже о самих пьесах.

Мы налаживаем отдел сатиры и юмора, потому что театр — дело радостное, веселое, делать его с постной физиономией нельзя. Хотим печатать — и уже начали это делать — рассказы и повести наших и зарубежных писателей, посвященные театру, такие, как неоконченный театральный роман А. Афиногенова, который мы поместили в этом году, или рассказ Шона О'Кейси, прогрессивного ирландского писателя.

Пришло время включить в сферу журнала телевизионный театр, который смотрят ежевечерне миллионы. Будем начинать изучение этого нового искусства, содействовать созданию его теории, помогать ему.

Наше искусство, а вместе с ним советский театр, вступает в новый этап подъема, когда точно и ярко вырисовываются перспективы, созвучные могучему созидательному порыву советского народа под руководством великой партии. И журнал прилагает все усилия к тому, чтобы не пассивно отражать, но направлять, воспитывать и работников театра и зрителей, бороться за пьесы на жгучие темы современности.

Думаю, что журнал «Театр» будет интересным для широкого круга читателей. Во всяком случае, как редактор журнала, я стремлюсь к этому.

Н. ПОГОДИН

СТИХИ ПАБЛО НЕРУДЫ

Вышел в свет двухтомник сочинений Пабло Неруды. Я не стану пересказывать содержание стихов и поэм, которые вошли в эти объемистые книги. Мне хочется сказать несколько слов о поэзии Пабло Неруды вообще.

Впервые я услышал имя Пабло в 1950 году, когда вышел из тюрьмы.

Первая моя встреча с ним была в 1951 году в Берлине, на фестивале. Я слышал в те дни поэзию Пабло на его родном испанском языке, из его собственных уст. На раскаленном солнцем асфальтированном дворе одного из берлинских домов собрались тогда все делегаты латиноамериканских стран и Испании. Это были студенты, молодые рабочие, крестьяне. Они слушали своего поэта, позабыв обо всем на свете. Они то сжимали кулаки, то улыбались, то удивлялись, а в иные минуты смахивали слезы со своих черных глаз, так жгуче глядевших из-под огромных сомбреро. И они смотрели на него так, как смотрят на знамя, под сенью которого идут в бой. Я внимательно вглядывался в эти лица и чувствовал: довольно сложная поэзия Пабло понятна и доходчива. Я видел: Пабло не только поэт Чили, он поэт всех стран, говорящих на испанском языке.

Назым Хикмет и Пабло Неруда на Третьем Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине. 1951 год.

В 1952 году мы с Пабло снова встретились. Это было в Москве. Мы выступали тогда вместе на заводах, в школах. И я увидел, что Пабло любим и советскими людьми.

Я был вместе с поэтом и в Чехословакии. До сих пор в книжных магазинах Праги книги Пабло Неруды — самые ходкие.

Я говорил с китайскими товарищами, когда был в Китае. Они тоже называли имя Пабло в числе любимейших своих писателей.

В чем же секрет удачи поэта?

Пабло Неруда не отделяет горе, радость и надежды своего народа от судеб других народов. Он настоящий пролетарский интернационалист. Он верит в свой народ, и он верит в другие народы. Короче говоря, Пабло — поэт-коммунист. Это очень важно для художника — быть коммунистом, если он хочет, чтобы его скорее и лучше поняли люди во многих странах. Очень, очень важно. Но все-таки и этого недостаточно. Поэту необходимо быть еще талантливым и внести в общую песню человечества о будущем, о дружбе, о мире, о любви и ненависти что-то свое, самобытное и по темпераменту и по стилю. Пабло сделал и это. Неруда—в глубоком смысле современный поэт, его поэзия затрагивает все струны человеческой души. Он с одним и тем же, только ему свойственным мастерством пишет и о больших социальных и политических событиях, о великих надеждах своей эпохи (ему присуща могучая широта эпического размаха) и о любовных страданиях нашего сердца (он знает и нежную грусть).

В творчестве Пабло Неруды мне очень близка его конкретность. Я имею в виду здесь не строй образов, но ощущение материи, с ее объемностью, весомостью, цветом и запахом,— ощущение, которое не покидает тебя, когда ты находишься во власти поэзии Неруды. У Неруды нет розы вообще: роза у него обязательно белая или красная, конкретная, определенная роза. Нет у него моря вообще, а есть либо Черное море, либо Атлантический океан.

И вот передо мной новое русское издание творений Неруды.

Русский язык — один из богатейших языков мира.

И когда находятся люди, которые говорят, что таких поэтов, как Неруда, Поль Элюар или старик Уитмен, нельзя как следует перевести на русский язык потому, что они пишут большей частью без рифмы, используя лишь ритмический рисунок, потому что они не пользуются ямбом, а русской поэзии якобы свойствен в первую очередь ямб, я лично считаю это клеветой на русский язык, на тот самый язык, на котором А. С. Пушкин писал белым стихом своего «Бориса Годунова», на котором совсем не только ямбом писал В. В. Маяковский, на тот самый язык, на который блестяще переведены стихи Пабло Неруды. Помню, Поль Элюар восхищался искусством советских поэтов, которые переводили его стихи. Он говорил мне, что им отлично удалось схватить его ритмический рисунок. Я уверен, что когда Пабло получит свой двухтомник на русском языке, он соберет друзей, нальет им чудесного чилийского вина и поднимет тост за красоту русского языка. И в этом большая заслуга поэтов-переводчиков. Я сравнивал русские переводы стихов Пабло с французскими и с некоторыми его стихами, которые я с помощью Пабло перевел на турецкий язык, и могу сказать, что в основном двухтомник сделан удачно, очень удачно. Отлично выполнены переводы Ильи Эренбурга, Л. Мартынова и О. Савича. А наряду с этими давними переводчиками выступают с переводами целых поэм молодые талантливые поэты А. Тверской и С. Северцев. Эти переводы сделаны на том же отличном художественном уровне, что и переводы маститых.

Мне хочется от имени моего друга Пабло Неруды и от имени читателей поблагодарить Гослитиздат и русских поэтов-переводчиков за хорошее издание.

Назым ХИКМЕТ

Пабло Неруда. Избранные произведения в двух томах. Редактор А. Палладин. Гослитиздат. 1958.

Они живут в Донбассе

Хороший народ живет в Донбассе!

Такое чувство возникает, когда закрываешь последнюю страницу книги Алексея Ионова «Душа шахтера» — сборник небольших рассказов о людях донецкого края.

В трудные годы ярко проявляются качества души человеческой, сила людского характера. И шахтеры доказали, что у них не слабая душа, а настоящая «горная порода». Это доказали и Павел Пряхин, носивший образ Ленина не только на груди, но и в сердце, и Иван Степанович Донцов, взорвавший себя и выходы в шахту, чтобы она не досталась врагу, и начальник участка Кашуба, погибший в боях за Севастополь.

В книге чувствуется огромная любовь автора к донецкому краю, знание шахтерской жизни.

Книга написана просто. Часто рассказ ведется от первого лица, и создается впечатление, что разговариваешь с умным, простым, много видавшим человеком. Это придает книге задушевность и теплоту.

В. РУСАКОВА

Алексей Ионов. Душа шахтера. Рассказы. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1958. 201 стр.

МАЧЕХА

Повесть

Виктор БАНЫКИН

Рисунки В. СУРИКОВА.

Глава шестая. Федино горе

Большой, неуклюжий жук-носорог лениво взбирался по ломкому, согнутому стеблю травы, чуть распустив свои глянцевитые бронированные крылья. Федя даже устал на него смотреть. «Вот я покажу тебе сейчас, как лениться!»— подумал он.

Сложив трубкой губы, Федя легонько дунул на травинку. Стебелек качнулся, и жук, задрав вверх лапы, тяжело шлепнулся на землю.

И тотчас ухо, уже привыкшее к немотной предвечерней тишине, уловило какое-то легкое движение в траве.

Не шевелясь, Федя чуть вытянул вперед шею и неожиданно увидел прямо перед собой, за кустом молочая, пушистого зайчонка. Зайчонок сидел на задних лапках, навострив свои длинные кисточки ушей, готовый в любой миг дать стрекача.

«Глупый, ну чего ты испугался? — спросил Федя зайчонка.— Неужели этого увальня-жука?»

А зайчонок, повертев туда-сюда головой, и на самом деле успокоился. Опустив мягкие передние лапы, он присел возле бледного зеленого стебелька и стал подгрызать корень.

Так прошла добрая минута. И вдруг — Федя вначале глазам своим не поверил — зайчонок будто в землю провалился: он удрал, удрал так поспешно и осторожно, что не шелохнулась ни одна травинка.

Недоумевая, Федя огляделся вокруг. Ничего подозрительного. Но только было он собрался повернуться на бок, как в траве мелькнула желтовато-оранжевая полоска, словно солнечный лучик пробежал. Федя снова замер. Прошла еще томительная минута.

И вот на том месте, где только что сидел пугливый зайчонок, остановилась длинномордая лиса с опущенным книзу хвостом-метелкой. Она обнюхала землю и возбужденно заЦарапала лапами.

К лисе подбежали два неуклюжих, поджарых щенка. Мать перестала царапать землю, как бы приглашая лисят самих удостовериться в том, что всего какую-то минуту назад тут было чем поживиться.

Федя, никогда до этого не видевший на воле ни зайцев, ни лис, лежал ни жив ни мертв, почти перестав дышать. Немного погодя Федя забыл о предосторожности и вдруг так засопел, что и лиса и ее лисята с перепуга бросились бежать.

Вскочив на ноги, Федя посмотрел в ту сторону, куда скрылась лиса со своим выводком. Их и след простыл.

«Растяпа! — выругал себя Федя.— И надо ж было так засопеть... Ну прямо медведь, да и только! А еще в разведчики собирался... Никакой из меня разведчик не выйдет. Никакой!»

И Федя опять опустился на землю. На этом бугре, под своим любимым топольком, Федя пролежал сегодня половину дня.

Мутный диск солнца, наливающийся красното!, уже клонился к сиреневого-пепельному горизонту, а Федя все еще не знал, что ему делать: идти ли домой, или оставаться тут ночевать?

Ну как все это могло случиться? Ведь когда Федя впервые увидел на столе сверкающую, кипенно-белую клеенку с розовеющими мальвами по краям, он даже ахнул от восхищения. Он ходил вокруг стола, будто завороженный, боясь прикоснуться к новой клеенке пальцем.

А потом... а потом приехал обедать отец. И пока сидели за столом, отец то и дело принимался расхваливать свою умную Ксюшу за ее покупку, как будто решительно ни о чем другом нельзя было и поговорить.

Сама Ксения Трифоновна, смущенно краснея, отмахивалась от похвал. Но отец и за ужином не удержался, чтобы не сказать:

— А ты знаешь, Ксюша, у меня нынче прямо-таки утроился аппетит. Ей-ей! И всему виной твоя волшебная скатерть-самобранка.

Федя вылез из-за стола, оставив чашку с недопитым молоком.

А наутро он уже с ненавистью смотрел на сверкающую клеенку с пышными мальвами. Федя даже не сел завтракать за обеденный стол, застеленный новой клеенкой, а, взяв бутерброд с колбасой, отошел к этажерке с книгами и тут торопливо его сжевал.

А потом — Федя и сейчас не помнит, как все это случилось,— он вдруг схватил пузырек с фиолетовыми чернилами и выплеснул чернила на самую середину белой, без единого пятнышка клеенки.

Чтобы ему не влетело по первое число и от мачехи и от отца, Федя и удрал в степь к своему топольку.

Убегая, он ничего не сказал и Кузе. Кузя вот уже четвертый день сидел, словно на привязи, около надоедливой Аськи, карауля дом. Сварливая бабка Степанида уехала на хутор Низинку к заболевшему Митричу и все не возвращалась, и Кузя с Федей со дня на день откладывали и откладывали свой новый поход к Сухой балке на поиски таинственного Батырова кургана.

Федя не заметил, как огромное кровоточащее солнце, готовое вот-вот лопнуть, медленно скрылось за пламенеющим холмистым сыртом.

Кончился короткий час между днем и ночью, когда в степи все так поразительно четко видно, до последней былинки, и степь погрузилась в глухую серую мглу.

На небе ни звездочки, вокруг на много километров ни огонька. На сердце у Феди стало тоскливо-тоскливо, он чуть не разрыдался.

И вдруг совсем неподалеку, как показалось вначале Феде, молочно-серебристая полоса света резанула синевато-лиловые сумерки, и тотчас послышался дробный стук.

Придерживаясь рукой за теплый гладкий ствол дерева, Федя встал и посмотрел на струившийся по степи свет. По гриве дальнего холма шел комбайн. Луч прожектора жарко золотил макушки тяжелых, кланяющихся земле колосьев.

На какой-то миг Федя представил себя на месте комбайнера, стоявшего на мостике сильной, умной машины, послушной воле человека, плывущей среди необъятного вечернего простора. И впервые за свою пока еще недолгую жизнь в Озерном Федя позавидовал тем, кто здесь денно и нощно трудился в поте лица, чтобы преобразить эту малообжитую, неоглядную степь в цветущий и счастливый для людей край.

На душе у Феди стало как-то легче. А пролетевшая над его головой неугомонная пичуга, заботливо приглашавшая «Спать пора, спать пора!», напомнила ему о доме, о чистой, удобной постели, о вечернем чае и сладких коржиках.

— Что будет, то и будет, — ворчал себе под нос Федя, направляясь к поселку. — Пусть выпорют, если им нравится. Пусть. Только моя мама никогда меня не била.

Когда Федя подходил к дому, нервы у него были напряжены до предела. А тут еще, будто нарочно, зашумела под окном листва сирени, и Федя вздрогнул и прыгнул в сторону.

— Стой, Федька! — раздался чей-то угрожающий шепот.

Из-за куста вылез Кузя.

— Ты чего по-козлиному прыгаешь?

— Ничуть и не прыгаю. Откуда ты взял? — оправившись от испуга, сказал Федя.

— Тише... могут услышать, — опять зашептал Кузя, вплотную подходя к товарищу. — А нука скажи, Федька, где ты полдня мотался?

— Я? — Федя замялся. — Ну... гулять ходил, а что?

— Пони-ма-аю, — многозначительно протянул Кузя и скрестил на груди руки. — Теперь мне все до капельки понятно... какой ты есть настоящий друг!

— Да чего ты ко мне приклеился? — возмутился Федя. — Неужели я и погулять не могу, когда захочу? Я ничуть не виноват, что твоя бабка зажилась на хуторе, а ты...

— Не финти! — перебил Кузя.— Отвечай прямо: Батыров курган тайком от меня искал? Искал? Говори!

— Тише! — Федя схватил Кузю за руку. — Там вон, у забора, кто-то возится.

Кузя послушал-послушал и презрительно хмыкнул.

— Никого там нет, не виляй!

— Я не рыба, у меня хвоста нет, чтобы вилять! — совсем вышел из себя Федя.— А если ты мне не веришь... если не веришь, то и не верь! А только я никакого Батырова кургана не искал.

И он отвернулся.

Помолчав, Кузя спросил:

— Федька, тогда, может, ты дома чего натворил, а потом и убежал? Эта самая... Ксения Трифоновна раза два спрашивала про тебя. Признавайся, натворил?

— Натворил, — вздохнул Федя. — Клеенку новую... чернилами облил.

Окончание. См. «Огонек» № 48.

— Ух, ты! — Кузя озадаченно почесал затылок. — Ну, по всему видно, достанется нынче, Федор, твоим трусам! Да ты не робей! Случается, и меня учат. Ну, поболит немного, а потом пройдет. Только ты сейчас же иди домой. Они там чай пьют. И она все о тебе расстраивается. Я на завалинке сидел, тебя поджидал, и мне в окошко все слышно было. Она, значит, расстраивается, а отец говорит... «Не беспокойся,— говорит,— по-пустому, мальчишка, он и есть мальчишка. Никуда не денется. Я сам,— говорит,—бывало, в его пору тоже бегал, как савраска без узды». Так что ты иди. И на лице изобрази такое... чтобы виноватое-виноватое было... Будто ты уж наплакался досыта и во всем раскаялся. Глядишь, и без лупцовки дело обойдется.

Кузя по-приятельски похлопал Федю по плечу.

— А наша бабка, кажись, послезавтра вернется. Ну, и мы тогда с тобой без всякого промедления навострим лыжи куда нам надо. Понял?

— Понял, — уныло протянул Федя.

Подталкиваемый в спину Кузей, он нерешительно открыл калитку.

Глава седьмая. На поиски Батырова кургана

У крыльца Федя остановился. Идти или не идти? Или юркнуть на погребицу и там переспать ночь?

Один непредвиденный случай помешал Феде принять окончательное решение: он услышал над своей головой отчаянный птичий писк.

На крыше их дома, у самого конька, был укреплен шест со скворечником. Этот скворечник Федя сделал зимой сам. В нем теперь жили синицы. Синицы целыми днями таскали птенцам второго выводка разных жучков, личинок, червячков. И вот сейчас-то там, в скворечнике, и раздавалась суматошная возня.

Забыв обо всем, Федя кинулся к лестнице, приставленной к сеням, и быстро взобрался на крышу дома.

Отсюда он увидел висевшего на шесте лохматого кота. Вытянувшись в струнку, кот крался к птичьему домику, а вокруг него летали, неумолчно щебеча, встревоженные синицы.

«Артемкин кот-ворюга... кому же еще быть!» — подумал Федя, приседая и шаря вокруг себя рукой.

Но под руку, как назло, ничего не попадало: ни камешка, ни чурки.

А разбойник-кот, уже не раз опустошавший погреба и чуланы жителей Озерного, все ближе и ближе подкрадывался к скворечнику.

«Ну, подожди, проучу я тебя!» — пригрозил Федя нахальному коту. Он сбросил с ног чувяки, поплевал на ладони и схватился за шест.

Все выше и выше он поднимался по гладкому, слегка качавшемуся шесту. Кот не сразу заметил грозившую ему опасность. А когда Федя протянул руку, чтобы схватить ворюгу за длинный облезлый хвост, кот фыркнул, ощетинился и... прыгнул вниз. Видно, этому опытному разбойнику не в первый раз приходилось удирать от преследования.

Спрыгнув на крышу, Федя подул на саднившие ладони и стал спускаться по лестнице. Но лестница вдруг покачнулась, поехала куда-то вбок, и Федя вместе с ней грохнулся на землю.

И сию же минуту на всю улицу раздались истошные басовитые причитания:

— Караул! Федька-медведька расшибся!

Проворно вскочив на ноги, Федя уже приставлял к стене лестницу, а глупая Аська все кричала:

— Ка-ра-ул! Ка-ра-ул!

На крыльцо вышла Ксения Трифоновна.

— Боже мой, что тут такое происходит? — с тревогой спросила она, вглядываясь из-под руки в темноту.

Аська, сидя на плетне, опять заревела:

— Ваш Федька... он до смерти...

В это время к Аське подбежал Кузя и стащил ее с плетня.

— Ищу-ищу, а она — нате вам! —прячется и подглядывает за всеми, — грозно шипел Кузя, хватая Аську в охапку. — Не реви, дуреха, а то живо ремня на все сто процентов получишь!

Ксения Трифоновна сбежала с крыльца на землю и наткнулась на Федю.

— Это ты, Федя?.. Что с тобой случилось?

Стараясь казаться спокойным, Федя сказал:

— А ничего не случилось... Аська раскудахталась... от нечего делать.

Вышел на крыльцо отец, светя карманным фонариком.

— Ой, да он весь в крови! — ахнула Ксения Трифоновна.

— А это у меня так... из носа. У меня всегда нос некрепкий. Всегда как стукнусь — и обязательно кровь, — попытался успокоить мачеху Федя.

Но она, ничего не слушая, уже тащила Федю в дом.

Теплой водой Ксения Трифоновна умыла Феде лицо, смазала чем-то в носу и усадила за стол. И все она делала ловко и проворно, без суеты и лишних слов.

Федя долго сидел с опущенной головой, не решаясь взглянуть на стол. И отважился Федя поднять голову лишь после того, как отец спросил:

— Ты, герой, чего сбычился?

— Я ничего...

— А раз ничего, тогда пей чай.

Федя пододвинул к себе чашку и вороватым взглядом окинул стол, застеленный новой клеенкой. Клеенка, как и прежде, сияла кипенной белизной, и страшного фиолетового пятна на ней словно и не было. Федя потер кулаком глаза. Уж не спит ли он?

Еще раз внимательно оглядев середину стола, он только тогда заметил кое-где на белой поверхности клеенки бледно-сиреневые точки. Как же Ксения Трифоновна отмыла это злосчастное чернильное пятно?

— Ну, расскажи, расскажи, где бродяжничал? — заговорил снова отец, набивая табаком трубку. — Шляется целый день, а тут о нем беспокойся!

Говорил отец как будто строго, но Федя сразу понял, что он не сердится и ничего не знает о проделке сына.

— А я в поле был,— степенно ставя на стол чашку, сказал Федя и взял из вазы печенье.— Зайчонка видел и лису с лисятами... А потом комбайн. Он ка-ак всю степь прожектором осветит, ка-ак осветит... вот здорово было!

— Приглядываешься к новым местам? Хорошо-о, — кивал отец, забыв о своей трубке, зажатой в руке. А от нее прямо к потолку тянулась голубая ниточка дыма. — Ну, а на крышу, скажи, зачем лазил?

Так же чистосердечно Федя хотел рассказать отцу и о коте-ворюге. Но тут он заметил на себе пристальный взгляд Ксении Трифоновны, стоявшей у подтопка. Круглое, некрасивое лицо ее с добрыми, кроткими глазами было грустное-грустное. Федя поперхнулся и покраснел.

— Ну-ну, — подбодрил отец. — Зачем же на крышу тебя нелегкая носила?

— А ни за чем, — поскучневшим голосом проговорил Федя, не поднимая от чашки глаз.

И больше он не обронил ни слова.

* * *

В дорогу собирались тайком. Особенно трудно было сохранить тайну от проныры Аськи. Девчонка так и таскалась по пятам то за Кузей, то за Федей.

Но вот, наконец, все сборы были закончены. Еще с вечера спрятали на Кузином огороде, там, где лежали две лопаты, рюкзак с продовольствием и мешок. Предусмотрительный Кузя даже веревку не забыл в мешок положить.

— А веревку зачем? — спросил Федя, засыпая рюкзак комковатой землей.

— Здрасте! — развел руками Кузя. — Ты, Федька, вроде нашей Аськи. А если клад глубоко спрятан... Как ты его из ямы без веревки вытаскивать будешь? Ну-ка, скажи, умная голова? Молчишь? То-то!

Тут же на огороде они распрощались до утра. Потом Кузя пополз к себе во двор, а Федя, выждав, когда он скрылся, перелез через плетень и вприпрыжку помчался домой.

На другой день утром Федя проснулся рано-рано. Он лежал в постели, притворившись спящим, до тех пор, пока Ксения Трифоновна не ушла на работу. Но едва за ней захлопнулась дверь, как Федя тотчас вскочил с кровати...

Когда вышли на дорогу, тянувшуюся к Сухой балке, Кузя свободно вздохнул и сказал:

— Все опасности позади! Коза пасется, кол с веревкой я крепко в землю вбил, с Аськой тоже ничего не случится. Подождет-подождет и перестанет.

Было нежарко. По небу степенно проплывали огромные облака-дирижабли, то и дело закрывая своими невысокими телами солнце. Легкие тени от облаков так же медленно скользили по земле.

Низко над степью шныряли проворные ласточки, разрезая острыми крыльями свежий, еще влажный от росы воздух.

В лицо нет-нет да и повеет знобящей прохладой, слозно принесло ее из-за тридевяти земель, из неведомого царства ледяных гор. А вокруг золотые, сиреневые, малахитовые сырты, уходящие в синие дали, туда, где зарождались на краю земли белые как снег облака.

И от всего этого мудрого спокойствия природы душа как-то сама собой настраивалась на мирный лад.

У Феди, хотевшего чем-то уязвить самонадеянного Кузю, пропало всякое желание говорить. Он шел, глазел по сторонам, с наслаждением думая о том, что целый вот день он не увидит Ксении Трифоновны, при которой после истории с клеенкой он все время чувствовал себя как-то неловко.

Совсем незаметно для себя Федя негромко засвистел.

Так Кузя и Федя прошли километра три. Вдруг Кузя сказал:

— Нынче ласточки прямо так и режут, так и режут над землей. Как бы дождю, Федька, не быть!

— Дождю? — Федя повертел головой. — Выдумал!

— А воробьи? Глянька, как они в пыли кучами купаются.

— Ну и что же? Захотели, вот и купаются. Чего им еще делать?

Дошли до развилки. Тут дорога разбегалась в разные стороны: одна колея круто сворачивала влево, к Сухой балке, из которой доносилось густое, басовитое урчание машин, а другая тянулась дальше, в обход оврагу.

Федя уже собирался спросить приятеля, не пора ли им сделать привал, чтобы решить, откуда начинать поиски Батырова кургана, но тут на повороте дороги, у вымахавших чуть ли не до неба стеблей татарника с огненными колючими шарами, он увидел поваленный набок мотоцикл. Около мотоцикла копошился человек в синем комбинезоне.

Отстегивая заплечные ремни надоевшего рюкзака, Федя прибавил шагу и обогнал Кузю. К человеку в комбинезоне он подошел первым.

— У вас авария? — спросил Федя, приседая на корточки.

— Маленько мотор заартачился, понимаешь, — не поворачивая к Феде головы, сказал хозяин машины. — Полечил его... Якши теперь будет.

В речи человека в комбинезоне Феде послышались знакомые нотки.

— Вы из Сухой балки? — опять спросил Федя.

— Да, со смены домой возвращаюсь... Задержался вот, понимаешь.

Хозяин мотоцикла вытер тыльной стороной руки лоб и повернулся к ребятам.

— Дяденька Анвер! — ахнули приятели. — Здравствуйте!

У бульдозериста в приветливой улыбке расплылось скуластое лицо. Улыбались и его маслянисто-черные, веселые глаза, смотревшие в узенькие щелочки, словно прорезанные острой, как бритва, осокой.

— У-у, совсем-совсем недавно встречались! — сказал башкир, хлопая по голенищу сапога кожаной перчаткой. — Куда путь держите? К нам на стройку, помогать?

Кузя, тоже присевший на корточки рядом с Федей, незаметно дернул товарища за рукав («Придержи-ка, Федька, язык!») и тотчас сказал:

— Не-ет... Мы просто так... Вроде как на экскурсию.

— Понимаю! — мотнул головой Анвер. — Тоже полезное дело. А плотину кончим, пионерам еще полезное дело найдется: деревья вокруг озера сажать... Шибко важное дело — сад развести в степи!

И бульдозерист опять весело заулыбался.

Федя покосился на Кузю. Ему не терпелось спросить Анвера про Батыров курган. Может быть, тот доподлинно знает, где находится старый курган?

— А мы, дяденька Анвер, не только сусликами или там бабочками интересуемся, — продолжал Кузя, — а еще и легендами разными... О тех давних временах, когда на земле... даже дедушек и бабушек наших не было.

— Тебя маленько знаю.— Бульдозерист кивнул Кузе.— Нашего прораба Гришина сын? Эге?

— Его самого, дяденька Анвер. — Кузя улыбнулся и сдвинул на затылок картуз. — А это Федька. Он к нам сюда зимой приехал. А отец у него агрономом в совхозе... Нежданов по фамилии. Может, слышали?

— Не только слышал, а лично знаю, — сказал Анвер и о чем-то подумал, перекладывая с колена на колено свои потертые перчатки. — Мы с твоим отцом, понимаешь, вместе первую зиму тут коротали, — снова заговорил он немного погодя, обращаясь к Феде. — Вокруг ни избы, ни барака. Одна большая степь. В палатках жили, понимаешь. А тут еще морозы. Вороны на лету кочenели. Летит-летит и упадет. Которые говорили: «Зачем нам эта мертвая степь? Пропадем мы здесь... Айда по домам!» А твой отец как начнет говорить... Такие слова скажет — на сердце горячо сразу... Да разве только говорить умел! На работе всегда первым заводилой был. Орел у тебя, а не отец, понимаешь!

Потупя глаза, Федя слушал и не верил своим ушам. Неужели Анвер про его, Фединого, отца такое рассказывает? А ведь они с матерью и не знали ни про эти палатки, ни про ворон, замерзающих на лету. Отец совсем об этом не писал. А приехал за ними в Самарск, когда уже здесь, в степи, вырос целый поселок.

Боясь, как бы бульдозерист снова надолго не отклонился от нужного им разговора, Кузя сказал:

— Дяденька Анвер, а вы, случайно, не слышали про Батыров курган? Нам дедушка про него говорил... Только мы сомневаемся...

— Зачем сомневаетесь? — удивился Анвер.— Старому человеку разве можно не верить?

— Да мы верим, дяденька Анвер, только...— Кузя засмущался. — Только другие говорят: «Никакого кургана и в глаза не видели».

— Не видели? — Анвер взмахнул руками и засмеялся. — А ты приведи их и покажи, понимаешь! Вот как отсюда пойдешь наискосок... как дойдешь вон до того овражка, так и поверни налево. И еще пройди немного. И прямо-прямо в Батыров курган упрешься. — Анвер снова рассмеялся. — Батыр-тау — известная гора. Батыр — по-башкирски богатырь, понимаешь. Сильный и добрый батыр жил когда-то в старину на этой земле. А потом на степь черная беда навалилась... Чингис-хановы полчища... как прожорливая саранча, все заполонили. У этого кургана и настигли молодого раненого батыра. Тогда, говорят, эта гора высокая была. Забрался на гору батыр и давай стрелы из лука пускать. Много Чингис-хановых воинов вокруг тау насмерть положил. А стрелы вышли — камни стал бросать. Долго бился батыр. Ночь на степь легла, когда одолели монголы батыра... На том кургане народ и похоронил батыра. И камень большой поставили. А на камне стрелы выбили крест-накрест... памятник, понимаешь... С тех пор курган так и называют: Батыр-тау.

Анвер поднялся с земли и стал заводить мотоцикл.

— Много говорил с вами, — махнул он рукой, — домой пора. Приходите в гости в Сухую балку. Будем вместе работать на бульдозере.

Проводив взглядом быстро удалявшийся мотоцикл, окутанный клубами пыли, мальчишки переглянулись.

Теперь-то они точно знали, где искать Батыров курган!

Глава восьмая. Гроза

На обратном пути домой ребят застигла в степи гроза. Она нагрянула внезапно.

Вот только что сияло расплавленным золотом солнце, уже клонившееся к западу, и горизонт был чист и прозрачен, будто отлитый из тончайшего, хрупкого стекла. В немом томлении прошла минута — другая, и вдруг через край степи перевалилась фиолетово-черная глыба. Она пыжилась, надувалась, росла прямо-таки на глазах с невероятной быстротой. И уже сгинуло солнце, а вот уже и половина неба, недавно такого непорочно-голубого, охвачена страшной тучей, готовой, казалось, обрушиться вниз и своей чугунной тяжестью придавить на земле все живое.

Федя, никогда до этого не видевший грозы в степи, оглянулся назад и оторопел.

— Кузька, — сказал шепотом Федя, — посмотри-ка!..

— Не ротозейничай, а прибавляй шагу, — сухо заметил Кузя. — Тут неподалеку старый шалашик стоит... Дошлепаем до него, пока гроза не грянула.

— А разве гроза будет?

— Да еще какая! До ниточки вымочит!

Кузя собирался сказать что-то еще, но в это время знойный, застывший воздух пришел в движение, на притихшую степь налетел холодный бешеный вихрь, и все вокруг завертелось, заплясало.

— Федька, а ну, рысью! — крикнул Кузя. Одной рукой он придерживал перекинутый через плечо мешок, а другой схватил приятеля за обвисшую лямку болтавшегося у него за спиной рюкзака. — Федька, не подкачай! — снова повторил Кузя.

И они побежали. Куда они неслись, Федя не видел, ослепнув от пыли, дымным столбом поднимавшейся вверх.

Ветер еще свистел в ушах, гнал по дороге выдернутые с корнем сухие, растерзанные стебли травы, а уж где-то неподалеку хлынул широкой полосой дождь, и гул его, нарастая, все приближался и приближался.

Обо что-то споткнувшись, Федя упал, больно стукнулся подбородком о землю. Вскочив, он бросился за Кузей, боясь потерять его из виду.

— Сюда, сюда! — звал Кузя, сворачивая с дороги в сплошные заросли седогривого ковыля.

Увесистые капли-дробины уже шлепались и сзади и спереди. Теперь яростный шум ливня заглушал все: и свист ветра и шелест травы. Еще миг, и он собьет с ног. Но вот Кузя зачем-то нагнул Феде голову и закричал ему прямо в ухо:

— Лезь, говорю, да проворнее... В шалаш залезай, бестолочь!

Федя упал на колени и на четвереньках полез куда-то в душную темноту, пропахшую сухим сеном, горелой травой и пылью. Вслед за ним в шалаш залез и Кузя.

Вдруг над их головой что-то трахнуло, трахнуло раз, другой. В ту же секунду весь шалаш осветился нестерпимо белым пламенем, будто его изнутри поджег невидимый волшебник.

А когда грохот смолк, точно из небесного самосвала все камни были сброшены на землю, и белый пламень угас, Федя поднял руку и, недоумевая, вытер со щеки холодную каплю.

— Шпарит! — прищелкнул языком Кузя, подсаживаясь к Феде.

И тут только Федя услышал ревущий гул ливня, усердно молотившего по крыше шалаша невидимыми цепами.

Кузя еще ближе придвинулся к товарищу.

— Давай-ка твой рюкзак, — сказал он, — положим в него нашу находку, которую мы откопали в кургане, а мешком завесим вход в шалаш. А то, знаешь, дождь и сюда начинает заливать.

— Опять двадцать пять! — поморщился Федя.— Хочешь в рюкзак затолкать свой лошадиный череп?

— Не свой, а череп коня знаменитого батыра. Понятно?

— Да я ведь всю дорогу тебе долбил: не было у батыра никакого коня, — отрезал Федя. — Не помнишь, что говорил дядя Анвер? У него были только лук и стрелы!

Но Кузя решил не сдаваться.

— Знаешь, Федька, — сказал он, помолчав, — дяденька Анвер забыл сказать про батырова скакуна. А так... откуда бы взяться этому черепу? Ведь мы же откопали его у подножия кургана.

— Ну и что? Сдохла какая-то кляча, вот ее и закопали.

— Не-ет! Это ты брось! — горячо возразил Кузя. — Еще раз спрашиваю: даешь на время свой рюкзак или не даешь?

— Ни за что! — твердо сказал Федя и прижался спиной к стенке шалаша, словно боялся, как бы Кузя насильно не отнял у него рюкзак.— А потом... Разве ты забыл? В рюкзаке лежит наш НЗ.

— А я-то про него, и верно, забыл! — повеселевшим голосом проговорил Кузя. — Давай немедля все сюда, что там у нас. Картоха печеная, хлеб, огурцы...

Над головами мальчишек снова раздался грохот. Казалось, что уже не один, а по крайней мере целая сотня гигантских небесных самосвалов сбросила на землю многопудовые каменные глыбы. А чтобы тяжелый этот груз упал куда надо, услужливые молнии одна за другой три раза осветили степь из конца в конец своим зеленовато-белым колдовским пламенем.

И хотя вход в шалаш был завешен мешком, при вспышках молний внутри становилось светло, как днем. А пожелтевший оскаленный череп лошади, лежавший у ног Кузи, представлялся Феде головой какого-то фантастического животного; в его темных глазных впадинах сверкали огненные очи.

Ливень шумел по степи все с той же силой. В шалаше кое-где уже закапало.

«Неужели этот дождь до утра не перестанет? — подумал Федя, выпуская из рук надкусанную горбушку хлеба и как-то помимо воли клонясь набок, к плечу Кузи. — А какой идет час — вечерний или уже ночной? Папка и нынче где-нибудь на полевом стане ночует, а Ксения Трифоновна... она, пожалуй, дома. И меня дожидается, на крыльцо то и дело выбегает. А приду и руки мыть заставит и ноги...»

И от сознания того, что не только о Кузе, но и о нем кто-то тоже сейчас беспокоится, у Феди чуть-чуть потеплело на сердце, и он улыбнулся про себя.

...А еще через минуту Федя уже стоял у Батырова кургана — невысокого холма, поросшего бедной, хилой травой. На макушке кургана возвышался приземистый камень, старый-старый. Высеченные на камне скрещенные стрелы еле проступали из-под слоя зеленоватой плесени. Федя прикоснулся рукой к щербатому камню, изъеденному временем, и пальцы ощутили могильный холод, как будто холод этот шел из тьмы веков.

— Спасибо тебе, мальчик! — раздался из-под камня глухой, кряхтящий голос.— Редко-редко кто меня навещает. Одни смелые орлы не забывают.

Феде вдруг стало жутко, и он что-то закричал на неизвестном ему самому языке...

— Федька, ты белены объелся? — спросил Кузя, все еще продолжавший расправляться с остатками НЗ.

Он боднул головой Федю и тотчас понял, что приятель его уже давно спит: Федина голова незамедлительно упала ему на плечо.

— Ох, и хлюпик этот Федька! — проворчал себе под нос Кузя. — А я до утра могу просидеть: у меня ни в одном глазу сонинки нет.

А немного погодя и он уже похрапывал под монотонный шелест дождя, то чуть затихавшего, то с прежней яростью начинавшего барабанить по шалашу.

Проснулся Кузя от холода. Ветхая солома на крыше заброшенного шалаша насквозь промокла, и на Кузю ручейками стекала вода.

В первое мгновение, ничего не понимая, стуча зубами и ежась, Кузя подумал: уж не во сне ли все это с ним происходит? И эта ледяная, неизвестно откуда льющаяся вода, и этот сырой, кромешный мрак, и эти пугающие гортанные крики, заглушаемые урчанием машин,— в самом деле, не сумбурный ли это сон?

Протянув вперед руку, Кузя коснулся пальцами намокшей стенки шалаша, ощетинившейся невидимыми соломинками, и сразу обо всем догадался.

— Федька! — позвал Кузя товарища, но Федя не ответил, тяжело посапывая, как будто он тащил в гору непосильный груз. — Вот хорек! — проворчал Кузя и, приподняв край мокрого мешка, выглянул наружу.

Неподалеку от шалаша стояли два грузовика, бросая на дорогу, всю залитую пузырившейся водой, пучки слепящего синеватого света. А возле машин мелькали темные фигурки людей.

— Это колесо тоже провертывается! — кричал кто-то сиплым голосом. — Надергайте на подстилку травы!

— Подожди, Артем, я мигом соломы принесу! — послышался в ответ звонкий девичий голос.— Тут шалашик допотопный стоит... Я мигом!

— Проворнее! — перекрывая все другие голоса, прогремел чей-то раскатистый бас. — На стройке, может, и плотину прорвало, а мы тут... Где солома?

Шлепая по чавкающей грязи, к шалашу уже бежала не одна пара ног. Кузя даже слышал тяжелое дыхание приближающихся людей.

Неожиданно тоненький лучик электрического фонарика ослепил перепуганного Кузю, и он, прикрывая рукой глаза, заревел басом, точь-в-точь как Аська.

— Ба, да тут, девки, мальчонка родился! — загрохотал раскатистый мужской голос.

И вот Кузю и все еще не пришедшего в себя Федю подхватили чьи-то бережливые руки и потащили их к машинам.

— Ксения Трифоновна, скорее сюда! — звал кто-то из темноты. — Тут вашего пропадущего Федьку нашли!

На миг открыв глаза, Федя увидел склонившееся над ним лицо Ксении Трифоновны. Мачеха не то смеялась, не то плакала.

А потом их с Кузей посадили в кабину пятитонки, завернув, как младенцев, в теплые пиджаки, видимо, только что снятые с чьих-то плеч. Рядом с мальчишками кто-то грузно сел. Федя слышал, как жалобно застонали пружины мягкого сиденья, — и машина, покачиваясь с боку на бок, понеслась куда-то в нескончаемую тьму ночи, густую, как деготь.

Снова Федя очнулся уже в то время, когда машина, резко затормозив, остановилась, вся освещенная веселым мерцающим светом.

Когда их с Кузей опять взяли на руки, чтобы куда-то нести, Федя поднял голову и широко раскрыл глаза. Он отчетливо увидел сразу все: и плотину, запруженную работающими людьми, и грузовики, беспрерывно что-то подвозящие к ней, и бульдозер, носом подгребавший землю к бурлящей коричневато-желтой воде, больше похожей на забродивший квас. И тут только Федя понял, что их привезли в Сухую балку.

— Пустите меня, я сам! — сказал Федя, но чьи-то руки крепко прижали его к груди, прижали так, словно пытались раздавить.

Федя только собрался сказать, что ему больно, но не успел: его стали целовать, жадно, исступленно.

— Папка, папка! — чуть не задыхаясь, прошептал Федя, обхватывая рукой мокрую не то от пота, не то от дождя шею отца.

Глава девятая. Неожиданный подарок

Федя сидел на крыльце, все еще влажном, не просохшем. От нагретых солнцем досок курился еле заметный теплый парок. Этот легкий седоватый парок поднимался и от плетня, и от крыши Кузиного дома, и от сарайчика, и от самой земли, всласть напоенной ночным ливнем.

А солнышко, в эту ночь хорошо отдохнув, бодро поднималось все выше и выше над степью, сразу так необычайно помолодевшей. Она сверкала умытой зеленью, щедро осыпанной прозрачными, как слезы, хрустальными капельками.

Даже зачахшие у калитки кустики ромашки с посеревшими, вялыми лепестками до неузнаваемости преобразились. За ночь каждый лепесток промыло и накрахмалило, и сейчас к солнцу устремлялись упругие белоснежные зонтики.

Федя и Кузя только что приехали в Озерный на попутной машине. Отец, Ксения Трифоновна и много еще других озерцев остались в Сухой балке, хотя беда уже и миновала. Недостроенную плотину отстояли от разрушительного напора хлынувших по оврагу потоков воды, но работы там по-прежнему было много.

Греясь на солнышке, Федя от нечего делать щипал горбушку отсыревшего хлеба, завалявшуюся в тощем, перепачканном грязью рюкзаке, щипал и бросал крошки вертлявым смелым синицам, прыгавшим у крыльца.

Федя и сам проголодался, но ему не хотелось идти в пустой дом и в одиночестве сидеть за столом.

Когда кончилась горбушка, он вытер о трусы руки и неожиданно для себя подумал: «А зря я уехал из Сухой балки! Там так суматошно и весело!»

На крыльце соседнего дома показался Кузя.

— Айда, Федюха, к нам завтракать!

Федя обрадовался приглашению. Не заставляя себя долго ждать, он разбежался и ловко перемахнул через плетень.

Глядя на приятеля, Кузя одобрительно прищелкнул языком. Прежде чем вести Федю в избу, он шепнул ему на ухо:

— Бабка меня не сильно бранила. Только про лопаты спрашивала. Я не сказал, что у Батырова кургана мы их оставили, а сказал, что в Сухой балке.

Федя понимающе кивнул.

— Отправимся завтра купаться и лопаты прихватим. Лады, Федюха?

— Куда, куда? — переспросил Федя.

— Ну, закудахтал! В Сухую балку... Куда же еще? Отец сказал, завтра купаться можно будет. В овраге, знаешь, уж сколько водицы? Ого-го! У самого берега чуть ли не полметра. А закончат плотину возводить да пройдут еще дожди, тогда и подавно...— Кузя дернул друга за торчащий вихор и засмеялся. — А ты все не верил... У нас тут своя Волга будет!

Но вдруг, вспомнив что-то, Кузя нахмурился, вздохнул.

— Все ничего, да вот череп батырова коня жалко. Уцелел ли он в шалаше? А что, если пропал?

— Кому он нужен, твой череп! — отмахнулся Федя.

— Ничего-то ты, Федька, не понимаешь! — Кузя провел рукой по светлой, как одуванчик, голове. — Бабка сказывала: тут без нас приходила тетя Галя, библиотекарша. Приходила и сказывала, будто ученые к нам сюда на днях нагрянут. И знаешь, зачем? На Батыровом кургане научные... ну, как это? Одним словом, по-научному копать там будут. Понимаешь? Должен я им череп свой показать или нет? А вдруг этот череп — научная ценность? Понимаешь?

— Ученые? — протянул Федя.— А не врешь?

— Честное пионерское!

— Слушай, Кузька, а если нам попросить... попросить этих ученых, чтобы они нас в помощники взяли, а? Попросимся, Кузя?

Но тут мальчишек позвала к столу бабка Степанида.

Когда Кузя, Федя и Аська уселись за стол, бабка Степанида поставила перед ними большую миску с гороховой похлебкой, заправленной лучком.

Похлебка показалась Феде очень вкусной, и он так старательно работал ложкой, что даже вспотел.

А бабка, скромненько усевшись в стороне на табуретке и подперев рукой костлявый подбородок, смотрела на Федю грустными, жалостливыми глазами.

— Добавки не требуется? — спросила она, когда ребята зашаркали ложками по дну миски. — Вы у меня как странники, бедовые головушки! Подлить, что ли?

Кузя и Федя переглянулись.

— Плесни, бабушка, коли не жалко! — подражая отцу, сказал Кузя.

— Ешьте-ешьте, не жалко! — Бабка Степанида снова наполнила миску горячей похлебкой и поставила ее на стол. — А тебе, Федор, видать, пирогов-то дома не оставили? Она вчерась, когда тебя не было, пироги пекла. Так по всей улице духом скоромным и несло, так и несло. Видно, с мясом пекла.

Бабка сокрушенно вздохнула и добавила:

,— Эх-хо-хо-хо! Не зря народ говорит: в лесу медведь, а дома мачеха!

Федя опустил на стол ложку и смотрел на бабку ничего не понимающими глазами.

— Родная-то мать — та сама бы кусок не съела, а дитя накормила.

— Нет, это неправда, — разжимая дрожащие губы, сказал Федя. — Ксения Трифоновна, она...

Он хотел сказать «добрая», но почему-то

осекся и замолчал. Из глаз его вот-вот закапают слезы. А Феде не хотелось, чтобы люди видели его слезы. Но как тут быть? Слева от него сидел молчаливый Кузя, а справа прилипчивая Аська. Вдруг Федя соскочил с лавки и юркнул под стол. А выбравшись из-под стола, он пустился наутек.

Прибежав домой, Федя запер на крючок дверь и повалился ничком на кровать. Он лежал и плакал, плакал горючими, горькими слезами. Намокла наволочка на подушке, а Федя все никак не мог успокоиться. И стук в дверь он не сразу услышал. А услышав, подумал: «Кузька, кому же еще набатывать? А я не пойду открывать, да и все тут!»

Но в дверь стучали все настойчивее. Федя встал, вытер рукавом лицо и направился в сени.

— Дома никого нет, — сказал он, в нерешительности останавливаясь у двери. Помолчал и добавил: — Один я, и больше никого.

— Открывай, открывай! — раздался по ту сторону двери сиповатый мужской голос. — А я уже думал, и вправду никого нет.

Все так же нерешительно Федя сбросил крючок, а когда дверь открылась, он проворно отбежал в сторону.

На пороге стоял озорник и забияка Артем, гроза поселковых мальчишек. Шелковая полосатая тенниска и негнущиеся суконные брюки неопределенного коричневато-черного цвета придавали Артему какой-то праздничный и смущенный вид. Согнутая в локте правая забинтованная рука его висела на белой косынке, а в левой он держал кепку, прикрытую сверху носовым платком.

Федя еще раз посмотрел в продолговатое остроносое лицо Артема с редкими черными пушинками над верхней губой и снова попятился, боясь подвоха. Стукнувшись вихрастым затылком о косяк избной двери, Федя даже не поморщился от боли, по-прежнему не спуская с Артема своих настороженных глаз.

А проказник Артем, никогда не лазивший в карман за словом, все молчал и молчал, глядя на Федю приниженно и сконфуженно, будто провинившийся в чем-то добрый дворняга.

— Как это самое... поживаем? — выдавил наконец из себя Артем, когда молчание стало невтерпеж и тому и другому. — Жизньто, спрашиваю, как она?

— Ничего... поживаем, — ответил Федя.

— Выходит, все в порядке?

— Ага, в порядке, — кивнул Федя и, подняв правую ногу, осторожно переставил ее через порог. Так же незаметно он переставил и левую.

«В порядке-то в порядке, — подумал он, — да как бы ты не наделал беспорядка... Вон руку-то тебе, забияка, уж где-то подремонтировали».

И Федя покосился на дверь в избу: успеет ли он вовремя ее захлопнуть, если Артем начнет агрессивные действия?

— А отец с матерью, они все еще в Сухой балке? — опять заговорил Артем.

«Ишь, куда ты клонишь!» — смекнул Федя и тотчас сказал:

— Они вот-вот дома будут. А тебе зачем они?

— Не-е, я не к ним, а к тебе, — оживился Артем. — Смотри, чего принес.

Артем присел на корточки, зубами сдернул с картуза носовой платок, а картуз опрокинул вниз.

И Федя вдруг увидел на полу молодого ежика. Ощетинившись, ежик замер на месте, сердито посапывая носом. Уже совсем не думая об опасности, Федя наклонился и с любопытством уставился на колючий живой комок.

— Как еж? Ничего? — спросил Артем.

— Ага, ничего.

— Ну, тогда и забирай его себе.

— Насовсем? — Федя поднял на Артема свои большие немигающие глаза.

— Насовсем, насовсем! — Артем улыбнулся.— А хочешь, еще поймаю? Мне теперь не скоро на работу, видишь, с рукой-то что получилось?

— А что у тебя с ней получилось?

— Да ночью вот на плотине обвалилась глыба, и я вместе с ней кувыркнулся вниз тормашкой в воду. А за мной бревно с железной скобой ухнулось. Скобой-то мне руку и поранило.

— Кто же тебя из воды вытащил? — спросил Федя. Теперь он с уважением глядел и на Артема и на его забинтованную руку.

— Из воды бульдозерист Анвер, а руку... руку она, Ксения Трифоновна, заштопала. Если б не она, не знаю, что и было бы. Кровища хлестала — ай да ну! — Артем помолчал. — Она у тебя, знаешь, какая?.. Ничего ты еще не знаешь! Ну, я пойду, а то приедет — заругает... Лежать приказала.

Артем взял в здоровую руку фуражку и встал.

А Федя, не замечая уже больше Артема, принялся хлопотать вокруг ежика. Сбегав на кухню, он принес большой кусок пирога с мясом.

— Ешь, ежинька, ешь, колючий! — приговаривал Федя, ломая пирог на мелкие кусочки. — Ну, не бойся, я тебя не трону.

Потом он слазил в погреб и вынул оттуда запотевшую крынку с молоком. Молока он налил в чайное блюдце, а блюдце поставил на пол перед ежиком.

А еще через час Федя решил поискать в сарае какой-нибудь ящик, чтобы устроить в нем постель для ежа. Собираясь в сарай, Федя бережно взял ежика на руки и отнес его к себе на кровать.

— Отдыхай пока здесь, — сказал Федя. — А к вечеру у тебя будет свой дом.

Разыскав в сарае небольшой фанерный ящичек, Федя, уже собравшись уходить, как-то случайно остановил свой взгляд на тонких полосках смолкой лучины, валявшейся у самой двери.

Лучину для растопки печки и плиты всегда щепал по выходным дням отец. Но в это воскресенье отец весь день не был дома.

«Всего пять лучинок осталось», — сосчитал Федя и поставил на землю ящик.

Еще не отдавая себе отчета в том, что он собирается делать, Федя взял топор и подошел к невысокой поленнице дров, таких ценных в этом степном краю.

«Это полешко самое подходящее», — сказал себе Федя, облюбовав кремовато-оранжевое, несучкастое полено.

По сараю в разные стороны полетела звонкая щепа. Первые два полена Федя расколол не совсем удачно: многие лучинки оказались толстоватыми. Но зато уже следующие поленья он щепал как по мерке.

Про ежа Федя вспомнил часа через три, когда в дверях сарая уже высилась большая куча клейкой лучины, пахнущей солнцем и сосновым бором.

Глава десятая, последняя. «Тетя Ксеня!»

Из Сухой балки Ксения Трифоновна вернулась усталая и неразговорчивая. Она молча выскоблила в сенях пол, весь в синевато-белых молочных лужицах и масляных пятнах от пирога, так же молча умылась и стала кормить Федю ужином.

Феде очень хотелось, чтобы Ксения Трифоновна сходила в сарай за лучиной, но она в этот вечер не топила печку.

Федя ел подогретый на плитке мясной пирог с хрустевшей на зубах подрумяненной коркой и нет-нет, да и бросал на Ксению Трифоновну удивленный взгляд. Какая-то необычно замкнутая и отчужденная, нынче она была особенно некрасива. И все-таки Феде что-то начинало нравиться в Ксении Трифоновне.

«Устала, — подумал он, рисуя вилкой на пустой тарелке колючего ежа. — Всю ночь не спала, и день тоже там, на стройке. Вот и устала».

В этот вечер Ксения Трифоновна рано уложила Федю спать. Прежде чем забраться в постель, Федя заглянул под кровать: присмиревший ежик лежал в ящике на теплом Федином шарфе и, вероятно, уже спал.

Уходя из комнаты, Ксения Трифоновна плотно прикрыла за собой дверь. Но сама она почему-то все еще не ложилась. Федя слышал, как мачеха расхаживала по соседней комнате, что-то передвигая с места на место. Он даже слышал, как она тяжело вздыхала.

Потом Федя задремал. Но сон его был чуток и тревожен. И когда хлопнула сенная дверь, Федя очнулся и поднял голову. Под чьими-то тяжелыми шагами заскрипели половицы.

«Папка приехал», — догадался Федя.

А в следующую минуту он услышал и голос отца, тревожный, испуганный:

— Ксюша, ты что тут делаешь?

— Собираю... вещи свои собираю. Уходить хочу от тебя, Георгий.

— Уходить? Да ты в своем уме? Зачем это, Ксюша?

Федя слышал, как отец бросил на пол шуршащий плащ, как порывисто он шагнул вперед.

Наступило молчание. Что происходило за стеной, Федя не знал. Но вот опять раздался голос отца, покорный, молящий:

— Ну, я тебя прошу, Ксюша... Ксюша... Ну...

— Не проси, Георгий, — негромко и сдержанно заговорила Ксения Трифоновна. — Ты только пойми меня: я для него совсем-совсем чужая. Он даже из дому бежит, будто ему тут все опротивело.

— Нет, нет, ты преувеличиваешь! — протестующе перебил Ксению Трифоновну отец. — Он же мальчишка, нелегко ему сразу привыкнуть... Шутка ли — мать потерял! И я вот тоже его забросил, все дела да недосуг. Эх!

Федя сидел в кровати, и сердце его холодело от предчувствия чего-то недоброго.

— Я не виню Федю, — сказала Ксения Трифоновна, — может, он мальчик и неплохой... Но он меня ничуть не любит. Я стараюсь так и этак, а он мне только плохое. Нет, не проси, нам лучше расстаться.

Путаясь в одеяле, Федя спрыгнул на пол и рванул на себя дверь.

— Тетя Ксеня! — закричал Федя, сам не зная, что он делает. — Тетя Ксеня!

А в следующий миг, обняв Ксению Трифоновну, Федя уткнулся лицом в ее старый ситцевый сарафан, в тот самый пунцовый сарафан, в котором он увидел ее впервые месяц назад на крыльце своего дома.

В. А. Поляков. ПОСЛЕ ШТУРМА ЗИМНЕГО.

Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

В. М. Сидороз
(Москва).

МАЙСКИМ
УТРОМ.

Королевский трюк

Ник. ДРАЧИНСКИЙ

Рисунок Ю. ГАНФА.

«— Я думаю нанять для себя пару хороших королей, а?

— Зачем это вам?

— Забавно, знаете. Я приказал бы им боксировать вот здесь...

Он указал на площадку перед домом и добавил тоном вопроса:

— От часа до половины второго каждый день, а? После завтрака приятно отдать полчаса искусству... Хорошо ».

Так рассказывает М. Горький о своем интервью с керосиновым или стальным магнатом Соединенных Штатов. Однако не все керосиновые боссы мыслят использовать королей именно в таком плане.

Иорданский король Хусейн ибн Талал по своей недоразвитой стати для бокса явно не годится. Человек он тщедушный, хлипкий. Носит замшевые башмаки на очень толстой подошве, которая прибавляет несколько сантиметров к его росту. Чтоб казаться солиднее, 23-летний монарх недавно отрастил усы. В окружении своей многочисленной охраны с кинжалами и маузерами он похож на худосочного подростка. Я видел, как с ним разговаривали приближенные: они сгибались над ним дугой не в знак почтения, а чтобы расслышать идущий снизу голос «суверена».

В прошлом году в Аммане начальник королевской канцелярии и церемониймейстер двора раис Ильяузи подарил мне бумагу с гербом Хашимитской династии. В ней содержалось жизнеописание короля Хусейна, уложенное в восемнадцать пронумерованных пунктов. Пункт одиннадцатый гласил:

«Его величество ведет тихую демократическую жизнь... Его любимое занятие — водить специальные королевские самолеты и автомобили. Любит фехтование, верховую езду и фотографирование».

Раис провел меня на балкон дворца и показал в небо. Над столицей с ревом проносилось звено английских истребителей «Вампир».

— Это летает его величество! — торжественно произнес церемониймейстер.

А спустя два часа я видел, как «тихий демократический» король возвращался во дворец. Над городом пронзительно завыли сирены. Впереди и сзади длинного черного лимузина с королевскими штандартами на крыльях мчались бронированные военные машины, густо утыканные пулеметами. Две шеренги вооруженных мотоциклистов дополняли процессию. С диким воем и грохотом неслось это бронированное стадо по амманским улицам; люди и ослики шарахались в стороны, жались к стенам домов.

Составитель биографии сообщал, что во время своих полетов над горами и долами Иордании «обожаемый король» с заоблачных высот знакомится с жизнью своих «горячо любимых подданных». Однако совсем недавно керосиновые боссы решили использовать летные возможности иорданского короля для новой провокации на Ближнем Востоке.

В последнее время грозовая атмосфера на Арабском Востоке, вызванная американской и английской вооруженной интервенцией, стала проясняться. Гневный голос народов всего мира заставил колонизаторов увести свои войска из Ливана и Иордании. Пока иорданскую землю топтали английские парашютисты, король чувствовал себя спокойно. Но вот интервентам пришлось убраться. Правда, ушли они не далеко. Части, оккупировавшие Иорданию, перебазировались не в свои обычные лагеря в Европе, а на остров Кипр. Здесь, вблизи арабских берегов, они находятся в боевой готовности и ждут удобного случая вернуться. Король Хусейн остался один на один со своим народом, которого он смертельно боится. Западные журналисты сообщали, что «маленький монарх» никуда не выходит из дворца, окруженного танками и броневиками.

Своим угодничеством перед Западом король-марионетка заслужил всеобщую ненависть иорданского народа. В стране господствует свирепый террор, многие месяцы длится осадное положение, на дорогах через каждые двадцать километров жандармы обыскивают машины и повозки. Лишившись защиты иностранных штыков, хрупкий трон снова задрожал.

Тогда «маленький монарх» по заданию своих хозяев решил попытаться снова обострить обстановку и создать повод для ввода в страну иностранных войск, разыграв пошлый фарс в облаках.

Король объявил, что улетает в Европу — успокоить свои растрепанные нервы на берегах Женевского озера. 10 ноября он сел к штурвалу двухмоторного самолета. Рядом занял место подполковник английских военно-воздушных сил Далглейш (нельзя же без инструктора!). Самолет взлетел, и многочисленная челядь, проводив «маленького монарха», отправилась по домам. На аэродроме остался лишь премьер-министр Самир эр-Рифаи. Человек он уже старый, аэродром далеко за городом, и ездить ему туда-сюда утомительно. А уж он-то наверняка знал, что эти пышные проводы не более как опереточный спектакль в одном действии, разыгранный по англосаксонскому сценарию. Пройдет час — другой, и «летающий монарх», исполнив над Сирией роль воздушного провокатора, благополучно вернется в Амман.

Часа через полтора Рифаи позвонил в город и спешно вызвал на аэродром министров, чиновников, журналистов, представителя ООН. «Король возвращается! На него совершено нападение в воздухе!»

Через два часа после взлета самолет снова приземлился на амманском аэродроме. Летающий монарх появился перед публикой и доказал, что он великолепный ученик барона Мюнхаузена. Рассудку вопреки он доказывал собравшимся, какой он герой, как он храбро удрал от... целой стаи сирийских реактивных истребителей! Чуть ли не час они атаковали самолет короля, но ничего не могли с ним поделать. Тут же король разразился угрозами по адресу Объединенной Арабской Республики, требовал защиты от «агрессии», и т. д., и т. п. Говорят, он даже подписал приказ об объявлении войны Сирии, но кто-то его вовремя одернул. Тогда марионеточный «суверен» издал другой указ, согласно которому все население должно бурно проявлять свою радость по поводу «чудесного спасения своего короля», день его возвращения объявлен национальным праздником. По этому же указу (на всякий случай) прерывались занятия в учебных заведениях. Было созвано чрезвычайное заседание правительства, на котором, кроме министров, присутствовал американский посол Уайт. Вкупе они сочинили «жалобу» в ООН на «беспрецедентную агрессию».

На следующий день американские и английские буржуазные газеты раздули до невероятных размеров басню Хусейна, сладостно предвкушая «новый кризис на Ближнем Востоке». Что же произошло на самом деле?

10 ноября в 8 часов 40 минут иорданский самолет появился над Сирией. Без разрешения сирийских властей, нарушив международные правила, он летел из Иерусалима курсом на Бейрут.

Вначале аэроплан шел высоко, но затем резко снизился. Подполковник Далглейш впоследствии заявил корреспондентам, что он летел низко над Сирией, чтоб его «не обнаружили сирийские радарные установки» (?!). Судя по всему, пилот опасался обратного: чтобы сирийская воздушная служба не дала промашки и не упустила самолет. Поэтому, не полагаясь на радары, крылатые провокаторы летели на малой высоте над запретной военной зоной ОАР, дабы их увидели невооруженным глазом.

Сирийцы, конечно, заметили неизвестный самолет. Они уже привыкли к разным провокациям и не стремились обострять обстановку. Аэропорт Дамаска установил радиосвязь с самолетом и пытался выяснить его маршрут и цель. Но пилот отказался дать какую-либо информацию. Тогда ему было предложено приземлиться на дамасском аэродроме и получить соответствующее разрешение. Пилот отказался совершить посадку и заявил, что возвращается в Иорданию. Два истребителя ОАР, патрулирующие в этом районе, получили приказ сопровождать странный самолет, пока он не покинет воздушное пространство Сирии. Вот и все.

Командира сирийского истребителя атаковали журналисты.

— Вы не смогли его сбить? — спросил один.

— Сбить? — удивился летчик.— Для этого достаточно было трех секунд! А мы долго летали на близком расстоянии.

Уже первая попытка расследовать инцидент представителем Генерального секретаря ООН в Аммане показала полную нелепость басен «маленького короля». «Иерихонские трубы» буржуазной печати переменили тон. Корреспондент английского агентства Рейтер сообщает из Аммана, что иорданское правительство вряд ли будет настаивать на обращении в Совет Безопасности ООН: «первоначальное расследование показало, что Иордания допустила административный промах».

Воздушный аттракцион короля Хусейна провалился.

За три дня до того, как разыгралась эта комедия, корреспондент американской газеты «Уолл-стрит джорнэл» писал из иорданской столицы: «Американские официальные лица в Аммане считают, что из каждых десяти иорданцев по крайней мере девять хотят коренных изменений в правительстве и политике своей страны».

И что же в связи с этим предлагают «американские официальные лица» иорданскому королю?

Недавно Иорданию покинула американская военная миссия во главе с генералом Ричардом Рисденом. Пронырливые репортеры ничего не смогли узнать о ее четырехнедельной деятельности. Стал известен лишь один факт: уезжая, военная миссия США подарила Иордании большую партию хлыстов, сделанных из нейлона.

Американский офицер весьма популярно объяснил военным жандармам преимущества этих хлыстов «образца 1959 года»: они причиняют более сильную боль, нежели обычные, и оставляют на теле избитого немного следов.

Ничего не скажешь, «маленький король» получил символический подарок от заморских хозяев за свою воздушную клоунаду.

Однако ни с помощью нейлоновых хлыстов, ни усердием коронованных марионеток империалистам не удается остановить неодолимое движение арабских народов к свободе и независимости.

Я. ВЕТРОВ,
директор школы-интерната

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Неля Кишишан (слева) — новичок в интернате, а ее одноклассница Надя Оленина уже хорошо освоила ручной набор.

Школьники у наборной кассы

У меня на столе лежит дорогая для нас небольшая желтоватая карточка. На ней жирным шрифтом напечатано поздравление с 40-й годовщиной Великой Октябрьской революции. Немного ниже значительно мельче: «Вы присутствуете на открытии учебно-производственной типографии школы-интерната № 19 Ленинского района гор. Москвы».

...Это было 5 ноября 1957 года. Воспитанник 5-го класса Саша Решетняк стоял за тигельной машиной, печатал и раздавал всем присутствующим эти скромные карточки. Карие, голубые, серые широко открытые детские глаза следили за ним с восторгом и завистью. Саша казался своим товарищам по меньшей мере чародеем. А он спокойно и уверенно вынимал из машины одну за другой свежие, чуть пахнущие типографской краской карточки...

Как возникла эта типография?

После долгих исканий мы решили приобщить ребят к полиграфии.

Настал день, когда прибыли машины. Но они были в разобранном виде, а специалистов-то в школе нет. Нам же очень хотелось именно к 40-й годовщине Великого Октября открыть типографию.

Начали монтировать сами. Кое-что получилось. Это «кое-что» вселило уверенность. Никогда ребята не работали с таким воодушевлением, как в те дни.

И вот типография готова! Воспитанники нашего интерната теперь учатся и работают в ней по специальной программе. Она включает ручной и машинный набор, печатное, ремонтное и брошюровочно-картонажное дело, правила техники безопасности. Мы устраиваем экскурсии в другие типографии.

В каждом классе есть наборщики ручного и машинного набора, печатники, переплетчики. Четыре воспитанника работают корректорами.

К нам уже поступают заказы. И мы с гордостью отмечаем, что за год получили доход — 155 тысяч рублей. Из этой суммы около 60 тысяч пойдет на зарплату работникам типографии. Сорок тысяч рублей — на материалы (бумага, краски), приобретение дополнительного оборудования. А вот 55 тысяч мы израсходовали непосредственно на нужды школы-интерната. На эти деньги наши лучшие воспитанники ездили летом отдыхать на Кавказ и Украину. На эти же деньги мы купили для школы физкультурный инвентарь.

Есть у нас свои проблемы, появившиеся после создания типографии.

Как оплачивать труд ребят? Вопрос сложный. Для начала решили ввести коллективную оплату. Заработок заносится на денежный счет каждого класса. А потом, на общем собрании, класс решает, куда тратить деньги.

Надо сказать, что теперь ребята совсем по-другому относятся к труду.

Однажды после работы в картонажно-брошюровочном цехе я слышал такой разговор. Ученик говорил инструктору:

— Мы должны установить норму. Нормы, я знаю, имеют все рабочие.

А его товарищ добавил:

— Нужно еще добиться, чтобы наша продукция была самой лучшей.

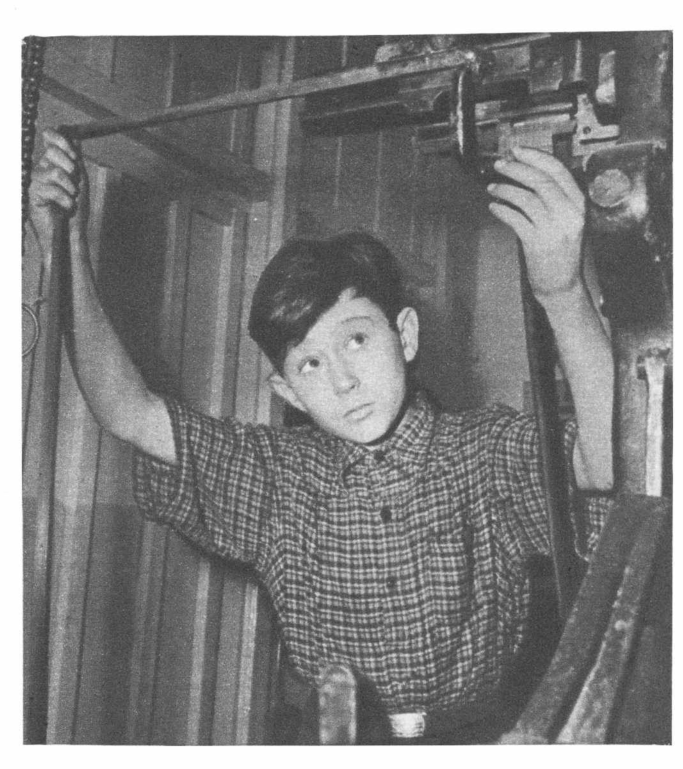
Изменилось и отношение ко многим предметам. Теперь химия, физика и математика не кажутся ребятам чем-то отвлеченным. Они знают, что машины в типографии приводятся в движение электричеством, краски расширяют представление о химии, при ручном наборе учащиеся постоянно имеют дело с расчетами. Да и по части грамотности повысились требования.

У меня теплеет на сердце, когда я слышу, как мои дорогие мальчишки и девчонки серьезно и по-детски трогательно и мечтательно говорят о своих будущих профессиях.

Год работы показал, что наши воспитанники после окончания школы-интерната смогут получить не только аттестаты зрелости, но и квалификационные производственные разряды наборщиков, печатников, переплетчиков.

Уверенно работают на плоскопечатной машине пятиклассники Борис Райхлин и Лариса Никифорова.

Подпись к этому снимку мы попросили набрать линотиписта Сережу Шипова. Сережа учится в школе-интернате третий год. За это время он уже успел хорошо овладеть наборной машиной.

Спектакли друзей

Центральный экспериментальный оперный театр КНР начал свое существование всего пять лет тому назад. Его первая постановка — «Седая девушка» — была как бы переходной ступенью от классического, условного китайского театра к реалистическому. Спектакли, которые наши друзья показывают сейчас на гастролях в Советском Союзе, решены уже в реалистическом плане.

Опера «Лю Ху-лань» написана на современную тему. В основе сюжета лежат подлинные события. Это спектакль о жизни юной китайской патриотки, образ которой напоминает нам Зою Космодемьянскую.

Спектакль «Лю Ху-лань» не является оперой в привычном нашем понимании. В нем, как и в других постановках этого театра, речитатив часто заменен разговором. Это, скорее, музыкальная драма.

Опера «Песня степей» построена на тибетском фольклоре. Тема ее — борьба за единство национальных меньшинств Тибета. Здесь много музыки, и спектакль гораздо ближе к оперной форме. Широкая напевность, выразительные речитативы, тонкое актерское исполнение доставляют истинное наслаждение зрителям.

Еще один спектакль, который показывают китайские друзья — «В тени акаций», — рассказывает о борьбе китайского крестьянства против гнета помещиков.

Во время гастролей в 1954 году Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко в Китайской Народной Республике мы сблизились с талантливым коллективом Экспериментального театра, часто встречались для обмена опытом. Нас роднит идейная общность задач, решаемых в искусстве, единодушное стремление творить для родного народа.

Заслуженный артист РСФСР
Д. КАМЕРНИЦКИЙ.

Сцена из спектакля «Лю Ху-лань».

16:4

Зритель боксерских состязаний за последнее время сильно изменился: стал шумливым, говорливым, лучше разбирается в боксе. Теперь матчи посещают не полторы — две тысячи человек, как раньше: Дворец спорта в Лужниках вмещает 15 тысяч зрителей, и он бывает полон в дни «большого бокса».

Особенно бросилась в глаза повышенная эрудиция болельщиков. Я ее обнаружил еще по пути в Лужники, в метро. Они точно знали, что команды встречаются третий раз, что в первых двух матчах победу одержали наши спортсмены, знали, что среди гостей есть старые знакомые, очень сильные боксеры: М. Хомберг, М. Ханнер и Х. Херпер. Однако об остальных членах немецкой команды ни один из любителей ничего не мог сказать. И это озадачивало всех. Семь неизвестных!

Когда поединок начала первая пара: Хомберг и Стольников,—я убедился в справедливости оценки болельщиками немецкого спортсмена. Чемпион Европы до такой степени легко и неутомимо двигался по рингу, уклонялся от ударов, ловко переходил в контратаку, что Стольников казался значительно более тяжелым и медлительным, хотя, как мы знаем, ленинградец — неплохой боксер. В конце боя рефери поднял руку Хомберга.

— Первый блин комом,— заметил мой сосед,— но еще посмотрим.

И верно, во второй паре чемпион Европы О. Григорьев сравнял счет. Сильными, точными ударами он тотчас же захватил инициативу, и его партнеру К. Эйкельманну пришлось побывать даже в нокдауне.

Нет надобности описывать все встречи, но на некоторых хочется остановиться хоть вкратце.

В зале стало тихо, когда диктор объявил, что на ринг вызываются спортсмены легкого веса Г. Кокошкин (СССР) и Х. Херпер (ФРГ). Чемпион Федеративной республики опытен да к тому же еще левша. А кто такой Кокошкин? Когда бойцы встретились в центре ринга и начался поединок, зрители разочарованно переглянулись. Оказалось, что оба противника — левши. Они стоят друг к другу не левым, обычным, а правым боком. У левши формы боя непривычные. И в самом деле, противники за три раунда так и не приспособились друг к другу. Победу завоевал Херпер.

Нелегко пришлось боксеру первого полусреднего веса В. Енгибаряну в бою против смелого, напористого Г. Диттера (ФРГ)! Два раунда немецкий боксер с удивительным терпением проводил выгодную для себя тактику. Как известно, наш мастер предпочитает, чтобы противники атаковывали его, а он сам, обладая недюжинной резкостью и быстротой, обычно проводит сокрушительные встречные удары. Но на этот раз ему против собственной воли приходилось делать все наоборот. Ложными раскрытиями и маневрами немец принуждал Енгибаряна к атаке, а сам проводил точные контрудары. Лишь в третьем раунде у немца не хватило выдержки, и он изменил свою тактику. Этим моментально воспользовался наш боец: резкими, хлесткими ударами он добился преимущества.

Поединок Ю. Громова (СССР) и Г. Коха (ФРГ) был одним из самых коротких. Техничный и агрессивный москвич напал на немца с серией тяжелых ударов, и тот вскоре опустился на пол. Отдохнув, немецкий боксер встал, но Громов снова провел серию коротких ударов, и немец опять опустился на пол. После третьего нокдауна рефери вынуждены были объявить победителем Громова.

Всего два удара справа провел чемпион мира Г. Шатков (СССР) в бою с Г. Мадай (ФРГ). От первого у немецкого боксера заметно обмякли ноги, от второго колени у него подломились, и он упал. Судья отсчитал положенное время. Нокаут!

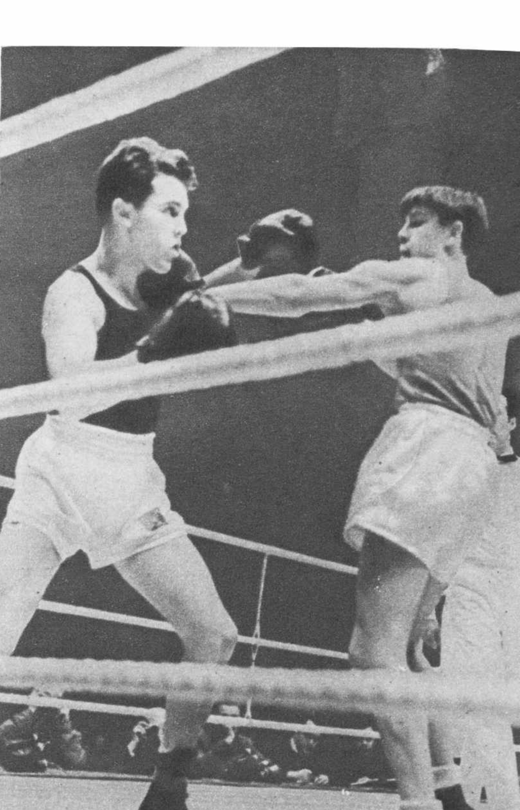
Уверенно выиграли свои встречи советские боксеры полутяжелого веса А. Лясота и тяжеловес А. Абрамов.

Итак, со счетом 16:4 победила советская команда.

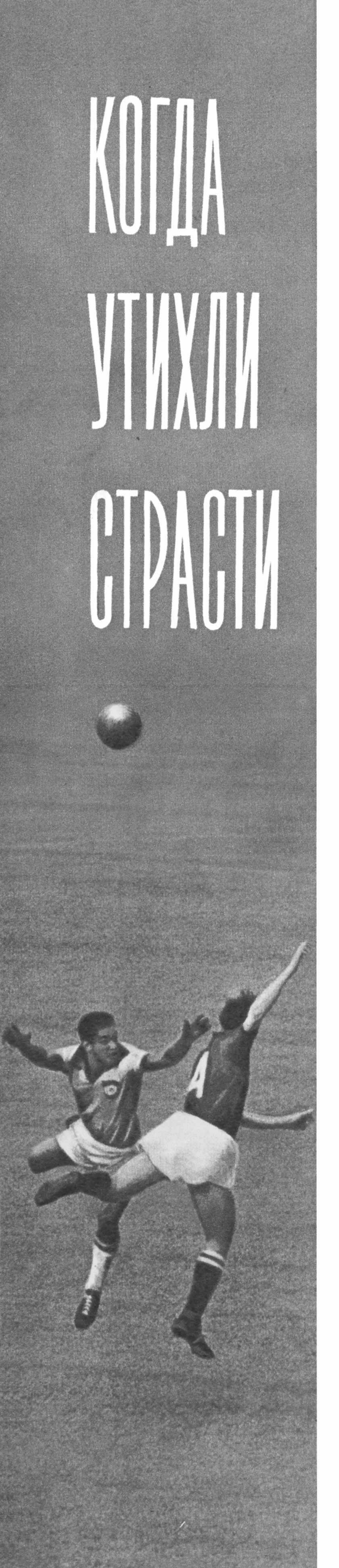
Мастер спорта
В. ПУШКИН.

После удара Г. Шаткова (слева) судья отсчитывает положенные десять секунд. Лежит Г. Мадай (ФРГ).

Б. Никаноров (справа) нанес сильный удар в челюсть М. Ханнеру.
Фото А. Бочинина.

КОГДА УТИХЛИ СТРАСТИ

Заметки спортивного обозревателя

М. МЕРЖАНОВ

Забит последний гол, поставлена последняя подпись под судейским протоколом, и спартаковцы почетным маршем прошли мимо трибун. Это торжественное шествие футболистов и ладное, шаг к шагу рукоплескание зрителей как бы подводили итоговую черту трудному, полному бурных событий году, отмеченному радостями побед и горестями поражений, которых, к сожалению, было больше, чем все мы ждали.

Советская команда потерпела неудачу на генеральном футбольном смотре в Гётеборге и Стокгольме, неудачу примечательную, ибо команда показала образцы дружбы, волевых качеств, блеснула скоростью, напором, коллективными действиями и все же ушла с поля, опустив голову.

Тренерам было над чем задуматься, пристально и неторопливо изучить причины поражений, но они, видимо, не поняли их или недооценили и ограничили свои выводы поисками нового состава.

Последний же удар, нанесенный на лондонском стадионе Уэмбли, как бы он ни был эпизодичен, подчеркнул наши технические и тактические просчеты и, словно луч вечернего солнца, бросил длинную тень на весь сезон.

Впрочем, расскажем все последовательно.

Танцуя от шведской печки...

Уходящий сезон несет на себе печать шведского турнира, который показал большую и красочную картину современного футбола, его принципы, теории, технические новинки, разнообразие стилей, манер, тактических построений.

Всемирный чемпионат — это своеобразная «ярмарка футбольных новшеств», на которой теоретики и практики этой увлекательной игры скрестили шпаги и проверяли стойкость и жизнеспособность своих формул. Шпаги звенели на страницах газет и на пресс-конференциях, где тренеры с напускной важностью излагали свои идеи, а на зеленом поле мячи влетали в сетку ворот, разрушая одни принципы и утверждая другие. И лучших аргументов в споре придумать было нельзя.

Вот почему весь разговор о футболе нынешнего сезона следует вести, только «танцуя от шведской печки».

Когда всемирный чемпионат кончился и команды вернулись на родину, их по-разному встретили соотечественники: аргентинцы попали под каменный дождь и оглушительный свист, от которого трещали барабанные перепонки, а чемпионы мира — бразильцы — стали национальными героями: их принимал президент, им дарили автомашины и даже дома, называли их именами улицы и вели кампанию за то, чтобы город Пау Грандэ назвать в честь знаменитого форварда городом Гарринша.

Экспансивные южноамериканцы по-своему отмечали футбольные горести и радости. Это — дело их нравов.

Но все специалисты — тренеры и менеджеры команд — обратили свои взоры на бразильский коллектив не столько потому, что он завоевал футбольную корону, сколько потому, что бразильцы блеснули гармоничным сочетанием техники, тактики и скорости — тремя китами, на которых стоял «мир» их высокого класса. Но одни специалисты обратили внимание на оригинальное построение линии нападения, на тонкую комбинационную игру, на взаимодействия всех звеньев команды, а другим вскружила головы так называемая система «четырех защитников», которая принесла успех бразильцам.

Формула этой системы выглядит так: четыре защитника за счет оттянутого назад полузащитника, два полузащитника за счет оттянутого назад форварда и четыре нападающих. По внешнему виду эта схема укрепляет ближний эшелон обороны.

Судьба «четырех защитников»

Бразильская новинка, привезенная из-за океана на гётеборгский стадион «Нью Уллеви», была неожиданностью для австрийцев и некоторых других команд, но не испугала англичан, которые, как известно (единственные!), устояли под напором южноамериканцев и не пропустили ни одного мяча.

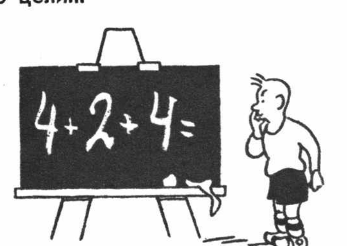
Следует сказать, что бразильцы применяли подобную расстановку игроков оборонительной линии не всегда и меняли ее в зависимости от индивидуальных особенностей соперников. К тому же двое из четырех защитников, а именно Орландо и Беллини, как правило, играли впереди, и лишь крайние, Н. и Д. Сантосы, оставались «чистыми» сторожами своих ворот с флангов.

Мне удалось четырежды наблюдать за игрой нашумевшей бразильской оборонительной четверки, и только один раз (против англичан) она более или менее строго придерживалась «ровной линии» обороны, а в остальных случаях центральные защитники уходили несколько вперед, иногда даже увлекались и были наказаны голами.

Несомненно, бразильская расстановка игроков — продуманная схема, в которой чувствовалась тревога тренера за свои ворота и желание сохранить наступательный стиль команды.

Ему это удалось только благодаря специальному подбору игроков, отлично владеющих мячом, с хорошим тактическим мышлением и, я бы сказал, с творческой фантазией.

Но некоторые специалисты решили скопировать бразильцев, бить их, так сказать, тем же оружием, не обладая, однако, необходимым для этого ансамблем игроков. И получилось так, как бывает с людьми, не умеющими владеть оружием: пули летели мимо цели...

Так случилось с футболистами Уэльса, Северной Ирландии и в какой-то степени с тренерами нашей команды, которые не были знакомы ни с теорией этой тактики, ни с ее практикой. Результат, конечно, сказался немедленно: наши футболисты заняли позиции «четырех защитников», совершенно им незнакомые, и, конечно, спутали свои, а не чужие карты. Бразильцы же через три минуты после начала матча добились первого успеха и продолжали играть в наступательном стиле, выдвинув к центру поля двух защитников. Избрав неправильную тактику, мы тем самым добровольно уступили свойственную советским футболистам атакующую игру и потерпели поражение. Так неудачно кончилась наша попытка применить новую для нас расстановку футболистов.

Бразильская «А Газетта», выходящая в Сан-Пауло, писала тогда: «...русские избрали неправильную тактику. Их устраивала ничья, поэтому они остановились на оборонительном варианте, видимо, чуждом им и недостаточно разработанном».

Интересно, что сами бразильцы применили систему «четырех защитников» только для данного состава своей сборной и только для шведского турнира. Попытки некоторых клубных команд Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло применить этот вариант не только не принесли успеха, но, по свидетельству французской газеты «Экип», вызвали резкий протест специалистов и спортивных комментаторов.

Даже французский журналист Габриэль Ано, известный апологет оборонительной игры, который восторженно говорил мне о системе «четырех защитников» и видел в ней эволюцию футбола в сторону усиления оборонных функций, недавно вынужден был признать:

«Система бразильцев логична и закономерна в атаке, но она лишена здравого смысла в обороне... и едва ли останется на вооружении других команд. Специалисты быстро раскусят ее слабые стороны...»

Может быть, не стоило так много говорить об этой эпизодической схеме, которая своей внезапностью и необычностью принесла удачу чемпионам мира, а сейчас находится в стадии затухания. Однако мне кажется, она привлекает некоторых наших тренеров именно своей оборонительной прочностью и является еще одним видом принципа «безопасность прежде всего», но на сей раз прикрытым бразильским авторитетом.

Царев или Нетто!

Случилось так, что эти два игрока стали выражать тактические мысли наших тренеров: первый — оборонительные и второй — наступательные.

В последнее время (начиная с шведского турнира) руководители нашей сборной команды (а точнее сказать, Г. Качалин) останавливали свой выбор на Цареве — футболисте высокого класса, цепком, неутомимом, но играющем по преимуществу поблизости от своей штрафной площадки. Он к этому был приучен еще с осени прошлого года, когда в составе «Динамо» выступал на стадионе Маракана в Рио-де-Жанейро, да и в Москве, когда заменял К. Крижевского в защите.

Гарринша и Б. Кузнецов в борьбе за мяч.

И. Нетто же всегда играл впереди. О нем хорошо сказал капитан английской сборной Билл Райт: «Это решающий элемент в русском атакующем механизме».

Если в дни мирового чемпионата в Швеции И. Нетто не попадал в сборную из-за болезненного своего состояния (о котором говорили все, кроме самого Нетто), то в дальнейшем, когда он неоднократно перед москвичами демонстрировал свою отличную спортивную форму, он не был избран, конечно, из чисто тактических соображений.

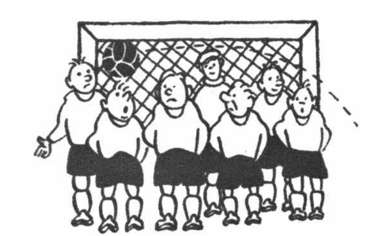
Так замаскированно пытались привить сборной команде Советского Союза неизученную, непроверенную, неправильно понятую систему «четырех защитников», которая без творческого ее восприятия попросту превращалась в набившие оскомину «бетоны», «бункеры», «стены».

Интересно отметить, что тот же Царев, выступая в своем клубе в роли полузащитника, хотя и держится несколько позади, но все же контролирует середину поля, а как только он попадает в сборную, так его тянет к штангам своих ворот. Так было в Швеции, так было в Праге, в Москве, во втором хавтайме матча с Венгрией (когда, видимо, решено было «удержать» счет 3 : 0). Так было, наконец, в Лондоне.

К счастью, наши клубы не приняли систему «четырех защитников» как некую застывшую схему и продолжают играть в старом наступательном стиле. Это, конечно, не значит, что советские специалисты не должны искать новых форм атаки и обороны. Должны обязательно! Один из лучших наших тренеров, Б. Аркадьев, осенью пробовал в армейской команде

В. Царев овладел мячом.

систему «шести защитников» (с быстрым выходом двух из них в контратаку), но, мне кажется, она положительного эффекта не дала, если не считать нолевой ничьей со «Спартаком». Но какой же это эффект? Думается, что армейцы не остановятся на первой пробе.

Более интересный тактический эксперимент провел тренер киевских динамовцев В. Шиловский. Он выдвинул вперед А. Голодца и В. Каневского (как бразильцы выдвинули Пеле и Вава). Это очень обострило атаки и ставило защитников «Спартака», «Динамо» и ЦСК МО в крайне тяжелое положение, и не столько потому, что два этих форварда играли лучше обычного, сколько потому, что они действовали по-новому, а не по шаблону.

Неустанные поиски новых форм нужно настоятельно продолжать. Это тем более важно, что некоторые тактические приемы, как, например, наша отечественная «персональная опека», начинают стареть. Она была эффективна при сравнительно невысоком техническом уровне форвардов, когда разрушительных функций защитника было достаточно; однако она начала трещать по швам тотчас же, как уровень техники нападающих возрос. Теперь уже недостаточно просто разрушить атаку: от защитника потребовалось умение выиграть мяч и самому завязать новую комбинацию.

Мы в этом убедились в Швеции, когда увидели, как наших защитников обыгрывали и бразилец Гарринша, и шведы Хамрин и Скоглунд, и даже не очень техничный англичанин Дуглас.

Таблица недавно закончившегося чемпионата страны показывает, что в нынешнем сезоне нападающие забили значительно больше мячей, чем в прошлом. И в этом факте в какой-то степени отразилась ущербность тактики глухой «персональной опеки». Наши форварды стали легче проходить к воротам, хотя не научились еще точно посылать мяч в сетку.

Во всяком случае, после шведского турнира с особой остротой встали эти вопросы. Их надо решать как можно быстрее, ибо до сих пор в тактическом отношении мы походим на школьника, который остался на второй год.

С дубинкой на технику!

На всемирном чемпионате не только встретились тактические принципы, но и проверялось техническое совершенство команд. И если бы был такой аппарат, который мог бы определить общий технический уровень футболистов, то кажется, что среди участников турнира мы заняли бы невысокое место. В этом смысле мы отстаем не меньше, чем в тактическом. Но план игры и задачи наметить легче, а выполнить их слабыми техническими средствами труднее. Отсюда цель — техническому мастерству обучать сызмальства. Это закон, усвоенный многими странами, особенно южноамериканскими.

В последние годы обучение молодых футболистов у нас как будто наладилось, но еще не дает эффекта. Нужно много и кропотливо работать. Но все ли разделяют подобную точку зрения?

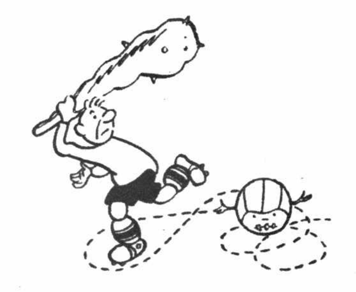
Недавно я присутствовал на заседании секции футбола СССР, когда обсуждался вопрос о проигрыше нашей сборной команды в Англии. Говорили обо всем: о психологических факторах, о «срезках» защитников, об инертности и вялости игроков,— но никто ни слова не сказал ни о технике, ни о тактике, словно эти понятия не существуют и не играют никакой роли в нашем футболе.

Но вот выступил член президиума секции тов. Н. Ряшенцев и, словно желая ответить на вопрос, почему мы проиграли, сказал:

«Нам нужны нападающие высокие, тяжелые, с весом, с мясом, чтобы масса (?) эта двигалась, давила...»

Этот замаскированный плач по Стрельцову не встретил поддержки, ибо известно, что выдающиеся форварды всего мира: англичанин Метьюз, француз Копа, бразильцы Гарринша и Вава, шведы Хамрин и Скоглунд, испанец Шиафино, итальянец Мантуори,— да и лучшие наши нападающие не имеют так называемой «массы» и понимают, что в футболе нужно не «давить», а играть.

Ленинградский тренер О. Ошенков тут же вышел на трибуну и спросил тов. Ряшенцева:

«До каких же пор мы с дубинкой будем идти на технику?»

Вопрос повис в воздухе. А действительно, до каких пор? В последнее время в нашем футболе появилась тенденция силовой игры, к тому же с примесью грубости. Откуда она? От технической отсталости, от неумения владеть мячом, от спортивной некультурности. Чисто силовая игра — анахронизм в футболе. Это с предельной ясностью доказал чемпионат мира. А в «штабе футбольной мысли» мы вновь (в который раз!) слышим призыв идти в атаку «напролом», всей «массой» и с дубинкой в руках...

Недавно мне удалось увидеть фильм, который рассказывал о матче сборных команд СССР и Англии на стадионе Уэмбли с первой и до последней минуты. Кинодокумент подтвердил тактические просчеты, которые прослеживались уже давно (неправильная расстановка игроков, позволившая полузащитнику Клейтону

Судья Фридрих Зайпельт бросил монету. Капитаны команд И. Нетто (сборная СССР) и Б. Райт (сборная Англии) сейчас решат вопрос о выборе ворот.

Фото А. Бочнинина.

овладеть серединой поля, неоправданный в данном случае «сдвоенный центр» и др.).

Несмотря на такие промахи в плане игры и в выборе состава, советские футболисты энергично боролись с хозяевами поля, хотя на последней минуте перед перерывом и пропустили гол.

Во второй половине состязания ошибки защитников позволили англичанам полностью овладеть инициативой и разорвать связи между звеньями нашей команды. Нападающие не получали адресованных передач и вынуждены были отходить за мячом и начинать атаки из большой глубины. Это, конечно, не дало эффекта.

Фильм опроверг заявление руководителей спортивной делегации об инертности и вялости игроков. Советские футболисты потерпели крупное поражение, сыграли плохо, допускали ошибки, но боролись до последней минуты.

* * *

Сезон закончен. Поражения сборной команды СССР в Стокгольме и Лондоне нельзя считать случайными, хотя пять мячей, влетевших в наши ворота на Уэмбли, и не определяют подлинного соотношения сил английского и советского футбола.

К концу года обострились задачи (главным образом технические и тактические), которые волей-неволей встанут сейчас на повестку дня секции футбола СССР. Пора уже ей от судейских протоколов, от протестов, от решений по переигровкам перейти к большим и принципиальным вопросам отечественного футбола, который нуждается сейчас не только во внимании, но и в помощи.

Старожил не виноват

Борис ПРИВАЛОВ

Рисунки Ю. Черепанова.

Когда прочитаешь подряд несколько рассказов о необычных явлениях природы, начинает казаться, будто старожилы существуют только для того, чтобы не помнить какого-либо события.

«Такого дождя и старожилы не упомнят», — вздыхает автор «Заметок фенолога».

«Даже старожилы не припомнят столь активного кваканья лягушек в первые дни августа», — уныло сообщает любитель натуралистических сенсаций, скрываясь под псевдонимом «Старый природовед».

Старожилы, судя по таким заметкам, только вздыхают, ахают и удивленно разводят руками, признавая свое отставание от жизни и сожалея об ушедшей молодости.

Но седобровый дорожный мастер, который ехал с нами в грузовике, все великолепно помнил, был весел и меньше всего думал о своих сединах. Он полсотни лет прожил здесь, на Чайском тракте, знал его вдоль так же хорошо, как и поперек («На каждой колдобине, детушки, по сто раз ноги сбивал»).

Десять месяцев назад уехал мастер в Одессу: плохо стало со зрением, грозила слепота. Врачи спасли старику глаза, но почти год продержали его сначала в больнице, а потом в санатории в Крыму. И вот сейчас, возвращаясь в родные края, старик радовался, как ребенок, каждой природной приметности, перед каждой сопкой срывал с головы кепку и кричал:

— Здравствуй, матушка! Привет тебе от родственников с Черного моря! Тетя Медведь-гора поклон прислала!

Он сам смеялся своим шуткам, и его мохнатые седые брови, похожие на усы, забавно елозили.

В кабине мы сидели втроем: шофер, я и старик. Шофер, молодой красивый парень, виртуозно вел грузовик. Только почтение к его мастерству и заставляло старика сдерживаться: вот уже сто пятьдесят километров он и шофер находились на пороге крупной ссоры.

Началось с того, что шофер сказал:

— Вы сколько, батя, не были на Чайском тракте? Десять месяцев? Считайте, что вы на нем никогда не были. Сейчас, батя, такие времена идут: один год пятидесяти равен! Знание местности, батя, не только от возраста жителя зависит.

Тон молодого водителя был так снисходительно-обиден, что старик, как говорится у шоферов, «завелся с пол-оборота».

— Это кому ты произносишь такие бессовестные слова? — запетушился он. — Да я, может, этот тракт самолично трактом сделал! Да я...

Вскоре спор принял вежливо-утонченные формы.

— Эх, водички бы испить холодной! — мечтательно сказал шофер.

— Сейчас Гульбинская сопка будет,— как бы между прочим сообщил мастер.— А от нее метров двадцать родничок бьет из-под камня. Вода — что шампанское!

— Нет там родничка,— бездумно, из духа противоречия возразил шофер.— Сопка, верно, есть, а родничка нет. Иссяк еще до революции.

— Придется останавливаться, — объявил я, беря на себя роль судьи. — Проверим, кто прав.

Старожил выиграл: родничок исправно журчал точно на предсказанном месте.

— Один: ноль,— подытожил я.— Едем дальше.

Теперь уже шофер высказывался осторожнее, с оглядкой.

— А сейчас, справа, нора пяти сусликов, — говорил старик, шевеля бровями-усами.— Там, в этой норе, древние монеты найдены были... И новая трещиница. Где ее суслики взяли, загадка природы.

Шофер не реагировал.

Так продолжалось километров шестьдесят. Но когда повеселевший старик заявил, что нужно ехать осторожно, потому что будет трудный брод, шофер нарочно погнал машину на полной скорости. Старожил заволновался. Я-то знал, что водитель наверняка сравняет счет: вот уже два месяца, как в строй вступил мощный красавец-мост, на котором можно в четыре ряда ехать, да и то еще место останется.

— Один : один, — сказал я.

Километров через двадцать старожил снова покачал головой и, хитро покосившись на водителя, объявил сторожку, в которой живет очень красивая девушка.

— Нет там никакой девушки, батя!—уверенно заявил водитель. Он сказал это так убежденно, будто вчера только женился на ней и перевез ее в город.

— Есть девица-красавица, есть,— засмеялся старожил.

Остановились. Дорожный сторож оказался родичем нашего старика, и они долго лобзались, хлопая друг друга по плечам. Затем вышла из горницы дочь сто-

---

У ИСТОКА ВОЛГИ

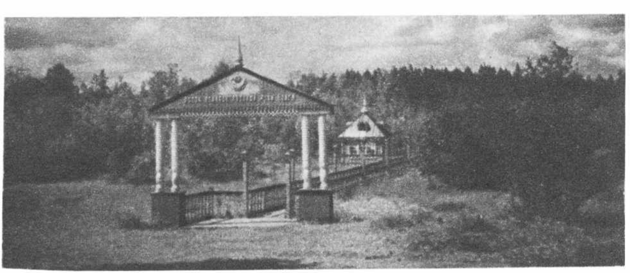
Селение Волговерховье, Калининской области. Здесь начинается Волга. Край села примыкает к торфяному болоту, окаймленному мелким лесом. На болоте более века простояла одинокая избушка, установленная на месте рождения самой большой реки Европы. В сентябре 1941 года Волговерховье заняли фашисты, над избушкой повисло вражеское знамя. Повисело оно всего лишь два дня, на третью ночь его унесли партизаны. Оккупанты обрушили свою ярость на скромный памятник: разрушили избушку, бревна сожгли.

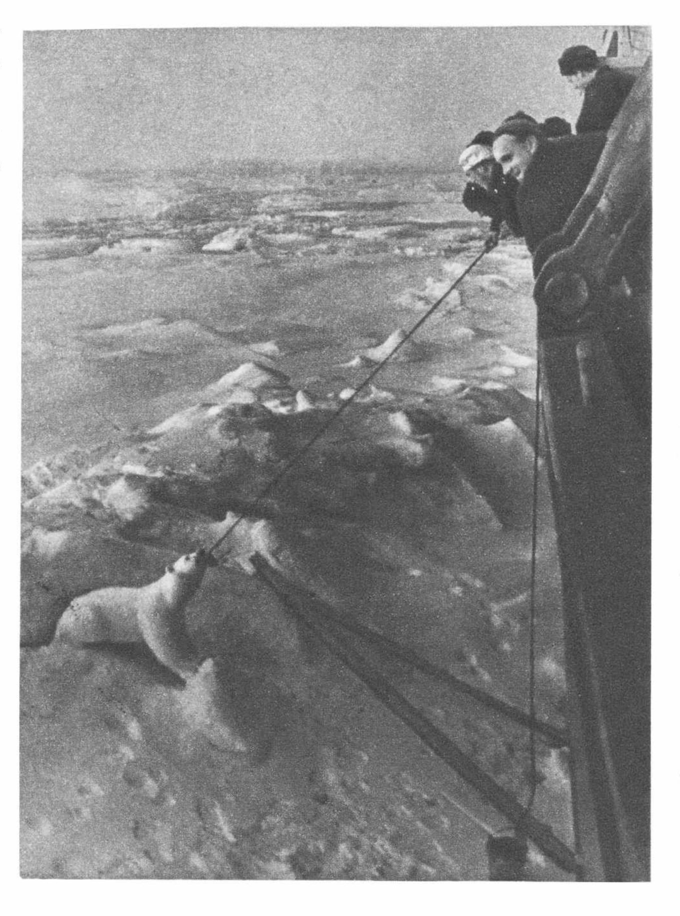
В январе 1942 года советские воины освободили Волговерховье. Через несколько месяцев солдаты части майора И. И. Соложенцева построили над истоком красивый павильон. Позже его реставрировала киноэкспедиция, снимавшая научно-популярный фильм «Волга».

Летом минувшего года у истока Волги был поставлен новый памятник. На фронтоне арки, украшенной искусной резьбой, мы видим Государственный герб СССР и надпись: «Исток великой русской реки Волги». Арку венчает шпиль из белого металла. Мостик ведет к декоративному павильону, в котором через специальное отверстие в полу можно осмотреть родник — исток Волги. Сооружения удачно гармонируют с окружающим ландшафтом.

С. ИЛЬИН,
действительный член Географического общества СССР

г. Шуя.

Встреча

Теплоход «Станиславский» вез из Архангельска грузы для жителей Крайнего Севера. Пройдя Новую Землю, мы встретили тяжелый лед и попали в ледяной плен. 3 сентября, едва встало солнце, меня разбудил второй помощник капитана, доложив, что к судну пришел гость. Молодой белый медведь нюхал борт судна, попробовал лившуюся из шланга теплую воду, потом начал осматривать корму.

Состоялось знакомство. Медведь ел хлеб, который кидали с борта матросы. Банка с вареньем пришлась гостю по вкусу. За нею была оказана честь сушеной вобле и куску мяса, привязанному к веревке. Надо было запить чем-то вкусный завтрак. Ведро с пресной водой опустили на лед. Мишка смело подошел и напился. А потом растянулся на льду: отдых!

В девятом часу, когда ледовая обстановка немного разрядилась, мы пошли на восток, отсалютовав мишке на прощание тремя гудками. Он было поплелся вслед и прошел с милю, но, убедившись, что ему нас не догнать, снова лег на лед.

Капитан теплохода «Станиславский»
И. СЕПЕЛЕВ

рожа, очень красивая девушка, о приезде которой в гости, как выяснилось, сторож писал мастеру в Крым.

— Вот так ездишь, ездишь, — лукаво подняв бровь, сказал старик шоферу, — счастья своего и не примечаешь... А оно, может, рядом, на пути твоем находится.

— Два: один, — объявил я.

И мы помчались дальше.

— Сопка по имени Безымянная будет сейчас за поворотом, — предсказал старожил. — Аккурат за ней речка.

Машина лихо выписала поворот, и шофер нарочно притормозил, чтобы насладиться эффектом. Сопки по имени Безымянная не было на месте!

Дорожный мастер покрутил бровями, оглянулся по сторонам и обомлел.

— Считайте, — сказал шофер голосом боксера, который нокаутировал своего противника.

— Два : два, — констатировал я и объяснил старику, что сопку недавно удалили с помощью направленного взрыва, чтобы выпрямить тракт и ликвидировать объезд.

— Точная работа, — сказал шофер. — Вместо сопки — гладь, хоть паркет настилай. Исправление пейзажей и ландшафтов! И в других местах тоже взрывать собираются. Вот специальность! Завидую!

Километров через двадцать старик пришел в себя, кепочкой отер вспотевший лоб и нанес сильный удар:

— Вот вы цемент за сто верст возите, а здесь, в расщелине, этого полезного ископаемого миллион тонн.

— Нет там, батя, миллиона, — усмехнулся водитель.

— Может, миллиона и нет, — согласился старик, — а на всю Европу хватит и Азии еще останется.

— Конечно, — хохотнул водитель, — как слепые вокруг ходят, а тут, здрасте, цемент на весь мир! Скажешь тоже, батя...

— Тормози! — закричал старик, воинственно закручивая кончики бровей. — Стопорь машину! Докажу, кто правый, а кто виноватый! Это я тут цемент открыл. В Академию наук писал. Комиссия приезжала. Мне премию дали. А работать до сих пор не начали. Позор и стыд со срамом! Природное ископаемое само в руки дается, а к нему с волокитой относятся.

Минут десять мастер водил нас вдоль расщелины, показывая цементные осыпи, демонстрировал аккуратно хранимые в бумажнике справки и выписки, заверенные в Академии наук.

— Три : два, — сказал я, влезая в кабину.

Водитель молчаливо кивнул в знак согласия.

— Ты, слышь, поторапливайся, — сказал старик, когда машина набрала скорость, — а то мне до дому километров пятьдесят осталось всего. Не успеешь ничью сделать.

— Мне и пяти минут хватит, — отозвался водитель, — отыграюсь.

Старик только улыбнулся: дескать, и нахал же ты, братец!

Мы попетляли еще немного, а потом выскочили на участок тракта, который шел параллельно железнодорожному полотну. Железная дорога была километрах в двух. Далеко впереди навстречу нам шел поезд. Водитель замедлил ход, начал посматривать то на часы, то в сторону идущего состава. Волнение его передалось и старику. Он тоже поглядел на поезд, затем испуганно вскинул брови и заорал:

— Стоп! Тормози, паря! Кому кричу? Стой!

Шофер остановил машину, старик выскочил из кабины и помчался к железной дороге, размахивая кепкой и крича что-то. Он спотыкался, попадая сапогами в норы сусликов, и наконец перешел на шаг.

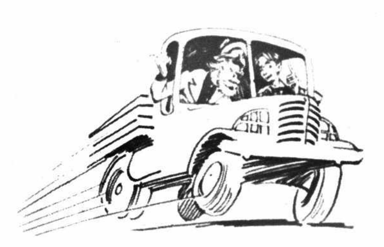
— Батя, вернитесь! — крикнул шофер. — Экономьте свое здоровье!

И только тут я понял, в чем дело: с другой стороны тоже шел поезд. Казалось, что два тяжелых состава мчатся на полных скоростях навстречу друг другу. А ведь вторую колею здесь построили за последние полгода. Старожил, разумеется, был уверен, что тут, как прежде, только один путь, и решил: сейчас произойдет катастрофа, столкновение.

— Ничья, — тяжело дыша, сказал старик, возвращаясь к машине.— Три: три. Выкрутился ты, сынок. Но если б и дальше мы с тобой ехали...

— Батя, — нежно сказал шофер, — я с детства люблю упрямых людей. В следующий рейс специально заеду за вами и прокачу по другому участку тракта. И там вы тоже, между прочим, убедитесь, что эти десять месяцев мы здесь без вас не только в «козла» играли... Короче, продолжим наше соревнование. И в случае моего выигрыша вы меня, батя, официально знакомите с той девушкой из сторожки! Идет?..

Старика мы довезли до порога его домика и душевно простились с ним.

На прошлой неделе открылся творческий клуб журнала «Огонек». Первым на вечере выступил приехавший в Советский Союз прогрессивный американский публицист и борец за мир Альберт Кан, рассказавший о своих встречах в Москве. Выдающегося писателя сердечно приветствовали работники журнала и гости творческого клуба.

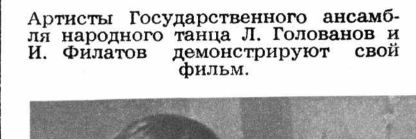
Государственный ансамбль народного танца СССР с большим успехом выступал во многих странах мира. Художественный руководитель ансамбля народный артист СССР Игорь Моисеев поделился на вечере своими впечатлениями о гастрольных поездках. Солисты ансамбля народный артист РСФСР Лев Голованов и Игорь Филатов показали цветной фильм, заснятый ими во время гастролей.

Заслуженный артист РСФСР Вячеслав Сомов изучает творчество кубинского поэта Николаса Гильена. На вечере Сомов читал стихи Гильена на его родном, испанском языке в сопровождении гитары, как это принято на родине поэта. На гитаре аккомпанировал артист Театра Советской Армии В. Кручинин.

Альберт Кан. Игорь Моисеев.

В. Сомов исполняет стихи Николаса Гильена. Аккомпанирует В. Кручинин.

Артисты Государственного ансамбля народного танца Л. Голованов и И. Филатов демонстрируют свой фильм.

Командорские грибы

Село Никольское, остров Беринга.

Вероятно, многие знают Командорские острова как место, где живут редкие и ценные пушные звери каланы, где находятся лежбища морских котиков, где бегают удивительно доверчивые голубые песцы...

Острова Беринга и Медный часто окутаны туманом, над безлесными их просторами почти беспрерывно носятся ветры, а солнце — редкий и случайный гость. Для тех, кто привык видеть многообразный мир грибов в лесных чащах, неожиданными будут грибы на тундровых островах.

В сентябре голые вершины и склоны сопок, кочки в тундре буквально усеяны подосиновиками. Среди этой армии одиночками кажутся белые грибы, подберезовики, козлята, сыроежки. Кое-какие названия на Командорах кажутся странными, например подберезовик. Какой же это подберезовик, если он гораздо выше прижавшейся к земле карликовой березки! Скорее всего он надберезовик!

Командорские грибы отличаются приятной особенностью: они не бывают червивыми (не глядя, кладите грибы в кошелку или ведро). Ведро пузатеньких подосиновиков можно набрать за каких-нибудь полчаса: они заметны издалека. Промышленники-алеуты, поохотившись на берегу океана, обычно по дороге к дому набирают целый заплечный мешок грибов.

С. МАРАКОВ

ЖЮЛЬ ВЕРН И ЗВУКОВОЕ КИНО

Среди многих научных гипотез в произведениях Жюля Верна имеется одна, которая должна привлечь внимание историков кино. В 1892 году, незадолго до изобретения немого кинематографа, в своем романе «Замок в Карпатах» писатель предвосхитил создание... звукового кино.

В финале романа раскрывается тайна изобретения. Один из персонажей запечатлел на фонографе репертуар артистки Стиллы и «так усовершенствовал пластинки, что получалась полная иллюзия» голоса певицы. Приводим выдержку из романа:

«Барон, вернувшись в одинокий Карпатский замок, каждый вечер наслаждался пением Стиллы. Он не только слышал ее голос, но и видел ее, как живую, перед собой. Это был просто оптический обман.

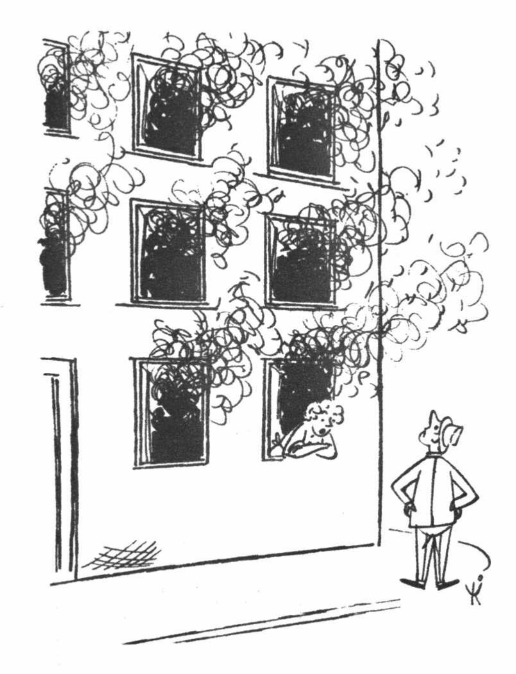
Читатель помнит, что барон купил прекрасный портрет певицы, на котором она была изображена в белом костюме Антелики.

И вот благодаря известному наклону зеркал, освещенных сверху сильным огнем, Стилла появлялась, как живая, во всем блеске красоты».

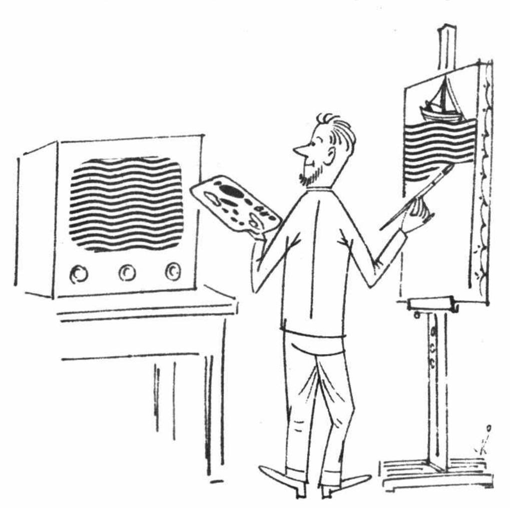
«Звуковое кино», о котором писал Жюль Верн, не похоже на то, которое родилось в 1926—1928 годах. Оно представляло собой сочетание фонографа Эдисона, изобретенного за несколько лет до создания романа «Замок в Карпатах», и стереоскопического неподвижного изображения. Однако даже такое описание было весьма фантастично для людей конца прошлого века.

И. СОКОЛОВ, кандидат технических наук

Москва.

— Это не пожар! Я посоветовала соседкам купить новую поваренную книгу.

С натуры.

Без слов.

Рисунки **Ю. КАЧМАРЧУКА** (Варшава).

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Актер и режиссер, ученик К. С. Станиславского. 7. Советская балерина. 8. Пассажирский автомобиль. 9. Автор проектов машин, сооружений. 15. Синтетическая смола. 16. Украинский танец. 19. Мельчайшее живое существо. 20. Кондитерское изделие. 21. Мелкая денежная единица в некоторых государствах. 22. Один из стилей архитектуры. 23. Пролив, соединяющий Адриатическое и Ионическое моря. 24. Чешский писатель. 26. Осенний сорт яблок. 28. Венгерский пианист и композитор. 30. Плотное сукно. 31. Автономная советская республика. 32. Металл, применяемый для изготовления международных эталонов мер длины и веса. 33. Самодвижущийся вагон. 37. Лечебное учреждение. 38. Женская одежда. 39. Осветительный прибор.

По вертикали:

1. Ученый, создатель теории развития органического мира. 2. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 3. Старинный военный корабль. 5. Раздел математики. 6. Приток Енисея. 9. Талон, заменяющий билет. 10. Комплект колесных пар локомотива. 11. Пьеса В. Маяковского. 12. Область языкознания. 13. Прибор для вычерчивания копий с чертежей, планов. 14. Декоративное растение. 16. Редкий минерал. 17. Представительница основного населения одной из стран народной демократии. 18. Единица измерения количества теплоты. 25. Помост для постройки и спуска на воду судов. 27. Крупа. 28. Мера емкости. 29. Управление летательным аппаратом. 34. Специальность рабочего. 35. Овощ. 36. Советский ученый-животновод.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

5. Попов. 6. Эвены. 11. Иммельман. 12. Суворовец. 14. Аркада. 15. Стиль. 16. Адонис. 17. Рекогносцировка. 20. Бакан. 21. Тибет. 25. Модифицирование. 28. Мальва. 30. Асача. 31. Скопле. 32. Дарование. 33. Виндроуэр. 34. Штрих. 35. Федин.

По вертикали:

1. Додеканес. 2. Фольга, 3. Европа. 4. Антоновка. 7. Смерч. 8. Дарсонвализация. 9. Культивирование. 10. Репин. 13. Тиссэ. 18. Окапи. 19. Онега. 22. «Вольность». 23. Ливан. 24. Синология. 26. Саман. 27. Глиэр. 29. Апатит. 31. Сидней.

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Из черного материала не сошьешь белый халат.
Дорог — тысяча, правда — одна.
Выше стоишь — больше видишь.
Ворон высмеивает черную свинью, а оба черны.
Гром раскатистый, да дождик редкий.
Мелкая река долго течет.

Перевел Ван Гуэй-тан.

Тяньцзинь.

Румынской марке — сто лет

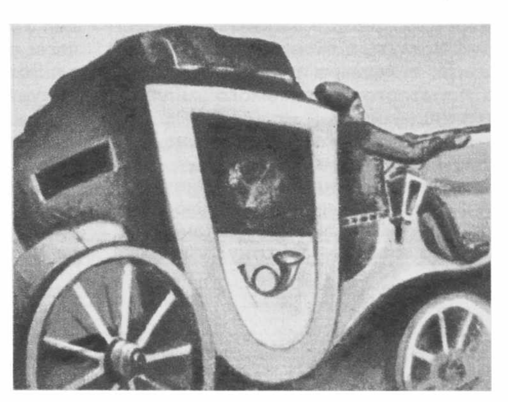
В этом году исполняется столетие румынской почтовой марки. В 1858 году почтовая администрация Молдавского княжества выпустила первые марки с головой зубра, изображавшейся тогда на государственном гербе. В типографии города Яссы по рисунку неизвестного автора было отпечатано более 24 тысяч марок. Из них была продана только половина, так как вскоре выпустили другие марки из-за изменения почтового тарифа. В настоящее время марки с изображением головы зубра стали филателистической редкостью. На аукционе одной коллекции, состоявшемся в прошлом году в Нью-Йорке, за такую марку было уплачено более 6 тысяч долларов.

За столетие в Румынии было выпущено свыше 2 тысяч разных почтовых марок. Очень разнообразны и любопытны марки, вышедшие за последние годы. Они отражают богатство и красоты республики, быт и труд румынского народа, строящего социализм. Были выпущены румынские марки в честь русских ученых (Ломоносов, Павлов, Мичурин), писателей (Гоголь, Горький, Маяковский, Пушкин, Достоевский), композиторов (Чайковский, Глинка). Во всем мире известны теперь наши марки, посвященные запуску советских спутников (на двух марках изображена Лайка).

В честь столетия румынской марки в Бухаресте организована международная филателистическая выставка. Наилучшим экспонатам будут присуждены премии, медали, дипломы. На специальной юбилейной эмиссии из восьми марок изображается голова зубра, почтальон и почтовая карета прошлого века. Организуется специальный бег почтовой кареты в условиях, воспроизводящих обстановку 1858 года. Она доставит письма, погашенные специальным штемпелем.

Бухарест.

В. СУРЖИКОВ,
старший преподаватель Института экономических наук.

Старинная почтовая карета.

Почтовая виньетка, популяризирующая международную выставку. Справа изображено здание Главного почтамта в Бухаресте, где состоится выставка. Слева воспроизведена одна из первых румынских марок.

На вкладках этого номера репродукции картин А. В. Овчарова «В. И. Ленин беседует с крестьянами», И. Г. Волынского, А. М. Пономарева «К вечеру», В. А. Полякова «После штурма Зимнего», В. М. Сидорова «Майским утром. Москва» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05380. Подписано к печати 26/XI 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 1235. Заказ № 2702.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Любовь моя, Россия!..

Стихи Андрея ДОСТАЛЯ.

Музыка Владимира ШАИНСКОГО.

Закаты, да рассветы,
Да шум берез...
Люблю я землю эту,
Люблю до слез.

ПРИПЕВ:

Страна родимая, с тобою
Одной мы связаны
судьбою.
Любовь моя, Россия!..
На свете нет зари
светлей,
На свете нет любви
сильней.

Мы шли под флагом алым
В тревожный час,
Когда ты подымала
На битву нас.

ПРИПЕВ.

Мы шли сквозь снег и ветер,
Сквозь кровь и пыль!
О нас расскажут детям
Простую быль.

ПРИПЕВ.
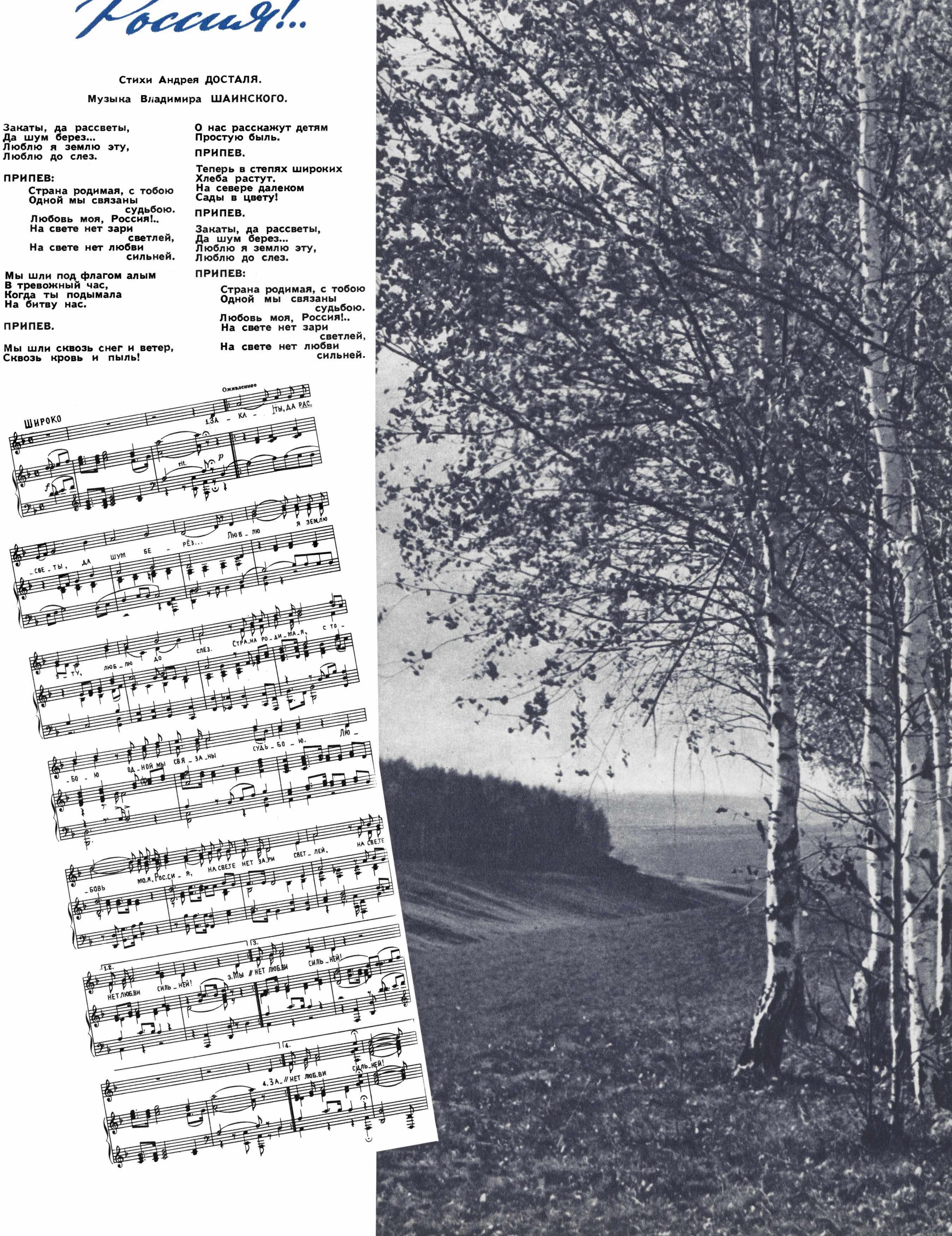
Теперь в степях широких
Хлеба растут.
На севере далеком
Сады в цвету!

ПРИПЕВ.

Закаты, да рассветы,
Да шум берез...
Люблю я землю эту,
Люблю до слез.

ПРИПЕВ:

Страна родимая, с тобою
Одной мы связаны
судьбою.
Любовь моя, Россия!..
На свете нет зари
светлей,
На свете нет любви
сильней.

Цена номера 3 руб.